

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 — 1

Находки: Найден новый автограф Достоевского! **Сибирский опыт Достоевского:** По каким дорогам ездил в Сибири писатель? Что узнали о жизни Достоевского в Омске студенты в архивах Москвы? Кто, кроме Юзефа Богуславского, писал в его «Сибирском дневнике» о Достоевском? Какие омские чиновники были прототипами героев «Записок из Мертвого Дома»? Как измерить снесенный Омский острог? **Жизнь и творчество:** Почему Достоевский назвал Нерона «артистом»? Мог ли пасквилянт П. В. Долгоруков быть прототипом поручика Келлера в романе «Идиот»? Кто из «червонных валетов» был родственником Достоевского? **Стенография А. Г. Достоевской:** Как Достоевские продавали куманинское наследство? **Задачи текстологии:** Как издавали и как следует издавать эпистолярное наследие Достоевского?

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2020 — 1

Findings: A new autograph of Dostoevsky has been discovered! **Dostoevsky's Siberian experience:** What roads did the writer take in Siberia? What did students learn about Dostoevsky's life in Omsk from Moscow archives? Who, apart from Jozef Boguslavsky, wrote about Dostoevsky in his Siberian Diary? Which Omsk officials were the prototypes of the characters of Notes from a Dead House? How can the demolished Omsk prison be measured? **Life and creative work:** Why did Dostoevsky refer to Nero as an 'artist'? Could the pamphleteer P. V. Dolgorukov be the prototype of Lieutenant Keller in Idiot? Which one of the "Jacks of Hearts" was related to Dostoevsky? **A. G. Dostoevskaya's shorthand:** How did the Dostoevskys proceed with the sale of the Kumanin inheritance? **The task of textual criticism:** How was Dostoevsky's epistolary legacy published and how should it be published?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2020 № 1

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета

E-mail: vnz01@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2020

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL
2020 № 1

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013
The journal is published quarterly
Indexed in Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus and others
All the submitted articles are reviewed

Chief Editor
Vladimir N. Zakharov
Doctor of Philology, Professor of Petrozavodsk State University
E-mail: vnz01@yandex.ru

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров Неизвестный автограф Ф. М. Достоевского (Письмо Цесаревичу Наследнику Александру Александровичу)	5
Е. Ю. Сафронова Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского	13
И. Л. Волгин Омский контекст. Новые реалии и находки	42
А. Г. Подрябинкина Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»?	51
М. А. Калинин Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам)	69
Е. Е. Огородникова Каторга Достоевского в математическом исчислении.....	101
Е. Л. Смирнова «Него (артист)» в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг.	118
Ю. Н. Сытина Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского	133
В. В. Борисова «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского	156
О. А. Сосновская, И. С. Андрианова «...Прождав 23 года, невысказано ждать опять 20 лет»: Неизвестная стенограмма о судьбе рязанского имения Достоевских	168
Л. В. Алексеева Актуальные проблемы публикации переписки Ф. М. Достоевского и его корреспондентов	184

CONTENTS

E. D. Maskevich, B. N. Tikhomirov

An Unknown Autograph of F. M. Dostoevsky
(The Letter to Successor Tsesarevich Alexander Alexandrovich) 5

E. Y. Safronova

Siberian Routes of F. M. Dostoevsky 13

I. L. Volgin

Omsk Context. New Realities and Findings 42

A. G. Podryabinkina

What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov
and Fedor Dostoevsky in *Siberian Diary*? 51

M. A. Kalinin

Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's
The House of the Dead (Based on Archival Materials) 69

E. E. Ogorodnikova

Dostoevsky's Penal Servitude Facility in Numbers 101

E. L. Smirnova

"Nero (artist)" in Fedor Dostoevsky's Workbook of 1864–1867 118

Y. N. Sytina

P. V. Dolgorukov's Lampoon of Odoevsky
as the Potential Proto-Text of Keller's Article
in *The Idiot* by F. M. Dostoevsky 133

V. V. Borisova

"Jack of Hearts" A. T. Neofitov
from the Circle of F. M. Dostoevsky 156

O. A. Sosnovskaya, I. S. Andrianova

"...After Waiting 23 Years, It Is Unthinkable
to Wait Again for 20 Years": An Unknown Transcript
on the Fate of the Dostoevsky Family's Ryazan Estate 168

L. V. Alekseeva

Topical Issues in Publishing the Letters
of F. M. Dostoevsky and His Correspondents 184

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4401

УДК 930.25

Екатерина Дмитриевна Маскевич*Российский государственный исторический архив (РГИА)**(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

spb-collects@yandex.ru

Борис Николаевич Тихомиров*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского**(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Неизвестный автограф Ф. М. Достоевского (Письмо Цесаревичу Наследнику Александру Александровичу)*

Аннотация. В центре публикации — новонайденный автограф письма Ф. М. Достоевского от 16 ноября 1878 г. Великому князю Александру Александровичу (будущему Императору Александру III). Письмо обнаружено в фонде Придворной конторы Наследника Цесаревича Министерства императорского двора. Достоевский обратился к Великому князю Александру Александровичу по рекомендации К. П. Победоносцева. В письме содержится прошение позволить присылать августейшему адресату выпуски моножурнала Достоевского «Дневник писателя», а также дана общая оценка переживаемого Россией исторического момента. Текст письма был известен прежде по черновому автографу, а также по документу, написанному рукой А. Г. Достоевской, квалифицированному публикаторами Полного собрания сочинений писателя как «копия с окончательного текста письма». Однако при сличении в беловом автографе обнаружен ряд разночтений с так называемой «копией». Она, скорее, является текстом, предварительно продиктованным писателем жене, в который затем, при написании беловика, Достоевский внес ряд дополнений и поправок, восходящих к черновому автографу, что и позволило выдвинуть настоящую гипотезу. Публикуется также отпуск письма Конторы двора Наследника Цесаревича на имя Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, эпистолярное наследие, автограф, «Дневник писателя», Великий князь Александр Александрович, Российский государственный исторический архив

Об авторах: *Маскевич Екатерина Дмитриевна* — ведущий научный сотрудник, Российский государственный исторический архив (РГИА) (Заневский пр., 36, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195112); *Тихомиров Борис Николаевич* — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 31.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Неизвестный автограф Ф. М. Достоевского (Письмо Цесаревичу Наследнику Александру Александровичу) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 5–12. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4401

В академическом Полном собрании сочинений писателя (далее — ПСС) опубликовано письмо Достоевского «А. А. Романову (наследнику)», датированное редакцией 16 ноября 1876 г. В текстологической преамбуле к примечаниям указано: «Печатается по копии А. Г. Достоевской с окончательного текста письма: ГБЛ, ф. 93. I.6.1. <...> Подлинник неизвестен»¹.

Очевидно, публикаторы заключили, что копия сделана «с окончательного текста», поскольку на обороте листа Анна Григорьевна позднее оставила пояснительную записку: «Ввиду отзывов наследника цесаревича по поводу некоторых статей “Дневника писателя”, переданных Федору Михайловичу К. П. Победоносцевым, он решил из чувства благодарности за высокое сочувствие — просить дозволения доставлять в 1876 году выходящие №№ “Дневника писателя”» (271).

Однако заключение публикаторов ПСС оказалось поспешным. При сравнении найденного нами автографа письма и текста «копии» А. Г. Достоевской обнаружилось, что в беловом варианте, отправленном августейшему адресату, было сделано несколько дополнений (от отдельных слов до целой фразы) и, кроме того, осуществлена определенная правка. Кроме того, в автографе проставлена точная дата (по-видимому, рукой жены писателя), отсутствующая в копии (публикаторы датировали письмо в соответствии с указанием в ответе на него, посланном Достоевскому из «конторы двора наследника», где, в частности, сообщалось: «...в ответ на поданное Вами на имя его императорского высочества письмо от 16 текущего ноября, имеют честь уведомить Вас...» (272). Учитывая сделанные наблюдения, считаем целесообразным опубликовать данное письмо по автографу, чтобы ввести в научный оборот аутентичный текст самого Достоевского. Кроме того, необходимо указать, что в публикации ПСС в текст письма вкралось несколько неточностей (из которых один случай весьма серьезный), которые также требуют исправления. Отмечаем их, как и разночтение автографа с копией, в подстрочных примечаниях.

Любопытной особенностью белового автографа также является то обстоятельство, что практически все его отличия от текста, написанного рукой А. Г. Достоевской, имеют точные соответствия в сохранившемся черновом автографе письма², — факт, заставляющий поставить под сомнение статус «копия», присвоенный публикаторами ПСС напечатанному ими тексту. Более вероятно, что за «копию» был принят предварительно продиктованный Достоевским жене первоначальный вариант письма. На его основе был создан окончательный беловой текст, в который писатель в нескольких местах внес дополнения и правку, учитывая варианты чернового автографа (что и позволило выдвинуть настоящую гипотезу).

Автограф обнаружен нами в Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург), в деле «Конторы двора Его Императорского Величества Государя Наслѣдника Цесаревича», имеющем название «О поднесении Его Императорскому Высочеству брошюр сочинений, а также и о посвящении

разныхъ сочиненій АВГУСТЪЙШЕМУ ИМЕНИ ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,
и напечатанію въ изданіи портретовъ».

Илл. 1. Обложка «Дела конторы Двора Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича»

Fig. 1. The Cover of "The Case of the Office of the Court of His Imperial Highness, Sovereign Successor Tsesarevich"

В письме от 13 ноября 1876 г., К. П. Победоносцев, спрашивал Достоевского: «...доставляете ли Вы свой "Дневник писателя" Наследнику Цесаревичу?» — и настоятельно рекомендовал: «Если нет, то недурно было бы, когда б Вы ему посылали». В завершение он указывал: «Вы можете послать вышедшіе листы просто на имя Великаго Князя съ почтой; а если желаете доставить съ толкованіемъ, то благоволите прислать ко мнѣ и я отошлю

ихъ къ нему съ письменнымъ объясненіемъ что это¹⁾ отъ Васъ представляется»³⁾.

В черновике этого письма есть строки, отсутствующие в беловом автографе (выделены нами в цитате): «Простите же смѣлость мою, не осудите [и]²⁾ **удостойте принять недоконченную мою книгу** и дозвольте³⁾ высылать Вашему Императорскому Высочеству и впредь, ежемѣсячно каждый дальнѣйш<ій> выпускъ Дневника писателя»⁴⁾. Вероятно, Достоевский колебался, посылать или нет Великому князю разрозненные выпуски своего моножурнала. Изъятие выделенных слов из белового автографа, видимо, означает, что он отказался от первоначального намерения — возможно, до получения согласия августейшего адресата. По-видимому, он отказался и от предложения К. П. Победоносцева использовать его как посредника, послав свое письмо обычной почтой.

В конторе Двора Наследника Цесаревича письмо Достоевского было получено 18 ноября, о чем сделана чернильная помета справа в верхней части первой страницы автографа. В левом верхнем углу наложена резолюция Великого князя Александра Александровича: «Я согласенъ. Извѣстить Достоевскаго» (см. Илл. 2).

В архивном деле также имеется отпуск ответного письма:

«19 ноября 1876 г.
№ 1570

Г. Издателю ежемѣсячнаго
изданія “Дневника Писателя”
Федору Достоевскому.

По повелѣнію НЦ²⁾ въ отвѣтъ на поданное Вами на имя ЕИВ⁵⁾ {письмо}⁶⁾ от 16 текущего Ноября, имѣю⁷⁾ честь увѣдомить Васъ М. Г.⁸⁾ что ЕВ⁹⁾ со-благоволить изъявить милостивое Свое согласіе на полученіе періодическаго изданія Вашего, подъ заглавіемъ “Дневникъ Писателя”.

Подписалъ Гофмарш. Зиновьевъ.
Скрѣпилъ И. Д. Управляющ. Конт.¹⁰⁾
Адъютантъ Его ВЫСОЧЕСТВА
Полковникъ Васильковскій

Върно: И. Д. Столоначальника (подпись)»¹¹⁾.

¹⁾ В публикации ПСС (271) слово это отсутствует.

²⁾ В публикации ПСС (187) вместо [и] ее.

³⁾ В публикации ПСС (187) дозволить.

⁴⁾ Наследника Цесаревича.

⁵⁾ Его Императорского Высочества.

⁶⁾ В фигурные скобки заключен вписанный в автографе текст.

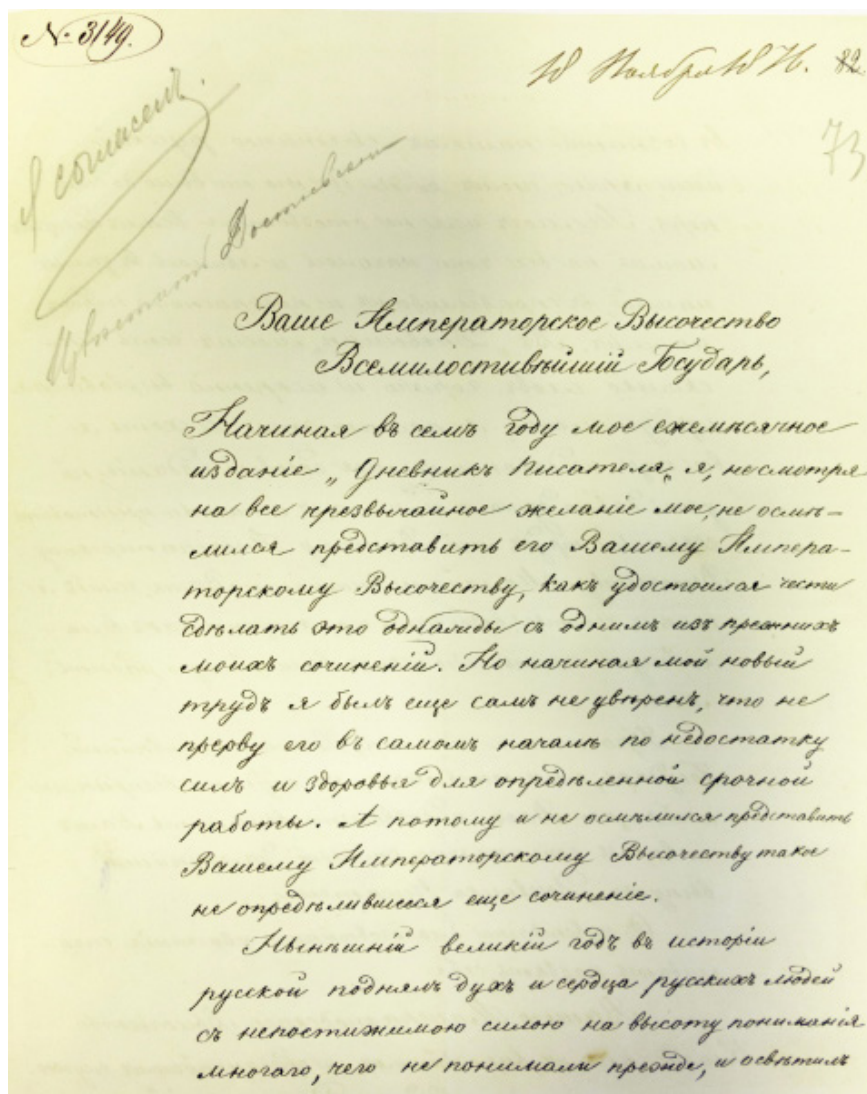
⁷⁾ В публикации автографа в ПСС: «имеют» (272, примеч.).

⁸⁾ Милостивый Государь.

⁹⁾ Его Высочество.

¹⁰⁾ Исправляющий должность управляющего конторой.

¹¹⁾ РГИА. Ф. 1339, оп. 1, ед. хр. 5. Л. 76.

Илл. 2. Автограф письма Ф. М. Достоевского к Наследнику Цесаревичу Великому князю Александру Александровичу

Fig. 2. The Autograph of F. M. Dostoevsky's Letter to Successor Tsesarevich Grand Duke Alexander Alexandrovich

Письмо публикуется по автографу: РГИА. Ф. 1339, оп. 1, ед. хр. 5. Л. 73–73 об.
Комментарии см.: ПСС. Т. 29, кн. 2. С. 271–272. Об августейшем корреспонденте Достоевского и их отношениях с писателем подробнее см.: [Волгин: 287–289, 404–410, 537–558].

Авторы публикации выражают сердечную благодарность за профессиональную помощь заведующей редакцией «Неизвестного Достоевского» И. С. Андриановой.

*Ваше Императорское Высочество,
Всемилолюбивѣйшій Государь,*

Начиная въ семь году мое ежемѣсячное изданіе «Дневникъ Писателя»¹²⁾ я, не смотря на все чрезвычайное¹³⁾ желаніе мое, не осмѣлился представить его Вашему Императорскому Высочеству, какъ удостоился чести сдѣлать это однажды съ однимъ изъ прежнихъ моихъ сочиненій. Но начиная мой новый трудъ я былъ еще самъ не увѣренъ, что не прерву его въ самомъ началѣ по недостатку силъ и здоровья для определенной срочной работы. А потому и не осмѣлился представить Вашему Императорскому Высочеству такое не опредѣлившееся¹⁴⁾ еще сочиненіе.

Нынѣшній великій годъ¹⁵⁾ въ исторіи русской поднѣлъ духъ и сердца¹⁶⁾ русскихъ людей съ непостижимою силою¹⁷⁾ на высоту пониманія многого, чего не понимали прежде, и освѣтилъ¹⁸⁾ въ сознаніи нашемъ святыню¹⁹⁾ русской идеи²⁰⁾ ярче, чѣмъ когда бы то ни было до сихъ поръ. Не могъ и я не отозваться всѣмъ сердцемъ моимъ на все что началось и явилось въ землѣ нашей, въ справедливомъ и прекрасномъ народѣ нашемъ. Въ «Дневникъ» моемъ есть нѣсколько словъ горячо и искренно вырвавшихся изъ души моей, я помню это. И хотъ я все еще не докончилъ мое годовое изданіе, но уже давно²¹⁾ думалъ и мечталъ о счастья²²⁾ представить скромный трудъ мой Вашему Императорскому Высочеству. Малѣйшее вниманіе Ваше, еслибъ я имѣлъ счастье возбудить его, я цѣню какъ величайшую честь себѣ и какъ величайшую радость мою²³⁾.

¹²⁾ В публикации ПСС: «Дневника писателя».

¹³⁾ чрезвычайное — в копии отсутствует.

¹⁴⁾ В копии: неопределившееся

¹⁵⁾ В копии: Нынѣшніе великіе годы (В публикации ПСС: Нынешніе великіе силы)

¹⁶⁾ В копии: поднѣли духъ и сердце

¹⁷⁾ В копии: силой

¹⁸⁾ В копии: освѣтили

¹⁹⁾ В копии: святыни

²⁰⁾ В копии: святыни русской идеи — подчеркнуто.

²¹⁾ В публикации ПСС: давно уже

²²⁾ В копии: о счастья

²³⁾ Фраза: Малѣйшее ~ мою. — в копии отсутствует.

Простите же мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, смѣлость мою, не осудите безпредѣльно любящаго Васъ и дозвольте выслать Вамъ и впредь ежемѣсячно каждый дальнѣйшій выпускъ «Дневника Писателя».

Съ чувствами²⁴⁾ благоговѣйнаго уваженія осмѣливаюсь назвать себя

Вашего Императорскаго Высочества

Благодарнымъ, вѣрнѣйшимъ²⁵⁾ и преданнѣйшимъ слугою.²⁶⁾

Федоръ Достоевскій.

16 Ноября

1876 года.²⁷⁾

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90019 Достоевский («Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые печатные и архивные источники»).

1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 271. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

2 Черновик письма опубликован в ПСС (187) с неверным указанием на шифр архивного хранения: «ГБЛ, ф. 93. I.6.1» (308). Должно быть: ф. 93. I.6.2. Л. 1–2. Тот же неверный шифр указан публикаторами ПСС и в текстологической преамбуле к «копии А. Г. Достоевской» (271). Должно быть: ф. 93. I.6.2. Л. 3.

3 Победоносцев К. П. Письмо к Достоевскому Ф. М. от 13 ноября 1876. ОР РГБ. Ф. 93. П. 7. 92 Л. 30–30 об. // Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс] // Портал «PHILOLOG.RU». URL: <http://philolog.petrstu.ru/fmdost/letters/pobed/otPobedonoscev13111876.pdf>

4 ОР РГБ. Ф. 93. I.6.2. Л. 2.

Список литературы

1. Волгин И. Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и императорский дом. — М.: Изд-во «Центр гуманитарного образования», 1998. — 656 с.

---

²⁴⁾ В публикации ПСС: С чувством

²⁵⁾ вѣрнѣйшимъ — в копии отсутствует.

²⁶⁾ В копии точки нет.

²⁷⁾ Дата написана рукой А. Г. Достоевской.

Ekaterina D. Maskevich

*The Russian State Historical Archive (RGIA)
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

spb-collects@yandex.ru

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

btikhomirov@rambler.ru

An Unknown Autograph of F. M. Dostoevsky (The Letter to Successor Tsesarevich Alexander Alexandrovich)

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90019 Dostoevsky.

Abstract. The article examines the newly discovered autograph of the letter by F. M. Dostoevsky dated November 16, 1878 and addressed to Grand Duke Alexander Alexandrovich (the future Emperor Alexander III). The letter was located in the Archive of the Office of the Successor Tsesarevich of the Ministry of the Imperial Court. Dostoevsky appealed to Grand Duke Alexander Alexandrovich upon the recommendation of K. P. Pobedonostsev. In his letter, the writer requests permission to send to the august addressee issues of *A Writer's Diary*, his personal periodical, and gives a general appraisal of the historical juncture in Russia at that time. The text of the letter was previously known through its rough draft, as well as through a document written by Anna Dostoevskaya and qualified as a “copy of the final version of the letter” by the publishers of the writer’s *Complete Collected Works*. However, a comparison between the presumed “copy” and the final autograph revealed certain textual discrepancies in the latter. It is more likely to be the text that the writer initially dictated to his wife, and which he subsequently amended and improved while writing the final version. The fact that the added details and corrections can be traced back to the rough draft allowed us to propose this hypothesis. In addition, the stamp of the Office of the Court of the Successor Tsesarevich on the letter addressed to Dostoevsky is published.

Keywords: Dostoevsky, epistolary heritage, autograph, *A Writer's Diary*, Grand Duke Alexander Alexandrovich, Russian State Historical Archive

About the authors: *Maskevich Ekaterina D.* — Leading Researcher, The Russian State Historical Archive (RGIA) (Zanevskiy pr. 36, St. Petersburg, 195112, Russian Federation); *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg, the President of the Russian Dostoevsky Society (Kuznechnyy per. 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: January 31, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. An Unknown Autograph of F. M. Dostoevsky (The Letter to Successor Tsesarevich Alexander Alexandrovich). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 5–12. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4401 (In Russ.)

References

1. Volgin I. L. *Koleblyas' nad bezdnoy: Dostoevskiy i imperatorskiy dom [Hesitating Over the Abyss: Dostoevsky and the Imperial Family]*. Moscow, Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya Publ., 1998. 656 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541

УДК 821.161.1+930.25

Е. Ю. Сафронова

*Алтайский государственный университет
(Барнаул, Российская Федерация)*

esafr@mail.ru

Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского*

Аннотация. В статье рассмотрены маршруты Ф. М. Достоевского из Петербурга в Сибирь и обратно, передвижения писателя по Сибири в 1850-е гг., дано описание состояния сибирских дорог того времени, выявлена их протяженность и указаны промежуточные станции. Это позволяет уточнить продолжительность, даты поездок писателя и другие детали его путешествий. Протяженность маршрутов выявляется с помощью «Почтовых дорожников Российской империи» 1829, 1852 и 1875 гг., топографических карт Томской губернии, справочной литературы, мемуаров современников и эпистолярия автора. Так, протяженность пути из Семипалатинска в Змеиногорск составляет 182,5 версты (Почтовый дорожник, 1829) или 201 верста (1875); Змеиногорск—Барнаул — 280 верст (1825) или 268,75 версты (1875). Исходя из этих значений, общая протяженность маршрута «Семипалатинск—Змеиногорск—Барнаул» равняется 462,5 версты (1825) или 469,75 версты (1875). Из Барнаула в Кузнецк вели две дороги: одна, северная, — через станции Кислуха—Белоярск—Голубцово—Копылово—Сорокино—Яновское—Моношкино—Хмелевское—Салаирский перевал—Гавриловский сереброплавильный завод—Гурьевск—Бачата—Карагайлы—Бангур; и вторая, южная, более прямая и короткая, — через Тогул и Томский завод. В «Почтовых дорожниках» присутствует только вторая. В статье высчитывается протяженность каждой дороги, аргументируется гипотеза о том, что маршрут Достоевского «Барнаул—Кузнецк» проходил через станции Гонбина, Жилина, Косиха, Лосишиха (Лосиха), Тогульское село, Тогульское Зимовье, Томский железный завод, Березовка и имел протяженность 282–282,5 версты. Косвенным доказательством следования писателем этой дорогой являются мемуары А. Е. Врангеля и переписка Достоевского. Так, в письмах В. М. Карепиной и старшему брату (оба от 22 декабря 1856 г.) он упоминает о 700–750 верстах расстояния от Семипалатинска до Кузнецка. Сравнение топографических карт XIX в. с эпистолярием автора позволяет скорректировать точку зрения Э. Р. Вистермана, который настаивал на протяженности пути «Семипалатинск—Кузнецк» в 1000 верст через Салаир, Гурьевск, Бачаты, Карагайлы, Киселевск, Калачево, Бунгур. Сибирский период биографии Достоевского нуждается в дальнейшем исследовании его деталей и обстоятельств с опорой на архивные источники.

Ключевые слова: биография, Ф. М. Достоевский, М. Д. Исаева, А. Е. Врангель, дороги XIX в., Семипалатинск, Барнаул, Кузнецк, маршрут

Об авторе: Сафронова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Российская Федерация, 656049)

Дата поступления: 31.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Сафронова Е. Ю. Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 13–41. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541

Сибирский период жизни Достоевского остается наименее исследованной страницей биографии писателя. Многие даты и обстоятельства пребывания автора в Сибири неизвестны во всей полноте и достоверности. Некоторые события приобрели мифологический ореол, тиражируются

в искаженном виде, не соответствующем их фактической стороне. Особенно это касается передвижений Достоевского: дороги, сроки, протяженность маршрутов. Существующие научные источники обходят стороной этот не вполне проясненный вопрос; публикации, в которых эта тема затрагивается, относятся к ненаучным жанрам: романа-биографии, повести, документальной беллетристики, краеведческой эссеистики и др., оставаясь слабыми в методологическом плане. Поэтому возникает задача исторически верной реконструкции маршрутов следования Достоевского, обстоятельств и дорожных впечатлений, основанных на документально подтвержденных фактах, архивных источниках, мемуарных свидетельствах, письмах автора и современников.

В Сибирь из Европейской России вели три главные дороги — Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые в районе Тюмени сливались в одну — Московско-Сибирский тракт. Создание самой крупной сухопутной магистрали для торговой и почтовой связи с Китаем началось в 1733 г., хотя обустройство и заселение Московско-Сибирского тракта продлилось до первой трети XIX в. Долгое время Московско-Сибирский тракт был самой протяженной дорогой в мире. Тракт шел от Москвы через Муром, Арзамас, Козьмодемьянск, Казань, Осу, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Большие Уки, Тару, Каинск, Колывань, Томск. Далее северная ветка шла на Енисейск, Якутск, Охотск, а южная — на Иркутск, Верхнеудинск. Наиболее трудным был Кругоморский (Кругобайкальский) участок тракта. Здесь приходилось преодолевать крутую горную дорогу. После Верхнеудинска дорога опять раздваивалась: одна шла далее на восток, на Нерчинск и вдоль Шилки и Амура (позднее появилось и северное ответвление на Якутск, а затем к Охотску), а вторая поворачивала на юг до Кяхты, к границе с Китаем. Именно эта, южная, ветка называлась «Чайный путь» [Дунец: 9], [История Сибири с древнейших...: 406]. В середине XVIII в. путь тракта стал южнее. Он проходил от Тюмени через Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск до Иркутска и далее без изменений [Дунец: 9].

Кроме того, частично совпадая с Московско-Сибирским, южнее в Западной Сибири оформился Линейный тракт: «...он тянулся от Оренбурга до Омска по Горькой или Ишимской линии, затем пролегал по Иртышской линии через Семипалатинск и Усть-Каменогорск до Большенарымского укрепления, с которого выходил на Бийск и Барнаул, соединенные дороги с Томском» [История Сибири с древнейших...: 406].

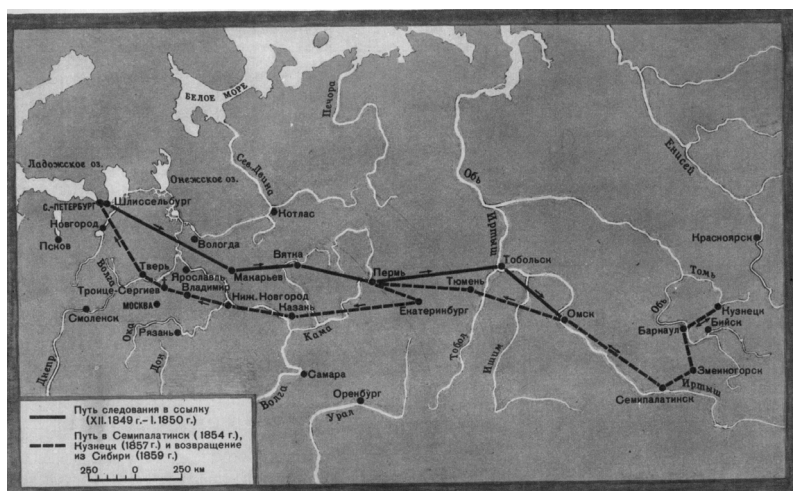
На Московско-Сибирский тракт выходили многочисленные региональные дороги.

Путь на каторгу

По конфирмации Николая I все петрашевцы должны были быть доставлены в Тобольский тюремный замок, а затем отправлены по разным местам

заклучения. 24 декабря 1849 г., попрощавшись с братом Михаилом и А. П. Милуковым, закованный в кандалы Достоевский отправился в «путешествие в Сибирь на казенный счет». Маршрут проходил через губернии Петербургскую, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Вологодскую, Вятскую, Пермскую, Тобольскую, Акмолинскую [Почтовый дорожник, 1875: 33–36], [Почтовый дорожник, 1852: 14–15, 130]. Свои дорожные впечатления Достоевский описал в первом после каторги письме старшему брату от 30 января — 22 февраля 1854 г.:

«...нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга. У меня было тяжело на сердце и как-то смутно, неопределенно от многих разнообразных ощущений. Сердце жило какой-то суетой и потому ныло и тосковало глухо. Но свежий воздух оживлял меня, и так как обыкновенно перед каждым новым шагом в жизни чувствуешь какую-то живость и бодрость, то я в сущности был очень спокоен и пристально глядел на Петербург, проезжая мимо празднично освещенных домов и прощаясь с каждым домом в особенности» [Достоевский, 28₁: 167].

Илл. 1. Маршрут следования Ф. М. Достоевского на каторгу и возвращения в Тверь после военной службы. 1850–1859 [Федор Михайлович Достоевский в портретах...: 177]

Fig. 1. F. M. Dostoevsky's Route to the Place of Penal Servitude and Return to Tver After Military Service. 1850–1859

В Петербургской и Новгородской губерниях почтовые станции (станки) были расположены часто — начиная с Ярославской губернии расстояния стали удлиняться (Макарьев, Вятка). Достоевский вспоминал:

«Нас везли на Ярославль, и потому к утру, после трех или 4-х станций, мы остановились чем свет в Шлиссельбурге в трактире. Мы налегли на чай, как будто целую неделю не ели. После 8-ми месяцев заключения мы так проголодались на 60 верстах зимней езды, что любо вспомнить. <...> Нас везли пустырем, по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д. Городишки редкие, не важные» [Достоевский, 28₁: 167–168].

Ближе к Уралу перегоны увеличились:

«Мы мерзли ужасно. Одеты мы были тепло, но просидеть, наприм<ер>, часов 10, не выходя из кибитки, и сделать 5, 6 станков было почти невыносимо. Я промерзал до сердца и едва мог отогреться потом в теплых комнатах. Но, чудно: дорога поправила меня совершенно. В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов. Этого тебе не рекомендую. Довольно неприятно» [Достоевский, 28₁: 168].

Особенно тягостным впечатлением Достоевского была приуроченность вынужденной поездки к праздникам: выезд из Санкт-Петербурга в рождественский сочельник по григорианскому календарю (24 декабря 1849 г.), «путешествие» в острог в Новый год, когда традиционно семьи собираются вместе:

«Другой день был праздничный, ямщики садились к нам в армяках серо-немецкого сукна с алыми кушаками, на улицах деревень ни души»; «Но мы выехали в праздничную пору, и потому везде было что есть и пить»; «По всей дороге на нас выбегали смотреть целыми деревнями» [Достоевский, 28₁: 168].

Апофеозом страдания, рубежным событием поездки в Сибирь Достоевский считал момент пересечения символической границы между Европой и Азией:

«Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади всё прошедшее — грустно было, и меня прошибли слезы» [Достоевский, 28₁: 168].

За долгую дорогу поручик Прокопьев стал просто Кузьмой Прокофьевичем:

«Все мы приглядывались и пробовали нашего фельдъегеря. Оказалось, что это был славный старик, добрый и человеколюбивый до нас, как только можно представить, человек бывалый, бывший во всей Европе с депешами. Дорогой он нам сделал много добра. Его зовут Кузьма Прокофьевич

Прокофьев. Между прочим, он нас пересадил в закрытые сани, что нам было очень полезно, потому что морозы были ужасные» [Достоевский, 28₁: 167–168].

О поручике Достоевский вспоминал с теплом и благодарностью:

«... на станциях брали с нас втридорога. Один Кузьма Прокофьич взял чуть ли не половину наших расходов на свой счет, взял насильно, и, таким образом, мы заплатили только по 15 руб. сереб<ром> каждый за трату в дороге» [Достоевский, 28₁: 168–169].

В. Н. Захаров настаивает на неверной расшифровке зачеркнутого в этом письме текста в академическом собрании сочинений: «Одинъ Кузьма Прокофьичъ, взявъ чуть-ли не половину нашихъ расходовъ на свой счетъ, взявъ насильно, и такимъ образомъ, [добровольно лишился выгодъ отъ д] /мы/ заплатили только по 15 руб. сереб. каждый за трату въ дорогѣ» (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. Л. 16–16 об.; в тридцатитомном Полном собрании сочинений Достоевского последнее предложение прочитано неверно: «...мы [добровольно оплачивая вклад от] заплатили». — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 168)» [Захаров, 2015: 52].

«В Тобольский тюремный замок поезд из трех кибиток прибыл на пятнадцатый день пути, 9 января» [Сараскина: 248], в понедельник. «Следующим днем 10 января Тобольский приказ о ссыльных послал дежурному генералу главного штаба Его Императорского Величества господину генерал-адъютанту Игнатьеву донесение за № 35 о том, что фельдъегерь поручик Прокофьев доставил 9 января следующих в каторжную работу в крепостях Сергея Дурова и Федора Достоевского и на заводах Ивана Ястржембского...» [Захаров, 2012: 67]; рапорты о прибытии Прокофьева и арестантов опубликованы (см.: [Гроссман: 704]). Обратим внимание, что в письме Достоевского указана неверная дата: «11-го января мы приехали в Тобольск...» [Достоевский, 28₁: 169], связанная с ошибкой памяти и субъективным восприятием долгого пути в Сибирь.

В Тобольском тюремном замке Достоевский пробыл 12 дней — с 9 по 20 января 1850 г.; происшедшие там события полно, с доскональной точностью освещены в публикациях В. Н. Захарова [Захаров, 2012; Захаров, 2015].

Поздним вечером 20 января, в пятницу, Достоевский и Дуров были отправлены в Омск — проводить и напутствовать их решились жены декабристов Н. Д. Фонвизина¹ и М. Д. Францева. Встреча произошла за Иртышом, в семи верстах от Тобольска, в тридцатиградусный мороз. Мария Дмитриевна Францева вспоминала позднее:

«Узнав о дне их отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись в своих санях пораньше, чтоб не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно

с версту ушли вперед по дороге, чтоб не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощания; тем более, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске хорошему своему знакомому, подполковнику Ждан-Пушкину, в котором просила его принять участие в Достоевском и Дурове» (цит. по: [Громыко: 7]; см. также: [Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных...: 47–48], [Захаров, 2012: 80]).

С отправкой заключенных вышел курьезный случай. Сначала генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков отдал распоряжение о развозе петрашевцев по местам работ на почтовых лошадях, а потом забеспокоился о том, что, возможно, следовало их вернуть и отправить по этапу пешком, но было уже поздно [Громыко: 8], [Сараскина: 254]. Дорога в Омск заняла трое суток, и 23 января 1850 г. Достоевский и Дуров были доставлены в Омский каторжный острог.

По прошествии четырех лет «Ведомость о прибыли, убыли и наличном составе арестантов № 55 роты» от 23 января зафиксировывает окончание назначенного Достоевскому каторжного срока...» [Сараскина: 264]. Почти месяц до 22 февраля 1854 г. писатель жил в доме инженера К. И. Иванова. Далее «до Семипалатинска Достоевский должен был отправиться с этапной командой, испытывая все тяготы пешего пути. Но стараниями К. И. Иванова и с согласия А. Ф. де Граве (коменданта Омской крепости, полковника. — Е. С.) ему разрешено было присоединиться к большому обозу с веревками и канатами. Интендантство отправляло обоз на Колымский завод (недалеко от Змеиногорска). Путь предстоял далекий, сани были загружены не полностью, и найти место для Достоевского на одной из двадцати подвод было нетрудно» [Вайнерман: 184]. 2 марта 1854 г. Достоевский прибыл в Семипалатинск, был размещен в деревянной солдатской казарме и поставлен на довольствие рядовым.

Рассмотрим другие сибирские маршруты писателя.

В Колывано-Воскресенском горном ведомстве имелись следующие главные дороги:

1) Сибирский тракт между Каинском и Томском (от станца Тырышкинского через Колывань до станца Колтайского) — 232 версты (247,5 км);

2) тракт от Барнаула до Каинска — летом 261 верста (278,4 км), зимой — 253 версты (270 км);

3) тракт из Барнаула через Змеиногорский рудник на Иртышскую линию в Омской области через города Семипалатинск, Усть-Каменогорск — 395 верст (421,5 км) [Дунец: 28].

Тракты имели ширину проезда при сухом и твердом грунте — 5 сажений, при мягком и глинистом и черноземе — 10 сажений. Трактовая дорога

представляла собой широкую накатанную грунтовую дорогу, возвышенную в середине и с канавами по обе стороны для стока воды. В открытых местах (поля, луга) для указания пути во время метели ставили по сторонам столбы-маяки на расстоянии друг от друга в 50 саженей [Дунец: 86]. Трактовые дороги были самыми важными, об их сохранности заботились в первую очередь. Кроме трактов были еще дороги второго значения, или проезжие дороги, т. е. дороги от одного города к другому. Среди местного населения они также носили названия «трактов», соединяя уездные города. «Большое значение имели уездные дороги: Томск—Бийск, Томск—Кузнецк, Томск—Семипалатинск, которые пролегали через Барнаул, и дороги между уездными городами: Кузнецк—Бийск, Барнаул—Сузунский завод» [Дунец: 72].

Важную роль в Колывано-Воскресенском округе выполняли дороги к заводам и главным рудникам, по которым шло непрерывное движение грузов для горнорудных заводов, подводы с провиантом, почтовые тройки. Так, например, Змеиногорский тракт по причине тяжести перевозки руды в старину называли «кровавой дорогой» [Дунец: 14]. При этом качество этой важной транспортной магистрали оставляло желать лучшего: «...тракт из Барнаула, через Змеиногорск на Иртышскую линию, проходил по крепкому грунту чернозема с глиной» [Дунец: 32].

Бийскую и Кузнецкую крепости связывал Бийско-Кузнецкий тракт. Это была гужевая грунтовая дорога. Меньшее значение имели проселочные дороги, их ширина должна была быть не менее трех саженей.

Дороги, проходившие по Барнаульскому, Чарышскому и Кузнецким уездам, находились в ведении Чарышского надзирателя [Дунец: 64], под его руководством дороги обязаны были содержать и приводить в порядок жители близлежащих деревень. В XIX в. транспортного налога не существовало², повинность извоза и ремонта дорог («обывательская гоньба») осуществлялась по приказу сверху (как правило, летом в разгар сельскохозяйственных работ), поэтому дорожные работы проводились крестьянами без энтузиазма, с низким качеством.

Важно заострить внимание, что столь значимые для Сибири транспортные магистрали при этом находились в плохом состоянии. В дождливую погоду весной и осенью они были непригодны для проезда. Поэтому «основное движение происходило в зимнее время, когда снег и лед сглаживали недостатки дорог» [Дунец: 32]. Так, серебро из Барнаула в Санкт-Петербург отправлялось только с установлением зимнего пути и в три этапа: в ноябре — начале декабря, декабре и январе³. На каждой станции необходимо было содержать 35–50 лошадей, чтобы караваны нигде не задерживались.

Приведем еще несколько любопытных фактов о сибирских дорогах времени Достоевского. В 1834 г., по сведениям Томского губернского правления, на участке дороги «Барнаул—Кузнецк» нуждалось в полной замене 297 столбов [Дунец: 56]. Главный начальник Алтайских горных заводов в 1843 г.

сообщал, что Барнаульский и Московский тракты находятся в неудовлетворительном состоянии: дорога узкая, имеет огромное количество выбоин, можно ехать «не иначе как медленно», «нет возможности следовать в ряд парой лошадей»⁴. В документах Алтайского горного правления от 19 июля 1844 г. начальник Колывано-Воскресенских горных заводов констатировал, что «в проезд свой ныне за обозрением казенных золотых промыслов заметил по трактам от Кузнецка к городу Томску и от Барнаула на Томск мосты, гати, спуски с гор находятся в самом худшем положении»⁵, и предписывал навести порядок в ближайшее время. Однако через год в официальном документе он использует эмоционально окрашенную лексику: «...я вполне надеялся, что дорога от города Барнаула к Томску, состоящая в содержании и исправлении обязанности крестьян Боровлянской волости как следует устроена, но к удивлению моему сверх всякого ожидания нашего весьма много неисправностей»⁶.

К сожалению, спустя полвека в состоянии дорог ничего не изменилось в лучшую сторону. Так, французский предприниматель Клод Оланьон, изучавший состояние экономики обширных территорий Сибири с целью дальнейшего коммерческого освоения, в книге «Сибирь и ее экономическая будущность» с европейской вежливостью отмечал несовершенство транспортных артерий: «Под словом “дороги”, применяемым к колесным дорогам Сибири, не следует понимать шоссе, мощенное камнем, снабженное канавами и проч.; они, как дороги европейской России, заброшенные <...> подобны дорогам всех молодых стран <...> и значительно отличаются от европейских дорог» [Оланьон: 10].

На наш взгляд, состояние дорог необходимо учитывать в качестве одной из важных составляющих сибирского опыта Достоевского; их он был вынужден мужественно преодолевать.

«Почтовый дорожник Российской империи» 1875 г. позволяет реконструировать и уточнить некоторые детали и обстоятельства передвижения писателя, т. к. содержит много интересной информации — например, сведения о количестве лошадей. Так, можно утверждать, что Достоевский путешествовал на двух лошадях, поскольку меньшее количество было запрещено использовать специальным положением Комитета министров от 17 июня 1824 г. [Почтовый дорожник, 1875: 15].

В зимние сани, согласно документу, также полагалось запрягать пару лошадей [Почтовый дорожник, 1875: 16] при наличии 2–3 пассажиров, а Достоевский путешествовал или один, или с А. Е. Врангелем, или с В. П. Демчинским. В поездках с Марьей Дмитриевной и пасынком (Кузнецк—Семипалатинск, Семипалатинск—Тверь) использовались уже три лошади.

На основании «Почтового дорожника» 1875 г. можно определить и рекомендуемую скорость движения по почтовым дорогам: она устанавливается в зависимости от качества дороги в диапазоне 10–12 верст в час [Почтовый дорожник, 1875: 26].

В случае скоростной езды, необходимой для курьера, скорость незначительно увеличивалась и составляла с учетом смены лошадей 12–15 верст в час [Почтовый дорожник, 1875: 28]. Отметим также, что превышение скорости могло иметь серьезные финансовые последствия. Если почтарь под влиянием «проезжающего» загонял лошадей, то последний был обязан заплатить 40 рублей 50 копеек за каждую палую или увечную лошадь [Почтовый дорожник, 1875: 27]. Однако в этом случае следовало доказать, что лошадь была здоровой на момент начала пути.

На территории Сибири существовала специальная порода лошадей, совмещающая выносливость и быстроту: «Крестьяне Сибири любили лошадей, ухаживали за ними и хорошо кормили. За это лошади платили им своей выносливостью. Тройка кузнецких лошадей проходила перегон в 30–40 верст между двумя станциями рысью без остановок за 3–4 часа, верхом на ней проезжали до 100 верст в сутки. Была кузнецкая порода лошадей: русские тяжеловозы, на которых казаки перевозили свое имущество, скрещивались с местными полудикими лошадами. В результате вывелась порода выносливых и быстрых лошадей. Позже их стали культивировать на конезаводах в Томске и Бийске. На них, вероятно, и возили Ф. М. Достоевского» [Кацюба: 210–211].

Не случайно в верхней части герба Барнаула над дымящейся доменной печью, на зеленом фоне расположена галопирующая лошадь, поскольку считалось, что «лошади сей округи почитаются лучшими, и что у близ живущих татар находятся конские заводы» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина: 105] (см. *Илл. 2*). Все иностранные путешественники по Алтаю в качестве особенности отмечают этот факт.

Илл. 2. Герб Барнаула 1846 г.
Fig. 2. The Coat of Arms of Barnaul (1846)

Французский предприниматель Клод Оланьон писал, что «сибирские лошади, хотя и малы ростом, но чрезвычайно быстры и выносливы, они часто совершают продолжительные путешествия, пробегая почти сто верст ежедневно. Содержание их обходится очень дешево» [Оланьон: 14]. Аналогично высказывался по этому поводу ранее и немецкий ученый К. Ледебур: «Содержание лошади в Барнауле обходится дешево; почти каждая семья имеет собственный экипаж, и зимой улицы Барнаула бывают оживлены нарядными повозками с мчащимися в них дамами и господами...» [Ледебур: 154].

Архивные документы позволяют установить и количество лошадей на станциях. Так, согласно «Правилам об обывательской подводной гоньбе в Сибири» в 1819 и 1822 гг. было разрешено содержать в готовности в губернском городе до четырех пар, в уездном — до трех пар, на Московско-Сибирском тракте — до трех пар, на прочих трактах — две пары лошадей, на проселочных трактах одну пару лошадей⁷. «Ведомость о почтовой и обывательской гоньбе на станциях по барнаульскому округу» за 1834 г. содержит данные о количестве лошадей, которые должны были содержаться на станциях. Так, например, в Барнауле нужно было иметь четыре пары лошадей; на станциях Озерской, Тальменской, Боровлянской, Ганюшкином Зимовье — по четыре пары; Калманской, Шадринной, селе Белоярском и Сузунском заводах — по три пары; при селах Овчинниковом, Петровском, Лосихинском — по две пары лошадей⁸. После трехчасового отдыха лошади вновь могли быть использованы в гоньбе.

Кроме того, для поездок волостных и земских начальников было предписано иметь одну–две разъездные лошади. По тракту «Барнаул—Томск», в селениях Беловское и Елтышевское таких приказано иметь по две пары [Дунец: 54].

Недостаточно ясным до сих пор остается вопрос о протяженности сибирских маршрутов Достоевского, о числе конкретных станций на пути следования, и возможной скорости передвижения. Зная эти детали дорожного опыта писателя, можно уточнить время, затраченное им на поездки.

Семипалатинк—Змеиногорск—Барнаул

Начнем с участка пути «Семипалатинск—Змиев».

А. Е. Врангель в своих мемуарах упоминает случай, когда летом 1856 г. они вдвоем с писателем предприняли тайную поездку из Семипалатинска в Змиев с целью встречи с М. Д. Исаевой. По воспоминаниям барона, они «не ехали, а вихрем неслись», понукая ямщиков, в тот же день «поскакали обратно», «отмахав 300 верст в 28 часов “по-сибирски”» [Врангель: 66].

Информацию А. Е. Врангеля можно уточнить в «Почтовом дорожнике» (1829). Протяженность пути из Змеиногорска в Семипалатинск — 182,5 версты [Почтовый дорожник, 1829: 346]. Соответственно дорога туда и обратно составляла 365,0 верст. Возможно, конечно, предположить, что местным

ямщикам были известны способы, где и как «срезать» дорогу (хотя по карте дорога «Семипалатинск—Змеиногорск» по большей части идет по прямой — следовательно, расстояние не будет отличаться сколько-нибудь значительно). Если рассчитать скорость (365:28), то получаем 13,04 версты в час. Поскольку одна верста равна 1,0668 км, то тогда скорость составляет 13,91 км/ч. Так, на основании расчетов и «Почтовых дорожников» можно подтвердить, большúю (равную курьерской) скорость движения Достоевского и Врангеля в их «любовных» поездках.

Авторитетным источником для осмысления старых дорог Российской империи, кроме карт, является многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского). Шестнадцатый том этого издания («Западная Сибирь») подробно описывает некоторые тракты, расположенные в их окрестностях населенные пункты и рельеф. Так, тракт из Барнаула на Змеиногорск идет до села **Калманка** параллельно течению реки Обь. Затем он уклоняется в сторону и движется параллельно течению реки Алей. Первая станция на этом участке — село **Чистюлька**, а далее — **Безголосово**, **Платово** (Платовская). Затем дорога движется до станции **Белоглазово**, где Змеиногорский тракт соединяется с Бийско-Змеиногорским и следует далее на юг [Россия. Полное географическое описание... : 493]. Далее дорога идет к берегам Иртыша, а потом поворачивает на северо-запад в Семипалатинск, минуя станции **Старо-Алейское**, **Екатерининка**, **Шемонаиха** и др. [Россия. Полное географическое описание... : 505]. К сожалению, в этом источнике указаны не все станции. Дополнить картину позволяют географические карты Томской губернии. Перечислим станции в направлении от Змеиногорска к Семипалатинску: **Старо-Алейское**, **Екатерининка**, **Шемонаиха**, **Красноярская**, **Убинская**, **Шульбинский**. Протяженность дороги на участке пути «Змеиногорск—Семипалатинск» согласно «Почтовому дорожнику» (1829), как мы писали выше, **182,5** версты [Почтовый дорожник, 1829: 346]. Протяженность пути из Барнаула в Змеиногорск высчитываем из масштаба карты Томской губернии (составитель Ю. М. Шокальский, см. *Илл. 3*) — она равна 272,2 версты. Несколько иная (надеемся, что более точная) информация содержится в «Почтовом дорожнике» 1829 г., где указано, что расстояние составляет **280** верст.

Сравнивая два «Почтовых дорожника» 1829 г. и 1875 г., можно заметить, что за пятьдесят лет дорога «Семипалатинск—Змиев—Барнаул» немного изменилась: появились и исчезли некоторые станции, незначительно изменилась протяженность маршрута. Так, фрагмент маршрута № 72 проходит через станции Змеиногорск-Саушкина (19,5), Курьинская (27,5), Калмыцкие мысы (35,5), Белогласово (33,75), Платовская (22), Безголосова (26), Чистюньская (25), Калманская (32), Шадринская (23,5), Барнаул (24). Согласно этому «Почтовому дорожнику», протяженность дороги на участке «Семипалатинск—Змеиногорск» равна 201 версте, а «Змеиногорск—Барнаул» — 268,75 версты. Тогда

общая длина «Семипалатинск—Барнаул» по версии «Дорожника» 1875 г. будет 469,75 версты (201+268,75).

Таким образом, общая протяженность маршрута из Семипалатинска в Барнаул по «дорожникам» составила 462,5 версты (1829) или 469,75 (1875).

Илл. 3. Карта Томской губернии (см. в увеличенном масштабе: <http://www.prometheus.nsc.ru/elibrary/maps/1901tom.gif>)

Fig. 3. The Map of Tomsk Province (See the Magnified View: <http://www.prometheus.nsc.ru/elibrary/maps/1901tom.gif>)

Барнаул—Кузнецк

Точное знание протяженности пути на следующем участке позволяет уточнить дату возвращения Достоевского из Кузнецка в Барнаул во вторую поездку. Вновь обратившись к шестнадцатому тому издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского), можем обозначить станции Барнаульско-Кузнецкого тракта. Согласно этому источнику, почтовый тракт из Барнаула первоначально направлялся на север, но от станции **Кислуха** поворачивал на юг на станцию **Белоярскую**, затем на северо-восток (не доходя до станции Голубово) к станции **Копылово**, а далее к станции **Сорокино**, за которой тракт пересекал реку Чумыш (приток Оби). Затем дорога следует до станции **Хмелевская**, где тракт выходит из Барнаульского округа и попадает в Кузнецкий, пересекая Салаирский кряж. Следующая станция — **Бачата**,

затем станция **Карагайлы**, далее дорога принимает южное направление и, следуя ему до станции **Бангур**, соединяется с Кузнецко-Бийским трактом [Россия. Полное географическое описание...: 484–488]. Эту информацию дублирует и коллективная монография «Дороги Алтая: от первых верст до наших дней», в которой кратко описаны промежуточные станции интересующего нас маршрута: «...из Барнаула тракт шел на Кузнецк (Кислуха — Белоярск — Голубцово — Копылово — Сорокино (на левом берегу Чумыша) — Яновское — Моношкино — Хмелевское — Салаирский пер<евал> — Гавриловский сереброплавильный завод — Гурьевск — Бачата — Карагайлы — Бангур (соединяясь с Бийско-Кузнецким трактом)» [Дунец: 20]. Однако издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» описывает состояние дорог конца XIX — начала XX в. Если мы обратимся к картам первой трети XIX в., то увидим, что дороги «Барнаул—Кузнецк» через Салаирский кряж вообще не существовало (см., напр., *Генеральную карту Томской губернии. 1825 г.* URL: <https://www.wdl.org/ru/item/14102/view/1/1/>).

Сравнение разных топографических карт позволяет говорить о существовании другой, более короткой, дороги, связывающей Барнаул и Кузнецк⁹ и проходившей через станции Белоярская — Жилино — Косиха — Кытманово — Лосишенский станец — Тогул — Завод Томский.

В «Почтовом дорожнике» 1829 г. указана только одна-единственная дорога из Барнаула в Кузнецк. По маршрутам «Томск—Кузнецк № 2796» и «Томск-Барнаул № 2791» можно определить все почтовые станции и их протяженность (см. *Илл. 4, 5*).

Так, чтобы в 1829 г. попасть из столицы горного дела на Алтае в г. Кузнецк, нужно было проехать станции Гонбина (16 верст, см. маршрут 2791), Жилина (55), Косиха (19), Лосишиха (26), Беспалова (30), Тогульское (39), Тогульское Зимовье (19), Томский завод (28), Березовка (24), Кузнецк (26, маршрут 2796). Итого длина дорог — **282** версты. Эта же величина получается из суммы расстояний между станциями, указанными на **Генеральной карте Томской губернии 1825 г.** В случае возможности прямого пути на участке «Барнаул—Жилина», маршрут был еще короче — 241 верста.

В «Почтовом дорожнике» 1875 г. также указана лишь одна дорога на Кузнецк (см. *Илл. 6, 7*).

В этом документе интересующий нас маршрут нужно вычленять из дороги № 165, начав со станции Гонбина (29), а далее — Белоярская (27), Жилина (28), Косиха (19), Лосиха (26), Кытманово (33), Тогульское село (36), Тогульское Зимовье (19), Томский железный завод (28,5), Березовка (24), Кузнецк (26). Барнаул располагался между станциями Гонбина и Озерки. Расстояние между городом и станцией Гонбина нам известно ранее и равно 16 верст. Итак, получается, что протяженность маршрута между городами Барнаул и Кузнецк — **282,5** версты (266,5+16). Этот «Дорожник» содержит также справочную информацию: номера подобных маршрутов, название станций, количество верст между станциями, количество лошадей на станциях, а также указывает величину прогонной платы.

2796.				И шого льшомъ.		470 $\frac{1}{2}$
ВЪ КУЗНЕЦКЪ.				зимюю .		428 $\frac{1}{2}$
Проскакова. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$					
Голбина.....—2791.	506 $\frac{1}{2}$					
Жилина.....—2792.	55	4				
Косиха.....	19	4				
Лосишиха.....	26	4				
Вазялова.....	50	4				
Тогульское.....	56	4				
Тогульское зимовье.	19	4				
Томской заводъ.....	28	4				
Березовна.....	24	4				
Г. Кузнецкъ.....	26	4				
	208					
И шого .	645					
2797.				И шого льшомъ.		470 $\frac{1}{2}$
ВЪ НАРЫМЪ.				зимюю .		428 $\frac{1}{2}$
<i>льшомъ на лоджахъ, а зимюю на лошадахъ.</i>						
2798.				И шого льшомъ.		470 $\frac{1}{2}$
ВЪ СУЗУНСКОЙ ЗАВОДЪ.				зимюю .		428 $\frac{1}{2}$
Проскакова. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$					
Г. Барнаулъ...—2791.	532 $\frac{1}{2}$					
Шахова.....	25					
Павловской заводъ..	25					
Шелаболиха.....	25					
Меретино.....	25					
Заводъ Сузунской.....	25					
	125					
И шого .	519					
2799.				И шого льшомъ.		470 $\frac{1}{2}$
Отъ Барнаула въ Байскъ.				зимюю .		428 $\frac{1}{2}$
<i>льшомъ:</i>						
Карсина.....	27 $\frac{1}{2}$	2				
Колодосвалъ.....	24 $\frac{1}{2}$	4				
Стривина.....	16	2				
Тасканинская.....	22	2				
Купуринская.....	15 $\frac{1}{2}$	2				
Солданинская.....	22	2				
Кумьрека.....	16 $\frac{1}{2}$	2				
Колкуйская.....	13 $\frac{1}{2}$	2				
Усылъгашская.....	9 $\frac{1}{2}$	2				
Карасутская.....	12 $\frac{1}{2}$	2				
Горская.....	14	2				
Ничкова.....	18	2				
Орлова.....	19	12				
	261 $\frac{1}{2}$					
Г. Тюкалиньскъ. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$					
И шого .	557					
2799.				И шого льшомъ.		470 $\frac{1}{2}$
Отъ Тюмени въ Якут-ровскъ.				зимюю .		428 $\frac{1}{2}$
ВЪ БАРНАУЛЬ.						
Проскакова. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$					
Тутальска *	11	6				
Поперешной Иски-шимъ *	29	6				
Осиновка *	25	6				
Изылицка *	17	6				
Васина *	16	6				
Агафонова *	19	6				
Каменска, Мостовая шожъ *	15 $\frac{1}{2}$	6				
Легостаево *	26	6				
Медвѣдская *	54	8				
Гавюшкино зимовье*	18	8				
Анисимова *	25	8				
Тальменское *	24	8				
Озерки *	22	8				
Голбина (†).....	29	10				
Г. Барнаулъ.....	16	14				
	522 $\frac{1}{2}$					
И шого .	596					

Илл. 4, 5. Фрагменты страницы издания «Почтовый дорожник» (1829, с. 345, 344)

Fig. 4, 5. Fragments of a Page from the “Postal Road Atlas” (“Pochtovyy dorozhnik”) (1829, p. 345, 344)

Сравнивая с «Дорожником» 1825 г. (282 версты), можно сделать вывод, что протяженность дороги в этом направлении практически не изменилась.

Поскольку в «Почтовых дорожниках» нет дороги «Барнаул—Кузнецк» через Салаирский кряж, документально подтвердить ее протяженность на сегодняшний момент не представляется возможным, — мы можем судить лишь примерно, исходя из масштаба карты Томской губернии. Если прямая дорога через Тогул равна 282–282,5 версты, то тогда более северная дорога через Салаирский кряж приблизительно будет протяженностью 310,2–310,75 версты.

Исходя из этих значений, общая протяженность маршрута «Семипалатинск—Змеиногорск—Барнаул—Кузнецк» равна 744,5 или 752,25 версты. В случае более северного пути (через Салаирский кряж) его длина составит 772,7 или 780,5 версты.

ЛѢТОМЪ по р. Оби въ лодкахъ, а зимою по льду въ повозкахъ.	Отъ ст. Самаров- ской Ямъ (Самаров- ская) до Сургута.				О Б Ы К Н О П О Ч Т О В Ы Е П О С Т О В Ы Е	Въ Томской губер- нии.				
	Самаровская	—	4			№ 165.	Отъ ст. Тырышки- ной до Кузнецка.			
	Тобольской губер- нии.							Тырышчина	—	16
	Шапчинская	66	2				Томской губернии.			
	Сеяйровская	59	2				Каткова ¹⁾	20	6	
	Сохалинскія юрты.	34 1/2	2							
	Кунинская	44 1/2	2							по 1 1/2 коп.
	Тундринская	26	2							по 1 1/2 коп.
	Пилючинская	37 1/2	2							
	г. Сургутъ	37	2							
Всего.			304 1/2							
¹⁾ Отъ Тюмени до Ка- жемской ст. прогомы пла- тятся по 4 коп., только въ одинъ путь.						¹⁾ Отъ Катковой до г. Козьманы, м 3,—26 вер.				

148

Видъ дорогъ.	Номера подро- бныхъ маршрутовъ и названіе стан- цій.	Версты.	Лошадк.	Прогомы платя за вѣзку			Видъ дорогъ.	Номера подро- бныхъ маршрутовъ и названіе стан- цій.	Версты.	Лошадк.	Прогомы платя за вѣзку		
				Для вѣз- ки	Для вѣз- ки	За вѣзку					Для вѣз- ки	Для вѣз- ки	За вѣзку
О Б Ы К Н О В Е Н Н А Я	Ереспая	28	6				Петровская	20	4				
	Берская	23	6				Харьловская	23	4				
	Койловская	28	6				Буланка	16	4				
	Медвѣдская	30	6				Шубина	18 1/2	4				
	129						г. Байскъ	13	4				
	Ганюшкино зи- мовье	18	6				Всего.			114 1/2			
	Анзимовская	23	6										
	Тальменская	24	6										
	Озерки ¹⁾	22	6										
	Тонбина ²⁾	29	6										
116													
О Б Ы К Н О В Е Н Н А Я	Вязовская	27	6										
	Жилна	28	6										
	55												
	Косиха	19	4										
	Лосиха	26	4										
	Кыгманова	33	4 1/2										
	Тогузское село	36	4										
	Тогузское зимовье	19	4										
	Томскій жезвѣи заподъ	28 1/2	4										
	Березовка	24	4										
г. Кузнецъ	26	4											
Всего.			211 1/2										

Илл. 6, 7. Фрагменты страницы издания «Почтовый дорожник» (1875, с. 147)

Fig. 6, 7. Fragments of a Page from the “Postal Road Atlas” (“Pochtovyy dorozhnik”) (1875, p. 147)

Сейчас невозможно реконструировать состояние дорожного покрытия обеих дорог в 1856–1857 гг., когда по ним передвигался Достоевский. Можно лишь предполагать, что дорога через Салаир, связывающая столицу горного дела на Алтае с Гурьевским и Гавриловским заводами и с Салаирским рудником, могла быть лучше по качеству, на станциях могли быть всегда свежие лошади в связи с производственной необходимостью¹⁰. Однако Достоевский ехал зимой, когда лед и снег сглаживали дефекты дороги, он спешил на встречу с любимой и поэтому мог воспользоваться более короткой почтовой дорогой.

Требуются дополнительные архивные поиски подорожных или дорожных книг, результаты которых позволили бы судить о данном вопросе со всей полнотой, опираясь на документы. В качестве косвенного доказательства дорожного «предпочтения» Достоевского, кроме «Почтовых дорожников» 1825 и 1875 гг., может служить эпистолярный автор, где он упоминает свои сибирские маршруты. В письме сестре В. М. Карепиной от 22 декабря 1856 г., рассказывая историю своей любви к Марье Дмитриевне, писатель уточняет причину разлуки с ней: «Наконец после долгих хлопот он (А. Исаев. — Е. С.) получил место в городе Кузнецке, в Томской губернии, от Семипалатинска **700** верст» (выделено мной. — Е. С.) [Достоевский, 28; 260]. В этот же день, описывая старшему брату предстоящие расходы в связи со свадьбой, Достоевский перечисляет: «Надобно сделать хоть какие-нибудь приготовленья, нанять квартиру хоть в три комнаты, иметь хоть необходимой мебель. Надобно одеться, надобно и ей помочь. Надобно 100 вещей самых необходимых, но которые стоят денег. Надобно послать за ней закрытую повозку, которую повезут три лошади туда и сюда **1500** верст, — сочти прогоны. Надобно заплатить за свадьбу» (выделено мной. — Е. С.) [Достоевский, 28; 258]. Здесь протяженность пути дается еще более точно — около 750 верст.

Важно добавить, что для реконструкции исторически точного пути писателя важны мемуары А. И. Врангеля, которые описывают выбор приятелями более короткой проселочной дороги на пути «Семипалатинск—Локтевский завод», проходящей прямо от форпоста Шульбинского.

Исходя из приведенных документов и карт, более аргументированной видится гипотеза использования Достоевским короткой дороги в Кузнецк через Тогул и Завод Томский (750 верст). Сравнение топографических карт XIX в. с эпистолярием автора позволяет скорректировать точку зрения Э. Р. Вистермана, который в ряде публикаций [Вистерман, Жогличев: 75], [Штраус] настаивает на протяженности пути в 1 000 верст через Салаир, Гурьевск, Бачаты, Карагайлы, Киселевск, Калачево, Бунгур.

Теперь уточним дату возвращения Достоевского из Кузнецка в Барнаул во вторую поездку. Вероятнее всего, он выехал из Барнаула 25 ноября 1856 г. не очень рано, ближе к обеду (24 ноября был бал, который мог завершиться после полуночи). Он ехал на свои деньги (точнее, деньги брата Михаила¹¹), поэтому легко мог нанять вольных ямщиков со свежими лошадьми, торопясь на встречу с возлюбленной.

Нехитрые арифметические расчеты при средней скорости 10–12 или 12–15 верст в час для курьерских лошадей позволяют приблизительно определить время Достоевского в дороге из Барнаула до Кузнецка. Расстояние — 282,5 версты или 305,1 км. Методика расчетов в данном случае проста: расстояние, разделенное на скорость, позволяет определить время в пути: $282,5:12=23,54$ часов или $282,5:15=18,8$ ч., т. е. продолжительность поездки составила чуть менее суток (точнее говоря от 18,8 до 23,54 ч.). Таким образом, время в дороге «Барнаул—Кузнецк» колеблется в указанном временном диапазоне.

Достоевский ехал зимой, а санный путь при опытном ямщике занимал меньшее время. Скорее всего, продолжительность поездки составляла сутки или чуть менее. Пять дней в Кузнецке необходимо отсчитывать от 26 ноября, тогда получается, что 1 декабря приходится на дорогу. Обед у Гернгроссов, скорее всего, был в воскресенье 2 декабря 1856 г. и очень запомнился Достоевскому. «Обедал у Гернгросса и был у него до вечера. Он обошелся со мной превосходно. За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!» [Достоевский, 28₁: 252], — признавался писатель другу А. Е. Врангелю в письме от 21 декабря 1856 г. А утром 3 декабря, т. е. через сутки, Достоевский, вероятно, выехал в сопровождении В. П. Демчинского в Змиев и прибыл туда ночью с 3-го на 4 декабря: «В Змиев мы, в обратный путь, приехали ночью» [Достоевский, 28₁: 252]. Соответственно, мы можем уточнить данные «Летописи жизни и творчества Достоевского», где не учитывается время в дороге [Летопись: 230].

Семипалатинск — с. Локоть

Необходимо упомянуть еще один маршрут, по которому Достоевский с Врангелем передвигались, посещая Локтевский сереброплавильный завод весной 1855 г. Этот завод в селе Локоть был расположен в 70 верстах к западу от Змеиногорска на крутом берегу реки Алея. Дорога пролегла по так называемому Алейско-Локтевскому гранитному массиву, заставляющему реку Алей резко уклониться на запад к Кулундинской степи, обогнуть себя под прямым углом, с тем чтобы дальше течь на север [Россия. Полное географическое описание...: 504]. Если Врангель с Достоевским использовали почтовую дорогу, то путь в Локтевский завод был окружной: по маршруту «Семипалатинск—Змеиногорск—Локоть», протяженность которого равна 252,5 версты (182,5+70). При средней скорости движения 12–15 верст в час дорога такой протяженности могла занимать 17–21 час(ов). Однако существовала еще и прямая проселочная дорога от форпоста Шульбинского до Локтевского завода, которая была как минимум вдвое короче. По свидетельству А. Е. Врангеля, приятели пользовались именно ей: «Посетили мы с Ф. М. и так называемый Локтевский завод горного ведомства. Расположен он был верстах в 100 от Семипалатинска, на северо-восток, среди удивительно плодородной степи с речками, озерами и рощами» [Врангель: 55]. Мемуарист упоминает и о быстроте дорожного времени в приятной кампании: «Сотня верст расстояния в Сибири нипочем, их пролетишь в 5–6 часов времени без малейшего утомления» [Врангель: 55].

Путь в европейскую часть России

Перемену участи — производство в офицеры и выход в отставку — Ф. М. Достоевский получил после хлопот своих влиятельных друзей: генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена и барона Врангеля, который действовал через принца Ольденбургского.

17 апреля 1857 г. Государем Александром II Достоевскому было возвращено потомственное дворянское достоинство. Благодаря рекомендации товарища юности по Инженерному училищу, генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена, высочайшим приказом от 18 марта 1859 г. прапорщик Достоевский был уволен в отставку по болезни, с возведением в следующий офицерский чин — подпоручика.

19 мая 1858 г. командир 2-й бригады получил предписание начальника 24-й пехотной дивизии (из г. Тобольска) от 8 мая за № 2251: «Дежурный генерал главного штаба его императорского величества 27 марта за № 318 уведомил, что высочайшим приказом, в 18 день минувшего марта состоявшимся, прапорщик Сибирского линейного № 7-го батальона, из политических преступников, Достоевский уволен за болезнь от службы с награждением следующим чином» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 112]. Это предписание сохранилось в архиве штаба и было введено в науку А. В. Скандиным [Достоевский в забытых и неизвестных...: 112].

Важным видится и вопрос о секретном надзоре над писателем в связи с возвращением ему дворянского достоинства, производством в офицеры и переводом на гражданскую службу. Так, исследователь семипалатинского периода А. В. Скандин наивно полагал, что «о жизни Федора Михайловича от Пальшиных ни полиция, ни военное начальство никогда не справлялись и никаких сведений не требовали» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 101]. Другой исследователь, Н. Яковлев, также находился в неведении, считая, что «о жизни Достоевского от Пальшиных полиция никаких сведений не отбирала» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 78]. Обе статьи написаны со слов П. Л. Пальшина, сына семипалатинского домовладельца Л. Пальшина, которому во времена Достоевского было 14–15 лет. Вполне возможно, что подросток не был осведомлен в таких деликатных обстоятельствах. Более достоверную, опирающуюся на архивные документы, точку зрения высказал ученый-краевед, православный священник Б. Г. Герасимов. Он утверждал, что неусыпный надзор за писателем был, но тщательно скрывался: «Когда Достоевский, находившийся под надзором полиции, получил офицерский чин, полицейская власть обратилась к губернатору с просьбой о разъяснении, следует ли продолжать надзор за Достоевским ввиду производства его в офицеры? Последовало разъяснение о продолжении наблюдения. Таким образом, офицерское звание не спасло Достоевского от надзора, который велся за ним по двум ведомствам: военному и гражданскому» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 127].

Документ об увольнении писателя в отставку предписывал продолжение секретного надзора над бывшим политическим преступником: генерал-майор свиты Его Величества Герштенцвейг наложил резолюцию «об учреждении за подпоручиком Достоевским секретного надзора по избранному им месту жительства в г. Твери и о воспрещении ему въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, вместе с сим сообщено министру внутренних дел и управляющему III Отделением собственной его императорского величества канцелярии» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 113, 143–144]¹². Б. Г. Герасимов особо подчеркивал, что «в этой официальной бумаге говорится: „...по избранному им месту жительства в городе Твери...”. В действительности же Достоевский в своем прошении об отставке изъявил желание жить в Москве, но ему указали (без всякого со стороны его желания) место жительства в Твери. 30 июля 1859 г. Достоевскому был выдан временный билет на проезд до г. Твери» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 113] (см. также [Гроссман: 731] [Федор Михайлович Достоевский в портретах...: 174]).

Солдатская служба Достоевского продлилась до середины 1859 г. Писатель покинул Семипалатинск 2 июля 1859 г. и отправился с женою и приемным сыном в Тверь. Путь писателя с семьей при возвращении в европейскую часть России пролегал через следующие населенные пункты: Семипалатинск, Омск, Тюмень, Пермь, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Сергиев Посад, Тверь.

Свой путь, или, используя выражение автора, «странствие» [Достоевский, 28₁: 361], он описал 23 октября 1859 г. своему другу Артему Ивановичу Гейбовичу, пехотному капитану, ротному командиру 7-го линейного батальона. Достоевский отмечает, что на участке пути «Семипалатинск—Омск» дорога была хорошей:

«Приехали наконец в Омск; погода была бесподобная и дорога прекрасная. В Омске я пробыл трое или четверо суток. Взяли из корпуса Пашу; был у старых знакомых и начальников, как-то: де Граве и проч.» [Достоевский, 28₁: 361].

Рубежной вехой воспоминаний и маршрута писателя являлся Омск:

«Но вообще Омск мне ужасно не понравился и навел на меня грустные мысли, воспоминания. Когда выехали из Омска, тут-то я настоящим образом простился с Сибирью. Дорога пошла прескверная, но Тюмень — великолепный город — торговый, промышленный, многолюдный, удобный — всё что хотите. Мы там простояли (не помню зачем) дня два. В дороге, в первой половине путешествия, со мной было два припадка, и с тех пор забастовало» [Достоевский, 28₁: 361].

Илл. 8. Монумент «Маршрут следования Достоевского на каторгу и возвращение в Тверь после военной службы» (Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского города Семей (Казakhstan))
Фото В. Н. Алекина

Fig. 8. Monument “The Route of Dostoevsky to the Place of Penal Servitude and Return to Tver After Military Service” (Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky, Semey, Kazakhstan).
Photo by V. N. Alekin

Большинство дорожных впечатлений Достоевского были положительными, они крепко запечатлелись в памяти, даже спустя три месяца после происшедшего он с легкостью делился ими с А. И. Гейбовичем:

«Погода стояла преблагодатная, почти всё время путешествия, тарантас не ломался (ни разу!), в лошадях задержки не было, но дороговизна, но цены на станциях — Боже упаси! Спросишь кусок чего-нибудь, спросишь цену — и глядишь ему потом в глаза даже со страхом: не сумасшедший ли это какой! Нигде на свете нет таких цен! Зато вознаграждала природа. Великолепные леса пермские и потом вятские совершенство. Но в Перми уже мало замечаешь пустырей по дорогам: всё запахано, всё обработано, всё ценится. Так, по крайней мере, мне показалось. В Екатеринбурге мы простояли сутки, и нас соблазнили: накупили мы разных изделий рублей на 40 — четок и 38 разных горных пород, запонок, пуговиц и проч. Купили для подарков и, нечего грешить, заплатили ужасно дешево, так что здесь чуть ли не вдвое стоит» [Достоевский, 28₁: 361].

Достоевский был полон надежд и оптимизма, поэтому он любовался природой, покупал подарки родным, лояльно относился к высоким ценам на станциях. Особо приятным, радостным воспоминанием писателя стали дорожные впечатления, связанные с повторным посещением столба на

Урале, разграничивающего Европу и Азию. Если 9,5 лет назад это было тягостное, мучительное ночное впечатление, вызывающее слезы горя и страх перед неизвестным будущим, то теперь это праздник возвращения на «землю обетованную»:

«В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрали наконец на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб, с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел наконец Господь увидеть обетованную землю. Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией, выпил и Николаев, и ямщик (и уж как же вез потом). Поговорили и пошли гулять в лесу, собирать землянику. Набрали порядочно» [Достоевский, 28;: 361–362].

Семантика парадиза, заключенная в лексемах «перекрестился», «обетованная земля», «земляника», парадоксально сочетается с «правдой» бытия: инвалидом на службе, распитием горькой померанцевой водки в мужском кругу (Достоевский, Николаев, инвалид, ямщик) и нетрезвыми разговорами о жизни.

Непредвиденная остановка в пути произошла в Казани по причине недостачи денег и позднего получения корреспонденции старшим братом:

«В Казани мы засели. Осталось 120 руб. сер<ебром>, что очевидно было мало, чтоб доехать до Твери. Еще из Семипалатинска я писал брату, чтоб выслал мне 200 руб. в Казань, на почту, впредь до востребования. Мы решились ждать денег и стали в хорошем номере в гостинице. Дороговизна нестерпимая. Ждали 10 дней, стоило до 50 руб. <...> Но брат получил письмо непростительно поздно и наконец прислал 200 руб. Тотчас поехали. Приехали в Нижний, прямо в развал ярмарки; приехали ночью и часа два скитались по городу, останавливаясь у всех гостиниц; везде полно. Наконец-то сыскали что-то вроде конуры и тому были рады. На другой день съездили к Анненкову (тобольскому ссыльному; он в Нижнем теперь советником). Но он был в отпуске, а все семейство в деревне. Я тотчас же отправился смотреть ярмарку» [Достоевский, 28;: 362–363].

Достоевский хотел сочетать путешествие и встречи с близкими людьми: планировал встретиться с И. А. Анненковым в Нижнем Новгороде (но тот был в отпуске), с М. М. Хоментовским — во Владимире.

Большие финансовые траты писателя были связаны с формальным запретом въезда в столицы: нужно было обогнуть Москву и из Московской губернии попасть в Тверскую. Семантику путешествия по святым местам воспроизводит рассказ о Сергиевом Посаде:

«Всего ближе было ехать на Москву; но, во-первых, в Москву мне запрещено было въезжать формально. А во-вторых, приехать в Москву, увидеть сестер и не прожить в Москве недели было невозможно. Могли выйти хлопоты, я и решил, но не на Ярославль, как рассчитывал по маршруту в Семипалатинске, а на Сергиевскую лавру (60 верст от Москвы) и, прорезав Московскую губернию, въехать в Тверскую. Решился, да и закаялся. Большой дороги нет; ямщики вольные, и на 150 верстах содрали с меня втрое более, чем на казенных прогонах. Но зато Сергиев монастырь вознаградил нас вполне. 23 года я в нем не был. Что за архитектура, какие памятники, византийские залы, церкви! Ризница привела нас в изумление» [Достоевский, 28,: 362].

Бывший политический преступник должен был жить в Твери:

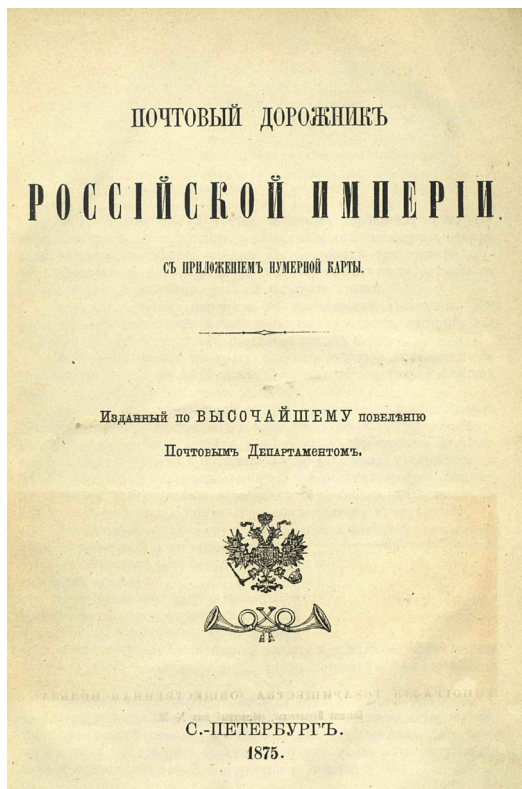
«Наконец, после долгих странствий, прибыли в Тверь, остановились в гостинице, цены непомерные. Надо нанять квартиру. <...> Наконец после нескольких дней искания отыскал квартиру не квартиру, номер не номер, три комнатки с мебелью за 11 рублей серебром в месяц» [Достоевский, 28,: 363].

Однако Достоевский не оставляет надежд и обращается с просьбами походатайствовать о его переезде в столицу к А. Е. Врангелю, Э. И. Тотлебену, начальнику III Отделения В. А. Долгорукому и даже самому императору. В середине декабря ему вручено наконец официальное сообщение о разрешении жить в Петербурге. Приблизительно 20 декабря 1859 г. писатель с семьей вернулся в Петербург [Летопись: 280], и больше Сибирь он не посещал.

Документальных свидетельств о том, что Достоевский еще приезжал в Барнаул, не сохранилось, хотя в своем письме Врангелю он пишет, что «бывал после вас часто» [Достоевский, 28,: 337]. П. Ф. Маркин обсуждает возможность прощания Достоевского с Барнаулом по дороге в европейскую часть России. Полемизируя с Е. Батуриной, утверждавшей, что путь пролегал по маршруту «Семипалатинск — Змеиногорск — Барнаул — Омск и далее до Твери» («Алтайская правда», 1971, 9 окт.), он пишет, что в данном случае гипотеза выдается за очевидный факт [Маркин: 95–96]. Напомним, что Сибирь с европейской частью России была связана посредством двух дорог: Московско-Сибирского и Линейного трактов. Последний проходил южнее Московско-Сибирского и связывал Оренбург и Омск, затем пролегал по Иртышской линии через Семипалатинск, Усть-Бийск и Барнаул [История Сибири с древнейших...: 406]. Именно этот маршрут движения из Омска в Семипалатинск использовал П. П. Семенов-Тянь-Шанский (и описал его в книге «Путешествие в Тянь-Шань» [Семенов-Тянь-Шанский: 141–142]). П. Ф. Маркин считает, что «трудно сказать, какой маршрут выбрал Достоевский на обратном пути. Во всяком случае, фактических свидетельств о том, что Достоевский в последний раз заезжал в Барнаул, у нас не имеется» [Маркин: 95–96]. На наш взгляд, предположение, что писатель избрал прямой путь из Семипалатинска в Омск по Иртышской линии, представляется более убедительным.

«Почтовый дорожник» 1829 г. содержит информацию только о протяженности прямого пути из Семипалатинска в Санкт-Петербург с промежуточными станциями Бологое, Рыбинск, Омск и указанием сочетания номеров дорог: I, VI, 3, 14. Дорога в целом составляет 3902,25 версты [Почтовый дорожник, 1875: 125]. Поскольку писатель делал крюк «Пермь-Екатеринбург», очевидно, что дорога была длиннее.

В результате анализа маршрутов Достоевского из Петербурга в Сибирь и обратно, его передвижений по Сибири в 1850-е гг., а также дорожных впечатлений писателя возможно реконструировать обстоятельства его сибирской жизни. Системное изучение почтовых дорожников и топографических карт, маршрутов, состояния дорог, мемуаров современников и переписки Достоевского дает возможность уточнить датировку его поездок в Барнаул и Кузнецк, а также ставит задачу создания исторически достоверной реконструкции сибирских маршрутов писателя.

Илл. 9. Титульный лист издания «Почтовый дорожник» (1875)

Fig. 9. Title Page from the “Postal Road Atlas”

(“Pochtovyy dorozhnik”) (1875)

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 («Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского»).
- ** Автор выражает глубокую признательность за помощь в подготовке данной работы сотрудникам Литературно-мемориального музея Достоевского в г. Кузнецке Ирине Владимировне Мирович и Елене Дмитриевне Трухан.
- 1 Фонвизины вернулись домой в мае 1853 г. после двадцатипятилетней ссылки, и Наталья Дмитриевна, к сожалению, не застала в живых своих взрослых сыновей: обоих унесла чахотка [Сараскина: 270].
  - 2 В 1824–1825 гг. властями предпринималась попытка содержать почтовые станции за счет денежного сбора в земскую повинность посредством подрядчиков, но это начинание себя не оправдало. С 1826 г. ямская повинность и повинность содержания дорог снова «исправлялась натурой». Каждая волость и селение устанавливали график продолжительности повинности. Учитывая протяженность дорог и количество станций на Сибирском тракте, 30 крестьянам необходимо было содержать одну лошадь для гоньбы. См. подробнее об этом [Дунец: 38, 55–56].
  - 3 Несколько иная, отличная от официальной, информация содержится в корреспонденции 1850-х гг. Люси Шеррард Аткинсон (девичья фамилия — Финли), гражданской жены английского художника и путешественника Т. У. Аткинсона: «Шесть караванов с драгоценными металлами отбывают из Барнаула каждый год — четыре зимой на санях и два в течение лета» [Аткинсон: 16].
  - 4 Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1714. Л. 717–734.
  - 5 ГААК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 309. Л. 236.
  - 6 ГААК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 309. Л. 234–235.
  - 7 ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8061. Л. 399. Правила об обывательской подводной гоньбе.
  - 8 ГААК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 267. Л. 534–535 об. Ведомость о почтовой и обывательской гоньбе на станциях по Барнаульскому округу.
  - 9 Нашу точку зрения по этому вопросу разделяет сотрудник Музея-заповедника «Кузнецкая крепость» А. В. Чекалин. Он пишет: «Открываем карту Томской губернии в Атласе Российской империи А. Ильина на 1871 год. Действительно, такая дорога (на карте в одну тонкую линию), от Барнаула через Салаир, Гурьевск и выйдя на Томско-Кузнецкий тракт далее на Кузнецк, существует. Однако здесь же указан и прямой Барнаульско-Кузнецкий почтовый тракт (на карте в две параллельные линии) через Косиху, Тогул и село Томское (Томский завод). Данный путь значительно короче «крюка» через Салаир, который, как утверждает Эдуард Робертович (Вистерман. — Е. С.) является единственно-возможной дорогой Достоевского. Посмотрим более ранние карты. На Генеральной карте Томской губернии 1825 года, дороги от Барнаула на Салаир нет вообще, но Барнаульско-Кузнецкий тракт показан со всеми почтовыми станциями и расстояниями между ними. Далее смотрим топографическую карту Алтайского горного округа 1864 года. На ней обозначены обе дороги. Но если прямая дорога Барнаул-Кузнецк обозначена как полноценный почтовый тракт, то дорога через Салаир — как технологическая горнозаводская дорога, которая в большей степени служила для производственной связи Барнаула с Гурьевским и Гавриловским заводами, а также с Салаирским рудником» [Чекалин: 4].

- ¹⁰ «В 1842 году сообщалось, что углевозная дорога от Салаирского рудника в плохом состоянии, что нет возможности для провоза угля» [Дунец: 38], с 1840 г. остался невывезенный уголь, дорогу необходимо исправить, либо построить новую.
- ¹¹ Об этом он многократно упоминает в письме А. Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г.: поездка «состоится на будущей неделе, если, как обещано, мне пришлют денег» [Достоевский, 28₁: 240]; «денег не было, я еще не поехал» [Достоевский, 28₁: 242]; Михаил «помогает мне из последних сил, а я куда трачу деньги!» [Достоевский, 28₁: 243].
- ¹² Этот документ имеет следующее продолжение: «Вследствие отзыва господина начальника штаба отдельного Сибирского корпуса, от 28 минувшего апреля, № 2586, имею честь уведомить ваше превосходительство для сведения. Подписано: начальник дивизии генерал-лейтенант Домете и начальник дивизионного штаба, подполковник Бабков» [Достоевский в забытых и неизвестных...: 113].

Список литературы

1. Аткинсон Л. Воспоминания о Татарских степях: письма из Барнаула. 1848–1853 гг. — Барнаул: Алтайский дом литераторов, 2013. — 160 с.
2. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф. М. Достоевский и Сибирь). — 3 изд., испр. и доп. — Омск: Издательский дом «Наука», 2015. — 392 с.
3. Вистерман Э. Р., Жогличев С. А. Проект «Ф. М. Достоевский в Сибири — навстречу любви» // Алтайский текст в русской культуре: сб. науч. ст. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. — Вып. 6. — С. 72–76.
4. Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. — СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. — 221 с.
5. Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850—1854 гг. — Новосибирск: Наука, 1985. — 168 с.
6. Гроссман Л. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского. Материалы Центрального военно-исторического архива о петрашевцах и Достоевском // Литературное наследство / под ред. П. И. Лебедева-Полянского. — М.: Жур.-газ. объединение, 1935. — Т. 22–24. — С. 683–736.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
8. Дунец А. Н., Исаев В. В., Рыгалова М. В., Колокольцев М. Г. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. — 396 с.
9. Захаров В. Н. Достоевский в Тобольске // Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску. — Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. — Альманах № 18. — С. 67–85.
10. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 2. — С. 44–53 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464
11. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / под ред. А. П. Окладникова. — Л.: Наука, 1968. — Т. 2. — 538 с.
12. Кацюба Д. В. Кузнецкая породистая лошадь в гербе г. Кузнецка // Историческое краеведение в школе и вузе. — Кемерово, 1994. — С. 210–211.
13. Ледебур К. Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, К. А. Мейер; пер. с нем. В. В. Завалишин, Ю. П. Бубенков. — Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. — 415 с.

14. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881 гг. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. — Т. 1: 1821—1864. — 530 с.
15. Маркин П. Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. — 1985. — № 3. — С. 92–96.
16. Оланьон Кл. Сибирь и ее экономическая будущность / предисл. Фредерика Пасси; пер. с франц. А. Д. Погрузова. — СПб.: Т-во «Просвещение», [1903]. — 252 с.
17. Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и всех присоединенных областей. — СПб.: Типография Карла Крайя, 1829. — 486 с.
18. Почтовый дорожник Российской империи, изданный по высочайшему повелению Почтовым департаментом с приложением нумерной карты для отыскивания дорог и географической карты. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 1852. — 630 с.
19. Почтовый дорожник Российской империи: с приложением нумерной карты / изданный по высочайшему повелению Почтовым департаментом. — СПб.: [Тип. т-ва «Общественная польза»], 1875. — 630 с.
20. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей : [в 20 т.] / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского; под общ. рук. П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского. — СПб.: Издание А. Ф. Девриена, 1907. — Т. 16: Западная Сибирь [Электронный ресурс]. — URL: <http://elib.tomsk.ru/page/425/> (12.12.2019).
21. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 825 с.
22. Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. — М.: ОГИЗ, 1946. — Т. 2. — 256 с.
23. Старцев А. В., Тяпкин М. О., Тяпкина О. А. История Барнаула XVIII–XX вв. — 3-е изд. — Барнаул: ООО ТЛ «Красный угол», 2010. — 394 с.
24. Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Просвещение, 1972. — 447 с.
25. Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — 336 с.
26. Чекалин А. Достоевский. Дорога в Кузнецк // Кузнецкий рабочий. — 17 января 2020 г. — № 4. — С. 4.
27. Штраус О. Как Достоевский навстречу счастью ехал // Кузбасс. — 6 марта 2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://kuzbass85.ru/2014/03/06/kak-dostoevskiy-navstrechu-schastyu-ehal/> (12.12.2019).

Elena Yu. Safronova

*Altai State University
(Barnaul, Russian Federation)*

esafr@mail.ru

Dostoevsky's Siberian Routes

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 20-412-420002.

Abstract. The article examines the routes Dostoevsky had followed from St. Petersburg to Siberia and back, and his travels through Siberia in 1850—1859. This task required a historically accurate

reconstruction of Dostoevsky's Siberian routes: Semipalatinsk—Zmiev, Semipalatinsk—Barnaul, Semipalatinsk—Zmiev—Barnaul—Kuznetsk, Semipalatinsk—Loktev plant. The article also describes the condition of the roads, indicates their length and intermediate stations, which allows to identify the writer's Siberian routes, clarify the details of his travels, their duration and dates. The length of the routes is revealed by the *Postal Road Atlas of the Russian Empire* dated 1829, 1852 and 1875, topographic maps of Tomsk province, reference works, memoirs of contemporaries and the author's collection of letters. The study revealed that the length of the road from Semipalatinsk to Zmeinogorsk is 182.5 versts (*Postal Road Atlas*, 1829) or 201 versts (1875); Zmeinogorsk—Barnaul — 280 (1825) or 268.75 (1875) versts. Thus, the total length of the Semipalatinsk—Zmiev—Barnaul route is equal to 462.5 versts (1825) or 469.75 versts (1875). There were two roads between Barnaul and Kuznetsk: the first one, the north road, passed through Kisluha—Beloyarsk—Golubtsovo—Kopylovo, Sorokino, Yanovskoe, Monoskino, Khmelevsky, Salairsky Pereval, Gavrilovsky Silver Smelter Plant, Gurievsk, Bachata, Karagayly, Bangur; and the second one, the south road, shorter and more direct, passed through Togul and the Tomsk plant. Only the second road is mentioned in the *Postal Road Atlas*. The article provides the calculation of the span of each road, and substantiates the hypothesis that Dostoevsky's Barnaul-Kuznetsk route passed through Gobina, Zilina, Kosikha, Losishikha (Losisha), Togul'skoye village, Togul'skoye Zimov'ye, Tomsk iron plant, Berezovka and spanned 282–282.5 versts. Indirect evidence of the fact that the writer took this road are the memoirs of A. E. Vrangl and Dostoevsky's letters. For instance, in the letters to V. M. Karepina and the writer's elder brother (both dated 22 December 1856), Dostoevsky mentions 700–750 versts between Semipalatinsk and Kuznetsk. A comparison between topographic maps of the XIX century and the author's letters allows us to revise the viewpoint of E. R. Vesterman, who insisted on the distance of 1,000 verst-route between Semipalatinsk and Kuznetsk through Salair, Guryevsk, Bachata, Karagayly, Kiselevsk, Kalachevo and Bungur. The Siberian period of Dostoevsky's biography requires further research with support from archival sources.

Keywords: biography, F. M. Dostoevsky, M. D. Isaeva, A. E. Vrangl, roads of the 19th century, Semipalatinsk, Barnaul, Kuznetsk, route

About the author: *Safronova Elena Yu.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Applied Philology, Altai State University (pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russian Federation)

Received: January 31, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Safronova E. Yu. Dostoevsky's Siberian Routes. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 13–41. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541 (In Russ.)

References

1. Atkinson L. *Vospominaniya o Tatarskikh stepyakh: pis'ma iz Barnaula. 1848–1853 gg.* [*The Memoirs of Tatar Steppes: Letters from Barnaul. 1848–1853*]. Barnaul, Altayskiy dom literatorov Publ., 2013. 160 p. (In Russ.)
2. Vaynerman V. S. «*Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati...*» (F. M. Dostoevskiy i Sibir') [*I Entrust Myself to Your Good Memory...*] (F. M. Dostoevsky and Siberia)]. Omsk, Izdatel'skiy dom Nauka Publ., 2015. 392 p. (In Russ.)
3. Visterman E. R., Zhoglichev S. A. The Project “F. M. Dostoevsky in Siberia — Towards Love”. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture [The Altai Text in Russian Culture]*. Barnaul, the Altai State University Publ., 2015, issue 6, pp. 72–76. (In Russ.)
4. Vrangl A. E. *Vospominaniya o F. M. Dostoevskom v Sibiri 1854–56 gg.* [*The Memories of F. M. Dostoevsky in Siberia of 1854–1856*]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1912. 221 p. (In Russ.)
5. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854 gg.* [*Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)

6. Grossman L. F. M. Dostoevsky's Civil Death of. Materials of the Central Military Historical Archive about the Petrashevsky Circle, and Dostoevsky. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1935, vol. 22–24, pp. 683–736. (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
8. Dunets A. N., Isaev V. V., Rygalova M. V., Kolokoltsev M. G. *Dorogi Altayskogo kraya: ot pervykh verst do nashikh dney [The Roads of the Altai Region: from the First Miles to Our Days]*. Barnaul, Polzunov Altai State Technical University Publ., 2017. 396 p. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Dostoevsky in Tobolsk. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. 425 let Tobol'sku [Tobolsk and All Siberia. 425 Years of Tobolsk]*. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2012, Al'manac no. 18, pp. 67–85. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
11. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 tomakh [The History of Siberia from Ancient Times to Our Days: in 5 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1968, vol. 2. 538 p. (In Russ.)
12. Katsyuba D. V. Kuznetsk Highbred Horse on the Emblem of the Town of Kuznetsk. In: *Istoricheskoe kraevedenie v shkole i vuze [Historical Local History in School and University]*. Kemerovo, 1994, pp. 210–211. (In Russ.)
13. Ledebur K. F. *Puteshestvie po Altayskim goram i dzhungarskoy Kirgizskoy stepi [Travelling Through the Altai Mountains and the Dzungarian Steppes of the Kirghiz]*. Novosibirsk, VO Nauka Publ., Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ., 1993. 415 p. (In Russ.)
14. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1. 530 p. (In Russ.)
15. Markin P. F. Dostoevsky in Barnaul (Facts and Hypotheses). In: *Altay*, 1985, no. 3, pp. 92–96. (In Russ.)
16. Olannion Kl. *Sibir' i ee ekonomicheskaya budushchnost' [Siberia and its Economic Future]*. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1903. 252 p. (In Russ.)
17. *Pochtovyy dorozhnik ili opisanie vsekh pochtovykh dorog Rossiyskoy imperii, Tsarstva Pol'skogo i vsekh prisoedinennykh oblastey [The Postal Road Atlas or a Description of All Post Roads of the Russian Empire, the Polish Kingdom and All Connected Areas]*. St. Petersburg, tipografiya Karla Krayya Publ., 1829. 486 p. (In Russ.)
18. *Pochtovyy dorozhnik Rossiyskoy imperii, izdannyy po vysochayshemu poveleniyu Pochtovym departamentom s prilozheniyem numernoy karty dlya otyskivaniya dorog i geograficheskoy karty [The Postal Road Atlas of the Russian Empire, Published by the Highest Order of the Postal Department with the Application of a Numbered Map for Finding Roads and a Geographical Map]*. St. Petersburg, Tipografiya vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Velichestva kantselyarii Publ., 1852. 630 p. (In Russ.)
19. *Pochtovyy dorozhnik Rossiyskoy Imperii: s prilozheniem numernoy karty [The Postal Road Atlas of the Russian Empire: Attaching the a Numeric Map]*. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva Obshchestvennaya pol'za Publ., 1875. 630 p. (In Russ.)
20. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey: v 20 tomakh [Russia. A Full Geographic Description of Our Fatherland: A Reference and Road Book for Russian People: in 20 Vols]*. St. Petersburg, Izdanie A. F. Devriena

- Publ., 1907, vol. 16. Available at: <http://elib.tomsk.ru/page/425/> (accessed on December 12, 2019). (In Russ.)
21. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (In Russ.)
  22. Semenov-Tyan-Shanskiy P. P. *Puteshestvie v Tyan'-Shan' v 1856–1857 godakh. Memuary* [*The Journey to Tien Shan in 1856–1857. Memoirs*]. Moscow, Ob"edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv Publ., 1946, vol. 2. 256 p. (In Russ.)
  23. Startsev A. V., Tyapkin M. O., Tyapkina O. A. *Istoriya Barnaula XVIII–XX vv.* [*The History of Barnaul of the 18th–20th Centuries*]. Barnaul, Krasnyy ugol Publ., 2010. 394 p. (In Russ.)
  24. *Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy v portretakh, illyustratsiyakh, dokumentakh* [*Fedor Mikhailovich Dostoevsky in Portraits, Illustrations, Documents*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972, 447 p. (In Russ.)
  25. *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [*F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993. 336 p. (In Russ.)
  26. Chekalin A. Dostoevsky. The Road to Kuznetsk. In: *Kuznetskiy rabochiy*, January 17, 2020, no. 4, p. 4. (In Russ.)
  27. Shtraus O. How Dostoevsky Went Towards his Happiness. In: *Kuzbass*. 2014. March 6. Available at: <http://kuzbass85.ru/2014/03/06/kak-dostoevskiy-navstrechu-schastyu-ehal/> (accessed on December 12, 2019). (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521

УДК 821.161.1.09"18"+930.25

И. Л. Волгин*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

mail@volgin.ru

Омский контекст. Новые реалии и находки*

Аннотация. В статье подвергаются аналитическому рассмотрению результаты поисков, проведенных группой молодых исследователей в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Участвуя в руководимом автором статьи научном проекте, М. Калинин, Е. Огородникова, А. Подрябинкина выявили неизвестные ранее архивные документы, относящиеся к периоду пребывания Достоевского на омской каторге, к реальному историческому контексту «Записок из Мертвого дома». В статье содержится ряд наблюдений и предположений, связанных с прототипами некоторых героев, с особенностями их биографий и возможным влиянием этого «биографического фактора» на судьбу Достоевского. Предлагается также критическая оценка (проблема авторства, степень достоверности и т. д.) впервые публикуемых на русском языке фрагментов из воспоминаний Юзефа Богуславского.

Ключевые слова: Достоевский, Записки из Мертвого дома, Российский государственный военно-исторический архив, прототипы, Богуславский, Токаржевский, омский острог, каторга, польский след

Об авторе: *Волгин Игорь Леонидович* — доктор филологических наук, кандидат исторических наук, основатель и президент Фонда Достоевского, профессор факультета журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 10.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Волгин И. Л. Омский контекст. Новые реалии и находки // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 42–50. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521

Неизвестно, знал ли пребывавший на омской каторге Достоевский стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (оно распространялось преимущественно в списках) и старался ли он там сохранять «гордое терпенье». Но то, что эти четыре года стали поворотным и, возможно, определяющим событием в его судьбе, не вызывает сомнений. Недаром в конце жизни он полушутя говорил В. С. Соловьеву, что попади тот на тройку лет в каторжную работу, то, возможно, стал бы прекрасным человеком и чистым христианином¹.

В «Записках из Мертвого дома» — первой в отечественной литературе каторжной прозе (которую Л. Н. Толстой — к вящему смущению автора — ставил даже «выше» Пушкина) воссоздан мир, совершенно неведомый тогдашнему образованному читателю. Границы культурного поля были отважно раздвинуты: в сферу общего интереса впервые вводились реалии, представлявшие сокрытую, но весьма значимую область национальной жизни.

Однако уникальность «Записок из Мертвого дома» заключается не только в этом. Необычным являлся и сам жанр. Это были именно *Записки*: они подразумевали сугубо автобиографические мотивы, основанные на уникальном опыте автора. С другой стороны, это была именно художественная проза, дающая свободу как авторскому воображению, так и авторской воле. Перед исследователями всегда возникал вопрос о соотносительности фактической подосновы «Записок...» с ее творческой трансформацией в тексте, о «прототипичности» персонажей и о документальных источниках, позволяющих глубже проникнуть в «закулисы» повествования.

Весной 2019 г., начиная свой спецсеминар на втором курсе факультета журналистики МГУ, я предложил трем, на мой взгляд, наиболее склонным к научной работе студентам — 19-летним М. Калинину, А. Подрябинкиной и 20-летней Е. Огородниковой начать поиски в Российском государственном военно-историческом архиве. Поскольку Омская крепость в плане управления подлежала военному ведомству, именно здесь, в фондах РГВИА, должны были отложиться соответствующие документальные материалы. И хотя с фактической стороны история «Записок из Мертвого дома» достаточно хорошо исследована, имелись основания полагать, что вновь предпринятые усилия могут оказаться бесполезными.

Эти предположения подтвердились. За несколько месяцев упорной работы молодые исследователи («архивны юноши», как бы сказал Пушкин, пренебрегая гендерными различиями) — ныне студенты 3-го курса — настолько продвинулись в своих изысканиях, что я счел возможным включить их в качестве равноправных участников в научный проект «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)».

Конечно, здесь наличествовала известная доля риска. В проектах, поддержанных РФФИ, как правило «задействованы» специалисты, пользующиеся признанием профессионального сообщества. Введение в этот ученый

круг молодых людей, хотя и полных энтузиазма, но еще не обладающих широким научным кругозором и навыками архивной работы, не обязательно могло повести к желаемым результатам.

Я вспомнил, однако, как в далекие студенческие годы нас, начинающих историков, привел в ГА РФ (тогда именуемый ЦГАОР) наш любимый профессор — Петр Андреевич Зайончковский. И мы были «сходу» приобщены к таинству архивных поисков и горечи архивных разочарований (см.: [Волгин, 2019b]).

Работы молодых исследователей, представленные в этом номере журнала «Неизвестный Достоевский», касаются обстоятельств, связанных с пребыванием Достоевского на каторге. Это новые биографические сведения о предполагаемых прототипах, воспоминания, впервые переведенные на русский с польского языка и, наконец, математические измерения самого пространства каторги — ее территории, казарм и других относящихся к ней объектов.

Статья *М. Калинина* счастливо вписывается в то исследовательское направление, благодаря которому были выявлены реальные прототипы многих персонажей «Записок...». Вновь обнаруженные автором архивные документы позволяют заполнить лакуны в биографии плац-майора В. Г. Кривцова, одного из главных «антигероев» Достоевского. «Меня Бог от него избавил», — говорит повествователь (Горянчиков), отвергая тем самым позднейшую версию о телесном наказании автора «Записок...» (хотя подобная попытка Кривцовым и была предпринята). Характеристика плац-майора, данная Достоевским, подтверждается свидетельствами иных очевидцев. С другой стороны, архивное дело 1898 г. (минуло почти полвека после описанных Достоевским событий!) «О назначении пенсии вдове подполковника В. Кривцова» с приложенным к нему указом 1856 г. об его отставке позволяют сделать важные наблюдения. Во-первых, плац-майор получил полагающийся ему при отставке следующий чин, несмотря на пребывание под следствием (от которого, впрочем, он был освобожден). А во-вторых, не находит доказательств высказываемое порой предположение, что он был уволен со службы якобы за злоупотребление каторжной властью: ему были поставлены в вину иные прегрешения.

Более того, послужной список Кривцова содержит неизвестные ранее факты о боевом прошлом плац-майора и его воинских заслугах. Вряд ли эта информация была известна Достоевскому. Тем знаменательнее, что повествователь дает понять: несчастный характер местного крепостного тирана отнюдь не есть изначальная, врожденная принадлежность его натуры. Это результат долгого процесса расчеловечивания, предавшего ему звериный образ и оставившего лишь жалкие остатки человеческой природы (любовь к Трезорке и др.).

Нам известен теперь служебный путь и другого персонажа «Записок...» — подполковника Г-кова (Ивана Гладышева) — «доброе начальника», изображенного как бы в качестве антипода плац-майора. Неожидан и интересен тот

факт, что и Достоевский, и Гладышев — с разницей в полгода — служили в Санкт-Петербургской инженерной команде. Если даже они и не были знакомы (а вероятность этого нельзя исключить), то все равно подобное обстоятельство, стань оно им известно, не могло не повлиять на отношение инженер-подполковника Гладышева к бывшему инженер-подпоручику Достоевскому.

Таких «странных сближений» обнаруживается немало.

В ходе работы над проектом мне довелось обратить внимание его участников на еще одно любопытное обстоятельство. Прототип старшего доктора в «Записках из Мертвого дома» — главный врач Омского военного госпиталя И. Троицкий окончил, согласно вновь найденным документам, медицинский факультет Московского императорского университета. В те годы профессором этого факультета (а некоторое время — исполняющим должность декана) был «ученый-дедушка», дядя матери Достоевского В. М. Котельницкий, памятный писателю с детства: Василий Михайлович постоянно общался со своими молодыми племянниками. Если предположить, что факт этой родственной близости стал известен Троицкому (а такая вероятность весьма велика), тогда выясняется дополнительная причина его покровительства писателю-каторжанину. Госпиталь, помимо прочего, был тем единственным местом, где Достоевский мог закрепить (оформить) текст своей «Сибирской тетради». Заметим, что записи в этом самодельном, сшитом из разных листов манускрипте сделаны чернилами. Если это не позднейшая копия с неизвестного оригинала, то такие заметки могли быть произведены только во время пребывания автора в госпитале и, разумеется, при доброжелательном попустительстве медицинского начальства.

Другое наше наблюдение касается не названного в «Записках...» по имени «одного молодого лекаря», прототипом которого считается Я. Я. Ловчинский. Как явствует из приводимых М. Калининым документов, «молодой лекарь» происходил из однодворцев Брацловского уезда Подольской губернии. То есть — из тех присоединенных к России земель бывшей Речи Посполитой, где обитали ближайшие предки Достоевского и где родился его отец. Правда, нет уверенности, что узник Мертвого дома знал эти генеалогические подробности. В указанный период он имел довольно смутное представление о своих родовых корнях. Скорее всего, у «ласкового, приветливого ординатора» Я. Я. Ловчинского (с его «польской» фамилией) могли найтись и другие основания для доброго отношения к человеку со «схожим» антропонимом.

Присутствующая в «Записках из Мертвого дома» польская тема получила довольно подробное освещение в специальной литературе. Исследование А. Подрябкиной, впервые представившей на русском языке фрагменты из воспоминаний Юзефа Богуславского, существенно дополняет и уточняет этот сюжет.

Разумеется, воспоминания Ю. Богуславского — довольно ценный источник. Но применительно к публикуемой здесь главе о Достоевском и Дурове уместно задаваться вопросом: когда был написан этот текст и в какой мере можно атрибутировать его Ю. Богуславскому?

Известно, что автор мемуаров, вышедший из каторги в 1855 г. и вскоре вернувшийся на родину, умер в Ченстохове в 1857 г. (по другим сведениям — в 1859 г). Между тем в воспоминаниях он характеризует своего товарища по каторге следующим образом: «...пресловутый романист, о котором кричали на всех перекрестках, автор “Бедных людей” и других меньших или больших по размеру повестей, слава Севера, огромный талант и расхваленная знаменитость» [Подрябинкина]. Этот текст почти дословно совпадает с воспоминаниями Шимона Токаржевского: «Ф. М. Достоевский — этот чрезмерно превознесенный беллетрист, автор “Бедных людей”, эта слава северной столицы, сразу показался нам человеком, который не дорос до своей славы...»².

Конечно, в годы их совместного заключения Богуславский не мог не знать, что Достоевский — довольно известный петербургский литератор. Но эпитеты, прилагаемые им к автору «Бедных людей», несоразмерны с той сравнительно скромной писательской репутацией, которой он обладал до и во время своего пребывания в Сибири. Все эти определения соотносятся с более поздней эпохой: можно даже сказать, с литературным посмертием автора «Братьев Карамазовых». Подобные оценки как бы инкорпорированы «оттуда» в текст Богуславского.

Такие же поразительные совпадения с «текстом Богуславского» можно обнаружить у Токаржевского — там, где он говорит о взглядах Достоевского относительно Украины, Волыни, Подолии, Литвы и др.³ Причем и в этом случае формулировки совпадают почти дословно. «Слушая эти мнения, мы приходили к убеждению, что Ф. М. Достоевский в известных пунктах страдает умственным расстройством» (Ш. Токаржевский)⁴. «Слушая не раз такой абсурд от человека, от которого стоило бы ожидать чего-нибудь большего, я задумывался, а не сошел ли он часом с ума» (Ю. Богуславский) (цит. по: [Подрябинкина]). Этот нехитрый тезис через много лет будет подхвачен русской либеральной печатью. Или, что вероятнее, подсказан этой печатью одному из авторов воспоминаний.

Не менее сомнительно утверждение, что Достоевский (на чье польское происхождение не без грусти намекают оба польских мемуариста) как истый москаль ненавидел поляков. Сочувственные, полные глубокой приязни слова (в том числе, по адресу Токаржевского и Богуславского), которыми в «Записках...» удостоены польские узники («им было очень тяжело, гораздо тяжелее, чем нам»⁵ и др.) не дают для подобных обвинений никаких оснований. Скорее, в словах Богуславского можно усмотреть реакцию уязвленного национального самолюбия, отвергающего любые возражения и демонизирующего оппонента.

Еще больше вопросов вызвало у нас то место воспоминаний Богуславского, где он характеризует отношение Достоевского к событиям Крымской войны. Об отступлении русских войск от Дуная осенью 1853 г. насельник Омской крепости еще мог быть как-то осведомлен. Но, выйдя из каторги 23 января 1854 г., он никоим образом не сподобился бы обсуждать с Богуславским переход русской армии через Дунай, который состоялся лишь в марте. (Особенно трогательна рисуемая автором воспоминаний *натуральная* сцена: дико озираясь и негодуя, Достоевский пальцем расковыривает печные трещинки.)

Непонятно также, каким образом тяжело больной Богуславский, писавший свои записки во время лечения в далеком Карлсбаде в 1857 г. (и вскоре после этого умерший), мог ведать о недавно (1856 г.) полученном Достоевским первом офицерском чине и о женитьбе писателя «на вдове» (брак состоялся в Кузнецке 6 февраля 1857 г.). Невелика вероятность и того, что Богуславский знал о *патриотических* стихах 1855–1856 гг., представленных Достоевским по начальству — с единственной, сугубо прагматической целью: получить разрешение печататься. Эти действительно не очень высокого качества творения были рассмотрены в Петербурге, но к желаемому результату не привели (см.: [Волгин, 2019а]). Правда, об этих стихах ходили слухи, но вряд ли они могли дойти до автора мемуаров⁶.

И уж совсем неправдоподобно выглядит заявление мемуариста (или тех, кто предназначал его рукопись для печати), что Достоевский готов был донести на своих польских собеседников — дабы они «сгнили в заключении». Это не только не согласуется с нравственным обликом автора «Записок...», но и идет вразрез со всей линией его жизни (стоит хотя бы вспомнить поведение петропавловского узника во время следствия 1849 г. (см.: [Волгин, 2018])).

Подобные инвективы столь же убедительны, сколь другое утверждение мемуариста: что «все» петрашевцы «были друг на друга похожи <...> каждый очень любил или выпивку, или игру в карты» (цит. по: [Подрябинкина])⁷.

Очевидно, пора окончательно прояснить вопрос о степени чужого вмешательства в текст воспоминаний Богуславского, прежде всего — о наличии в нем позднейших вставок. В этом отношении был бы уместен сравнительный анализ рукописи (автограф? копия? исправленная редакция?), хранящейся в архиве Ягеллонской библиотеки, с другими источниками.

Несомненно, характеристики, даваемые Токаревым и Богуславским своему товарищу по несчастью, коренятся в том конфликте, который, нося сугубо идеологический характер, повел к прекращению отношений автора «Записок...» с упомянутыми лицами. Разрыв (ссора с Б-ским или Б., который аттестуется в «Записках...» как человек «раздражительный и нервный, но в сущности предобрый и великодушный» [Достоевский, 4: 209]) оказался весьма чувствительным для Достоевского («это было мне очень больно: мы

уже много разделили вместе» [Достоевский, 4: 216]). Его соузники, увы, не выказали таких огорчений.

Переходя к работе *Е. Огородниковой*, следует сказать, что главные усилия направлены на тщательное исследование того каторжного (и, частично, городского) пространства.

В этом смысле существенно уточнение терминов. Вторая Омская крепость — это расположенный под защитой крепостных стен город, внутри которого, огороженный тыном, помещался острог. Уточнено также местонахождение военного госпиталя, который, как можно понять, находился вне острога, к северу от крепости.

Целенаправленная работа с архивными документами позволила автору предметно, с математической точностью воспроизвести тот мир, который в «Записках из Мертвого дома» является, кроме прочего, и художественным созданием, мощным смысловым образом, символом и эмблемой. Значительное количество бытовых подробностей в «Записках...» обретает точное измерение — так алгеброй поверяется гармония.

Анализ крепостных (острожных) чертежей позволил не только исчислить площадь отдельных помещений, где находились Достоевский и его товарищи, но даже определить, куда выходили окна тех или иных казарм и когда заглядывало в них солнце. Теперь нам известны как общая площадь острога (46,6 соток и 75 метров — максимальное расстояние, которое можно было пройти по прямой), так и то пространство, которое в среднем приходилось на каждого заключенного. Важны даже такие, казалось бы, мелочи (для обитателей Мертвого дома они вовсе не были таковыми!), как наклон каторжных нар и площадь каждого спального места. Тюремный театр, столь впечатляюще описанный Достоевским, кухня и даже помойная яма — все это получает в работе *Е. Огородниковой* наглядный «математический вид». Это дает взыскательному читателю возможность «на физическом плане» дополнить тот объем впечатлений, который потенциально заложен в «Записках из Мертвого дома».

Публикуемые статьи *М. Калинина*, *Е. Огородниковой*, *А. Подрябинкиной* — наших начинающих и, пожалуй, самых молодых достоевсковедов, внушают надежду. Они свидетельствуют, что у той отрасли науки, которой мы все привержены, есть будущее.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

¹ См.: [Стахеев: 86].

² Храневич В. Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка // Русская старина. 1910. № 3. С. 605–606 (это первый перевод на русский язык фрагментов из воспоминаний Ш. Токаржевского). См. также: [Токаржевский].

³ «Достоевский <...> ненавидел поляков, потому что по чертам его лица и по фамилии, увы! можно было узнать его польское происхождение; он говорил, что если бы знал,

что в его жилах течет хоть одна капля польской крови, то велел бы тотчас же ее выпустить. Как больно было слушать, когда этот заговорщик, этот человек, приговоренный к казни за свободу и прогресс, заявлял, что тогда только почувствует себя счастливым, когда все перейдут под господство России, под власть кнута. Он никогда не говорил, что Украина, Вольшь, Подолия, Литва, что, наконец, вся Польша — край “забранный” (т. е. отнятый, завоеванный), но доказывал, что все эти пространства являются исконною собственностью России, что рука Божией справедливости отдала эти области, эти края под скипетр царя, так как они не могли существовать самостоятельно и долго еще пребывали бы во тьме, варварстве и бедности. Прибалтийский край <...> это подлинная Русь; Сибирь и Кавказ — тоже» (Русская старина. 1910. № 3. С. 610)

⁴ Там же.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. С. 210.

⁶ Можно предположить, что об этих стихах позднее слышал Токаржевский. См. очень схожий с текстом Богуславского пассаж в его, Токаржевского, воспоминаниях (Русская старина. 1910. № 3. С. 601).

⁷ Справедливости ради заметим, что некоторые факты, изложенные Богуславским и Токаржевским, находят свидетельское подтверждение. Так, казалось бы, их ни на чем не основанное замечание о пропитанности вновь прибывших Достоевского и Дурова «йодом и ртутью» корреспондирует с малоизвестным письмом священника А. И. Сулоцкого к М. А. Фонвизину (февраль 1850 г.): «Достоевский с самого прибытия поступил в госпиталь и пробудет там долго: дорогой раскрылась у него старая Венера <...>» (ОР РГБ. Ф. 319. Оп. 3. Ед. хр. 67. Л. 7–7 об. Ср.: Литературное наследство. М.: Наука, 1956. Т. 60. Кн. I. Ч. 2. С. 624 (опубликовано частично)). В современной медицине бытует мнение, что избыток йода может способствовать проявлению эпилепсии. Напомним, что согласно официальному заключению, именно в 1850 г. Достоевский в первый раз был сокрушен приступом «священной болезни».

Список литературы

1. Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский: дорога на эшафот. — М.: Академический проект, 2018. — 869 с.
2. Волгин И. Л. «Стихи не твоя специальность» // Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — С. 264–271. (а)
3. Волгин И. Л. Урок истории (к портрету П. А. Зайончковского) // Волгин И. Л. Странные сближенья. Национальная жизнь как литературный сюжет. — М.: Академический проект, 2019. — С. 389–293. (б)
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Стахеев Д. И. Группы и портреты // Исторический вестник. 1907. Январь. С. 86
6. Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — 980 с.

Igor L. Volgin

Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

mail@volgin.ru

The Omsk Context. New Realities and Findings

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 (“Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)”).

Abstract. The article analyzes the results of the search conducted by a group of young researchers at the Russian State Military Historical Archive. As part of a scientific project led by the author of the article, M. Kalinin, E. Ogorodnikova, A. Podryabinkina discovered previously unknown archival documents associated with the period of Dostoevsky’s penal servitude in Omsk, to the actual historical context of the *Notes from a Dead House*. The article contains a number of observations and assumptions related to the prototypes of certain characters, the details of their biographies and the possible influence of this “biographical factor” on Dostoevsky’s fate. The author also offers a critical assessment (issue of authorship, degree of reliability, etc.) of fragments from the memoirs of Jozef Boguslavsky, which are published in Russian for the first time.

Keywords: Dostoevsky, *Notes from a Dead House*, Russian State Military Historical Archive, prototypes, Boguslavsky, Tokarzhevsky, Omsk prison, penal servitude, Polish trail

About the author: *Volgin Igor L.* — Doctor of Philology, PhD in History, Founder and President of Dostoevsky Foundation, Professor of the Faculty of Journalism, Moscow State University (ul. Mokhovaya 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: January 10, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Volgin I. L. The Omsk Context. New Realities and Findings. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 42–50. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521 (In Russ.)

References

1. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor. Dostoevskiy: doroga na eshafot* [*The Missing Conspiracy. Dostoevsky: The Road to the Scaffold*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 869 p. (In Russ.)
2. Volgin I. L. “Poetry Is Not Your Expertise”. In: *Volgin I. L. Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo* [*Volgin I. L. Nobody’s Contemporary. Four Circles of Dostoevsky*]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, pp. 264–271. (In Russ.) (a)
3. Volgin I. L. A History Lesson (to the Portrait of P. A. Zayonchkovsky). In: *Volgin I. L. Strannyye sblizhen’ya. Natsional’naya zhizn’ kak literaturnyy syuzhet* [*Volgin I. L. Strange Rapprochement. National Life as a Literary Plot*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019, pp. 389–293. (In Russ.) (b)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. Stakheev D. I. Groups and Portraits. In: *Istoricheskiy Vestnik* [*The History Herald*], 1907, January, p. 86. (In Russ.)
6. Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. *Sibirskoe likholet’e* [*Siberian Troubled Years*]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421

УДК 821.161.1+930.25

А. Г. Подрябинкина*Московский государственный университет**им. М. В. Ломоносова**(Москва, Российская Федерация)*

nastya.podryabinkina@gmail.com

Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»?*

Аннотация. В статье рассмотрена глава «Сергей Дуров и Федор Достоевский» из «Сибирского дневника» польского революционера Юзефа Богуславского, находившегося в Омском остроге одновременно с Ф. М. Достоевским. «Сибирский дневник» вошел в книгу «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta» («Поляки из Вильнюса и Жемайтии в изгнании. Воспоминания Юзефа Богуславского и ксендза Матеуша Вейта»). Некоторые фрагменты этой книги и других польских источников переведены на русский язык впервые автором статьи, в том числе воспоминания о Сергее Дурове и Федоре Достоевском. Рассмотрена взаимосвязь «Сибирского дневника» Ю. Богуславского, «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Семи лет каторги», «Каторжан» Ш. Тока(р)жевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», Токажевский, Токарежевский, Богуславский, омский острог, каторга, Ягеллонская библиотека, Российский государственный военно-исторический архив

Об авторе: Подрябинкина Анастасия Геннадьевна — студентка факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 01.12.2019

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Подрябинкина А. Г. Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»? // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 51–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421

«Wypadałoby mi teraz pożyczyć pióra od jakiegoś znakomitszego autora, aby << godnie nakreślić wypadki, które zaraz przedstawię. Wypadki, które stanowiły główną epokę mego życia» («Хотел бы я сейчас одолжить перо у какого-нибудь более талантливому автору, чтобы достойно обрисовать события, которые я собираюсь представить. События, ознаменовавшие важнейший период моей жизни»)¹, — так начинается 15-я глава «Сибирского дневника» Юзефа Богуславского (Józefa Boguslawskiego), польского революционера, каторжника [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 94]. Пять последующих «дневниковых» глав посвящены омской каторге...

В «Статейном списке арестантов гражданского ведомства, сосланных в крепостную работу на срок, в Омской крепости состоявшим» за 1850 г. Юзефа Богуславского мы найдем на 25-м листе под номером 18:

Иосиф Богуславский, 32 лет, лицо круглое, худощавое, глаза серые, волосы темно-русые, на левой щеке родимый знак «вроде бородавки». Телосложения крепкого. Из дворян Царства Польского. В крепость Усть-Каменогорскую доставлен 1849 г. февраля 3, в Омскую — 1849 г. октября 31. Осужден «за участие в преступных замыслах Эмисара Рера». Лишен всех прав состояния, «с переломлением над головою чрез палача шпаги». Ведет себя хорошо. Прислан в работу на 10 лет. Вероисповедания католического. Чернорабочий, «грамоте по-польски читать и писать умеет». Холост².

На этом же листе, под номером 20, найдем и скудные сведения о Федоре Михайловиче Достоевском: лицо чистое, белое, глаза серые, нос обыкновенный, волосы светло-русые, на лбу над левой бровью небольшой рубец. Телосложения крепкого. Из бывших отставных поручиков. Доставлен в крепость 1850 года января 23. Осужден по Высочайшей Конфирмации за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма Литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной Церкви и верховной власти, и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии. Без телесного наказания, с лишением всех прав состояния. Ведет себя хорошо. Прислан «в каторжную работу в крепостях на четыре года». Вероисповедания православного. Чернорабочий, грамоту знает. Холост³.

Самым первым упоминанием в печати Статейных списков Омской крепости за 1850 г. следует считать публикацию К. Николаевского в январском номере «Исторического вестника» за 1898 г.: «Во время моей последней поездки в степные области я имел возможность видеть в г. Омске любопытный документ, касающийся пребывания Ф. М. Достоевского и шести других политических преступников в бывшей омской каторжной тюрьме, в 1850 году», — так начинается статья «Товарищи Ф. М. Достоевского по каторге» [Николаевский: 219]. Автор приложил к ней Статейный список, где упоминаются Александр (Олесь) Мирецкий, Павел Аристов, Иосиф (Юзеф) Жаховский, Шимон Тока(р)жевский⁴, Иосиф (Юзеф) Богуславский, Сергей Дуров и Федор Достоевский.

К. Николаевский снабдил текст комментариями из «Записок из Мертвого дома» и собственными выводами. Интересно, что в апрельском номере «Исторического вестника» за 1898 г., в разделе «Заметки и поправки», М. Базанов, называющий себя «омским старожилом» [Базанов: 357], указывает на некоторые неточности К. Николаевского. Он пишет: «Меня удивляет, что г. Николаевский, несколько лет живший в Омске и, вероятно, здесь у нас добывший статейный список, не поинтересовался даже справиться, где был острог, и осталось ли от него что-нибудь» [Базанов: 356]. М. Базанов уточняет, что острог находился на северо-восточном бастионе бывшей крепости, а в 1877 г. от него остались только две казармы, кухня, амбары и кордегардия. Автор приводит цитаты из «Записок...» о кордегардии и добавляет, что в 1878 г. ему довелось пожить в одной из казарм: «Живо интересуюсь острогом, памятным мне по “Запискам из Мертвого дома”, я обошёл обе казармы и кухню, думая найти какие-нибудь следы бывшей каторги: надписи на стенах или что-нибудь в этом роде; но стены казармы были забелены, нары сняты, и ничто уже не напоминало о “мёртвом доме”, доме ужасов и гражданской смерти многих людей», — пишет М. Базанов [Базанов: 357]. В 1880 г. автор уезжает в Томск, а когда возвращается через 6 лет, «об остроге уже нет и помину» [Базанов: 357]. Уцелела одна кордегардия.

Многие прототипы героев «Записок из Мертвого дома» раскрыты Б. В. Федоренко⁵, позже С. В. Беловым [Белов]. Собранные и структурированные С. В. Беловым сведения дополнил и уточнил Б. Н. Тихомиров в статье «Достоевский и другие» [Тихомиров]. Он отметил следующее: «Включив в ЭС сведения более чем о полутораэтажных каторжниках Омского острога времени заключения там Достоевского и специально подчеркнув, что их имена приводятся в печати впервые <...>, С. В. Белов ни словом не упоминает о том, что Статейные списки об арестантах Омской крепости, на которые он ссылается как на источник, впервые, еще в 1960-е годы, были обнаружены в результате напряженной поисковой работы в фондах Российского государственного военно-исторического архива Б. В. Федоренко и в 1972 году использованы (с указанием точных шифров архивного хранения) в примечаниях к “Запискам из Мертвого дома” в изд.: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Л., 1972. Т. 4. С. 279–288*» [Тихомиров: 254].

В. П. Владимирцев о Статейных списках арестантов, сосланных в Омскую крепость, пишет следующее: «...Сопоставление народных героев “Мертвого дома” со “Статейными списками арестантов, сосланных в Омскую крепость”, подтверждает, что Достоевский подвергал фактологические материалы личных впечатлений о сокаторжниках свободной литературной, типизирующей и поэтизирующей, обработке (разыскания Б. В. Федоренко и И. Д. Якубович <...>), в соответствии с ролью Горянчикова во всех планах повествования» [Владимирцев: 758].

Юзеф Богуславский — прототип Б—ского (или Б.), героя «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского:

«Б. был слабосильный, тщедушный человек, еще молодой, страдавший грудью. Он прибыл в острог с год передо мною вместе с двумя другими из своих товарищей — одним стариком, всё время осторожной жизни денно и ночью молившимся Богу (за что его очень уважали арестанты) и умершим при мне (речь идет об Юзефе Жоховском. — А. П.), и с другим, еще очень молодым человеком, свежим, румяным, сильным, смелым, который дорогою нес уставшего с пол-этапа Б., что и продолжалось семьсот верст сряду (имеется в виду Шимон Тока(р)жевский. — А. П.). Нужно было видеть их дружбу между собою. Б. был человек с прекрасным образованием, благородный, с характером великодушным, но испорченным и раздраженным болезнью» (ДЗ0; 4: 81).

Действительно, из Статейного списка за 1850 г. следует, что Ю. Богуславский, Ш. Тока(р)жевский и Ю. Жоховский прибыли в Омскую крепость в один день — 31 октября 1849 года⁶. А в «Ведомостях о сосланных в Омскую крепость за 1851–1852 годы» находим такое упоминание, датированное 2 января: «Выключен из списочного состояния умерший в омском военном госпитале политический преступник Иосиф Жаховский»⁷.

Шимон Тока(р)жевский в книге «Семь лет каторги» пишет о случае, который упомянул Ф. Достоевский: «“Не тронь его” (по-русски) — этот “завет” пробежал по всем казематам, а легенду о моей якобы геркулесовой силе разбойники придумали оттого, что один из солдат, что конвоировал нас из Усть-Каменогорска, рассказал, как я нес на руках больного Юзика (Юзефа Богуславского. — А. П.) от этапа до этапа и, с малыми перерывами, выдержал семьсот верст» [Токаржевский, 2005: 5]. Об этом же эпизоде можно прочитать в книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta» («Поляки из Вильнюса и Жемайтии в изгнании. Воспоминания Юзефа Богуславского и ксендза Матеуша Вейта»):

«Marsz do Omska omal nie zakończyłby się zgonem Józefa Bogusławskiego, gdyby nie braterska postawa Szymona Tokarzewskiego. W czasie drogi liczącej prawie 600 kilometrów dużą jej część niósł Bogusławskiego na plecach (nie wiadomo, na jakim odcinku to czynił, lecz musiało to trwać przez dłuższy czas, skoro było o tym głośno nie tylko wśród polskich zesłańców na Syberii) («Марш в Омск закончился бы смертью Юзефа Богуславского, если бы не братское отношение Шимона Тока(р)жевского. Большую часть дороги, которая достигала почти 600 километров, он нес Богуславского на спине (неизвестно, на каком отрезке пути Тока(р)жевский так делал, но судя по тому, что этот случай был известен не только среди польских ссыльных в Сибири, он помогал Богуславскому довольно долгое время)» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 21].

Литературное наследие Шимона Тока(р)жевского представлено несколькими книгами, среди которых «Семь лет каторги» (Варшава, 1907), «Среди умерших для общества. Зарисовки из жизни поляков в Сибири» (Варшава, 1911), «В скитаниях. Воспоминания изгнанника» (Варшава, Львов, год

издания не указан), «Каторжники. Сибирские зарисовки» (Варшава, 1912), «Побег. Воспоминания о Сибири» (Варшава, 1913), «Тернистым путем» (Варшава, 1909), «Без паспорта» (Варшава, 1910), «Из записок 1863 года и последующих лет» (Варшава — Львов, 1912). На русский язык 8 книг Ш. Тока(р)-жевского полностью перевела с польского языка Мэри Моисеевна Кушникова. Они были опубликованы в сборнике «Сибирское лихолетье» в 2007 г., предисловие к которому написали М. М. Кушникова и В. В. Тогулев [Кушникова, Тогулев].

На данный момент существует несколько работ, где проанализированы тексты «Записок...» Ф. Достоевского, «Семи лет каторги» и «Каторжан...» Ш. Тока(р)жевского. Интерес исследователей к этим произведениям обусловлен тем, что в них достаточно много схожих эпизодов, одинаковых имен и фамилий. Это неудивительно, поскольку Ф. Достоевский и Ш. Тока(р)-жевский находились в омском остроге в одно время, а значит, они были свидетелями одних и тех же происшествий, и круг их общения был одинаков. При том очевидны различия обоих авторов в оценке этого периода их жизни и различия в их мировоззрении. Важно учитывать все факты, сопоставлять и анализировать оба текста, показать, почему авторы делают акценты на тех или иных событиях, по-разному оценивают некоторых людей из их окружения.

Гораздо меньше внимания уделялось еще одной книге, автор которой находился в остроге вместе с Ш. Тока(р)жевским и Ф. Достоевским. Речь идет о «Сибирском дневнике» Ю. Богуславского.

В 1896 г. мемуары Юзефа Богуславского под заголовком «Воспоминания Сибиряка» опубликовала краковская газета «Новая Реформа». В книге «*Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...*» читаем:

«Postać Józefa Bogusławskiego <...> jest znana polskiej historiografii. Wynikało to głównie z serdecznej przyjaźni, jaka łączyła go z jednym z najgłośniejszych kronikarzy losów polskich więźniów politycznych na Syberii, Szymonem Tokarzewskim, autorem m.in. wspomnień zatytułowanych “Siedem lat katorgi”» («Личность Юзефа Богуславского <...> известна польской историографии. Это связано в первую очередь с тем, что он был близким другом известного летописца судеб польских политзаключенных в Сибири, Шимоном Тока(р)жевским, автором в том числе и тех воспоминаний, которые озаглавлены как “Семь лет каторги”») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 11].

Вот и редакция «Новой Реформы» отмечала, что мемуары Богуславского «*przepisał i uzupełnił Sybirak, Szymon Tokarzewski*» («переписал и дополнил Сибиряк, Шимон Тока(р)жевский») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 31]. В архиве Ягеллонской библиотеки в Кракове находится рукопись «Сибирского дневника» Ю. Богуславского⁸. Она представляет собой «zeszyt o wymiarach 27,5 × 22,5 cm i w sumie liczy 106 stron. Tekst jest czytelny, pisany starannie, niemal

bez korekt i skreśleń» («тетрадь размером 27,5 на 22,5 сантиметров и в сумме насчитывает 106 страниц. Текст читабельный, написан старательно, почти без поправок и зачеркиваний») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 37].

Книга «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» вышла в 2016 г. в польском городе Кельцы и стала четвертой в серии «Kresy w polskich pamiętnikach i listach» («Кресы в польских воспоминаниях и письмах»). Подготовил издание Мариуш Новак. Книга состоит из 2 частей — «Сибирского дневника» Юзефа Богуславского и «Воспоминаний из 1863 года» Матеуша Вейта. Интересно, что «Сибирский дневник» в книге — это соединение печатного варианта мемуаров Ю. Богуславского, опубликованного в «Новой Реформе», и рукописного текста, хранящегося в Ягеллонской библиотеке. Составитель был вынужден пользоваться двумя источниками, поскольку они отличаются друг от друга. Так, в печатном варианте отсутствуют некоторые эпизоды, «istotne dla całości narracji» («существенные для сохранения целостности повествования») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 39].

В 2019 г. в Бостоне вышел первый перевод «Сибирского дневника» на английский язык. Он был включен в книгу Элизабет Блейк «Travels from Dostoevsky's Siberia: encounters with Polish literary exiles» («Сибирские дороги Достоевского: встречи с польскими ссыльными литераторами») [Blake]. На русский язык мемуары Юзефа Богуславского не переводились (за исключением отдельных фрагментов, над которыми работал В. А. Дьяков в статье «Каторжные годы Ф. М. Достоевского (по новым источникам)» [Дьяков]⁹). Мы перевели ту часть воспоминаний Ю. Богуславского, которая касается омского острога и содержится в книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...».

Существует несколько работ польских исследователей, где затрагивается вопрос о том, почему «Семь лет каторги» Ш. Тока(р)жевского и «Сибирский дневник» Ю. Богуславского имеют столько общих эпизодов и похожих (а иногда даже дословно повторенных!) фраз (например, опубликованная еще в 1975 г. статья «Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconemu Dostojewskiemu w książce Szymona Tokarzewskiego "Siedem lat katorgi"», которую написала З. Бобович-Потоцкая («Кто был настоящим автором раздела, посвященного Достоевскому в книжке Шимона Тока(р)жевского "Семь лет каторги"») [Bobowicz-Potocka]. Об этом, в том числе, рассуждает Мариуш Новак в многократно упомянутой нами книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...».

В русском переводе «Семи лет каторги», который был опубликован в альманахе «Голоса Сибири», глава «Федор Достоевский» начинается так:

«В январе 1850 г. из Петербурга привезли двух русских заключенных.

Сергей, сын Федора Дурова, и Федор, сын Михаила Достоевского, оба чрезвычайно слабые, нервные, как будто пропитанные йодом и ртутью, как аптечные склянки, осуждены были на четыре года тяжелых работ, а потом на воинскую службу» [Токаржевский, 2005: 5] (курсив мой. — А. П.).

В оригинальном тексте, которые, кстати, практически идентичен тексту Ю. Богуславского, смысл немного иной¹⁰:

«W styczniu 1850 r[oku] przywieźli z Petersburga dwóch rosyjskich więźniów stanu. Sergiusz, syn Teodora Durowa, i Teodor, syn Michała Dostojewskiego, obydwaj nadzwyczaj słabi, zdenerwowani, jodyną i merkuriuszem przeładowani niby bańki aptekarskie, skazani na cztery lata ciężkich robót, a następnie do wojska» («В январе 1850 года из Петербурга привезли двоих российских политических заключенных. Сергей, сын Федора Дурова, и Федор, сын Михаила Достоевского, были чрезвычайно слабы, взволнованны и пропитаны йодом и ртутью, как аптечные банки; осудили их на четыре года тяжелых работ, а после — на военную службу») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 270].

С союзом «как будто» предложение звучит по-другому, и неоднозначное замечание Ш. Тока(р)жевского и Ю. Богуславского воспринимается скорее как художественное сравнение.

Известно отношение Шимона Тока(р)жевского к Сергею Дурову и Федору Достоевскому, однако что о них пишет Юзеф Богуславский?

«Durow przynajmniej umiał godzić swoje minione położenie z obecnym. Znał świat, miał dość nauki, która mu pozwalała robić trafne spostrzeżenia o skłonnościach i charakterze ludzi. Chociaż czasem nudził nas śmiertelnie, powtarzaniem po kilka razy [tych samych] dykteryjek ze swego życia lub swoich znajomych w Petersburgu, był to jednak niezły Moskał. Przynajmniej dwadzieścia razy słyszałem, jak powtarzał, że jego stryj był gubernatorem w Smoleńsku, zaś matka pochodziła w prostej linii od [Bohdana] Chmielnickiego. Często z przyjemnością można było z nim mówić; naturalnie, nie bardzo się wywnętrzając» («Дуров по крайней мере вел себя достойно и в нынешнем положении. Он знал свет, был достаточно образован, и это позволяло ему делать меткие замечания о склонностях и характере людей. Хоть иногда он смертельно надоел нам, по много раз повторяя те же самые анекдоты из своей жизни или из жизни своих знакомых в Петербурге, был он, однако, недурной москаль. По меньшей мере 20 раз я слышал, как он повторял, что его дядя был губернатором в Смоленске, а мать происходила по прямой линии от Богдана Хмельницкого. Часто с ним можно было приятно поговорить; хотя, разумеется, не очень откровенно») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 109].

Интересно, что Юзеф Богуславский рассказывает о Сергее Дурове гораздо больше, чем Федор Достоевский в «Записках...». Лишь иногда в тексте появляются инициал «Д.» и коротенькие фразы, например: «мой товарищ, с которым я прибыл», — вот практически все, что мы узнаем из «Записок...» о сокаторжнике Достоевского, который был также осужден по делу Петрашевского. Даже Статейные списки в этом случае красноречивей «Записок...»: Сергей Дуров, 35 лет, лицо чистое, волосы черные, глаза темно-карие, нос

и рот обыкновенные, телосложения крепкого. Отставной коллежский асессор, в крепость поступил 23 января 1850 года. Был отправлен на каторгу «за участие в преступных замыслах, учреждение у себя в квартире собрания для этой цели и покушение к распространению сочинений против Правительства посредством домашней литографии». Телесному наказанию подвергнут не был, но лишен всех прав состояния. Осужден на 4 года. Черно-рабочий, грамоту знает¹¹.

Почему же Достоевский так мало говорит о человеке, который, учитывая определенную связанность их судеб, мог бы стать ему самым близким из всех арестантов? П. К. Мартьянов видит причину во враждебных отношениях двух петрашевцев: «...они ненавидели друг друга всею силою души, никогда не сходились вместе и в течение всего времени нахождения в Омском остроге не обменялись между собой ни единым словом» [Мартьянов: 268]¹². Однако нам видится тут некоторое преувеличение.

И. Д. Якубович считала, что отношения между Достоевским и Дуровым были скорей просто далекими, чем откровенно враждебными [Якубович: 542]. Такое мнение подкрепляется свидетельством о том, что оба эти петрашевца уже после освобождения из Омского острога жили у К. И. Иванова (адъютанта генерала Бориславского, мужа О. И. Анненковой). А в письме Достоевского к Ч. Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 г. читаем следующие строки: «Поклонитесь от меня Д<уро>ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему» (Д30; 28;: 250).

О Ф. М. Достоевском в «Сибирском дневнике» написано следующее:

«...drugi z nich to ten okrzyczany powieściopisarz, ten autor “Biednych ludzi” i innych mniejszych lub większych powieści, sława Północy, ten ogromny talent i okrzyczana wielkość. Jak że w oczach moich ujawnił swój poziom. Jako wychowaniec korpusu kadeckiego przesiąkł wszelkim złem, jakie gnieździło się w podobnych zakładach. Zatarł w sobie wszystkie zarody dobrego, jakie wyniósł z domu rodzicielskiego. Był to Moskal w całym tego słowa znaczeniu. Polaków nienawidził, mówił (niestety z rysów twarzy i z nazwiska znać było polskie jego pochodzenie), że gdyby wiedział, iż w jego żyłach płynie choćby kropla polskie[j] krwi, to kazałby ją wypuścić. I to miał być człowiek postępu? To miał być reprezentant nowej zasady, nowych idei? Ze zdań jego sądząc, powiedziałbym, że to był zwolennik knutowładztwa! Nie raz bowiem wyrażał się w ten sposób: wówczas dopiero będę szczęśliwym, kiedy zobaczę wszystkie sąsiednie ludy pod panowaniem cara. Bo i cóż są ci Francuzi, Anglicy, Niemcy czy Hiszpanie? Czy to narody? To karykatury, to parodie narodu!» («...второй из них был пресловутый романист, о котором кричали на всех перекрестках, автор “Бедных людей” и других меньших или больших по размеру повестей, слава Севера, огромный талант и расхваленная знаменитость. И как же он при мне проявил себя?! Как воспитанник кадетского корпуса, он был пропитан всяческим злом, которое гнездилось в подобных учреждениях. Он забыл все хорошее,

что вынес из родительского дома. Был это москаль во всех смыслах слова. Поляков ненавидел, говорил (к сожалению, по его чертам лица и по фамилии было видно польское происхождение), что если б знал, что в его венах есть хоть одна капля польской крови, то приказал бы ее выпустить. И это — человек прогресса? Это — представитель новых принципов, новых идей? Учитывая его суждения, я бы сказал, что он был приспешником жестокой власти кнута. Он не раз выражался так: “Я только тогда буду счастлив, когда увижу все соседние народы под властью царя. Ибо что такое французы, англичане, немцы или испанцы? Неужели это народы? Это лишь карикатуры, лишь пародии на народы!”») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 109–110].

Ниже приведен наш перевод 19-й главы из «Сибирского дневника» под названием «Сергей Дуров и Федор Достоевский»:

«Dostojewski nigdy nie powiedział, że Ukraina, Wołyń, Podole, Litwa i cała Polska to kraj przemocą zagrabiony; on zawsze utrzymywał, że ręka sprawiedliwości Bożej oddała to wszystko pod władzę caryzmu. Po to jedynie, aby oświecić lud przez ojcowski, błogi rząd cara. “W innym razie — mówił Dostojewski — tak pozostawiony sam sobie, byłby to kraj nędzy, ciemnoty i barbarzyństwa. Prowincje bałtyckie to także Ruś właściwa — podobnie Sybir i Kaukaz”.

Słyszając nieraz takie absurdy od człowieka, od którego należy wymagać czegoś więcej, myślałem, czy on nie jest przypadkiem wariatem? Gdy rozpoczęła się kampania wschodnia, kiedy wojska rosyjskie przeszły za Dunaj, F[iodor] Dostojewski, aczkolwiek w katordze, chodził z wypogodzoną twarzą, ironicznie się uśmiechał. Spoglądając na nas, marzył o nowym zaborze, t[o] j[est] Turcji, i głosił otwarcie, że Konstantynopol, że cała europejska część Wielkiej Porty już dawno powinna należeć do Rosji; że to będzie kwiat “ruskiej imperii”. Ale jaką miał minę, kiedy się dowiedział, że [Michał książę] Gorczakow wracał zza Dunaju i znaczy drogę swego odwrotu trupami... Pamiętam dobrze, jak go to niepokoiło, jak dziko spoglądał na wszystkie strony, jak chodząc po kazamacie, usiadł wreszcie koło pieca i dłubał palcem w szczelinie, nic do nikogo nie mówiąc. Od dawna mieliśmy z sobą nieporozumienia; trudno było choćby o pozorną zgodę z człowiekiem, który zawsze pamiętał, że był oficerem. Chciał zawsze gospodarować. Jako autor lubił rozmawiać o literaturze każdego narodu, której nie mógł znać, prócz swojej i francuskiej. Wszystko u niego, w porównaniu do literatury rosyjskiej — nic nie było warte. Zasadą było (nie mówiąc już o nienawistnych mu Polakach) obeдрzeć każdy naród ze wszystkiego, co tylko mógł mieć pięknego, wielkiego i szlachetnego: zniszczyć, zgładzić wszelkie pamiątki narodowe, użyć godziwych lub niegodziwych środków, aby tylko siebie wywyższyć, a drugich jak można zepchnąć niżej.

Jakim sposobem, mógłby ktoś słusznie zapytywać, człowiek taki jak Dostojewski, który odebrał wojskowe wychowanie, mógł zejść do robót fortecznych? Rzecz prosta. Wpadły mu w ręce niektóre dzieła postępowych pisarzy. Prawda, jaką tam przeczytał, przedarła się przez siedliska jego rozsądku; nie mógł jej nie zrozumieć; ocknęło się dobre i pokazało całą fałszywość postępowania

и życia. Zapragnął wtedy poprawy; przy okolicznościach bardziej sprzyjających mógł jeszcze zrehabilitować swoje życie. Zawiedziony — nie umiał wytrwać i poszedł drogą dawną. Wypuszczony na wolność, został przeznaczony na służbę do Semipałatyńska, gdzie ponownie dosłużył się stopnia oficerskiego. Ożenił się z wdową i za nim otrzymał wskazaną szarżę, napisał wiersz pochwalny dla cara Mikołaja. Sławił w nim jego wielkość i potęgę rozumu. Za co? Za wojnę krymską! Kiedy ci dwaj ludzie przybyli do Omska i zamieszkali z nami pod jednym dachem, zdawało się, że zobaczyłem światełka odrodzenia, co zabłyśły na chmurnym północnym niebie! Aliści, z żalem przychodzi mi wyznać, że się zawiódł najmocniej, bo nie tylko, że pod koniec więzienia musieliśmy zerwać stosunki, szczególnie z Dostojewskim. Musieliśmy nim pogardzać, groził bowiem doniesieniem, wydaniem dawnych naszych rozmów. Słowem, powiedział, że kiedy zechce, to potrafi tak zrobić, że zgnijemy w więzieniu. Od słowa do czynu, każdy to przyzna, tylko jeden krok prowadzi. Ale nie dosyć tego: miałem później zżęczość dowiedzieć się o innych działających w sprawie tak zwanej “Pietraszewskiego”. Wszyscy, z małym wyjątkiem, byli sobie podobni i żadnemu nie brakowało wykształcenia; każdy zamiłowany w pijaństwo albo w grze w karty. Nie wymieniam ich nazwisk, a mógłby[m] to uczynić, gdyby nie to, że daleko odstąpiłem od mego przedmiotu, do którego czas nareszcie powróci».

«Достоевский никогда не говорил, что Украина, Вольнь, Подолье, Литва и целая Польша — это земли, насильно присвоенные; он всегда утверждал, что справедливая рука Божья отдала эти территории под власть царизму единственно для того, чтобы даровать народу отцовское, блаженное правление царя. “В противном случае — говорил Достоевский — предоставленный сам себе, был бы это край нищеты, варварства и тьмы. Балтийские провинции — это тоже настоящая Русь, как Сибирь и Кавказ”.

Слушая не раз такой абсурд от человека, от которого стоило бы ожидать чего-нибудь большего, я задумывался, а не сошел ли он часом с ума? Когда началась восточная кампания и российские войска перешли Дунай, Федор Достоевский, хоть и пребывал на каторге, ходил с ясным лицом и иронично усмехался. Поглядывая на нас, мечтал о новом захвате (Турции) и говорил открыто, что Константинополь и вся европейская часть Великой Порты уже давно должны принадлежать России — это будет жемчужина “русской империи”. Но какое же у него было лицо, когда он узнал, что князь Михаил Горчаков возвращается из-за Дуная, и путь его отступления завален трупами... Я хорошо помню, как это взволновало Достоевского, как он дико озирался по сторонам, и, как блуждая по каземату, он уселся наконец возле печи и стал пальцем расковыривать трещинки, ничего никому не говоря.

Между нами давно возникло непонимание; трудно было жить хотя бы с виду в согласии с человеком, который всегда помнил, что был офицером. Он постоянно хотел господствовать. Достоевский был писателем и поэтому любил разговаривать о литературе разных народов, которую не мог знать (за исключением своей и французской). По его мнению, литература ни одного

народа не была столь же ценна, как русская литература. Как правило, Достоевский стремился обесценить все прекрасное, великое и благородное, что только было у другого народа (не говоря уже о ненавистных ему поляках): он хотел всеми правдами и неправдами уничтожить любые народные ценности, чтобы возвыситься самому, а других затолкать как можно ниже.

Каким образом, мог бы кто-нибудь задать правильный вопрос, такой человек, как Достоевский (получивший военное воспитание), мог попасть на работы в крепость? Все просто. В его руках оказались некоторые труды прогрессивных писателей. Правда, о которой он прочитал, поразила его; он не мог ее не понять; в нем будто пробудилось добро, и бывшие поступки, былая жизнь показались фальшивыми. Тогда ему захотелось все исправить; при более благоприятных обстоятельствах он еще мог реабилитироваться. Разочарованный — он не выдержал и возвратился на старую дорогу. После освобождения Достоевский был отправлен на службу в Семипалатинск, где вновь дослужился до офицерского чина. Женился на вдове, и прежде чем получить указанный чин, написал похвальное стихотворение царю Николаю. Прославлял в нем его величие и могучий ум. За что? За Крымскую войну!

Когда эти два человека (С. Дуров и Ф. Достоевский. — А. П.) прибыли в Омск и стали жить с нами под одной крышей, казалось, будто я увидел огоньки возрождения, которые зажглись на хмуром северном небе! Но с грустью приходится признать, что я сильно ошибся, потому что под конец срока каторги нам пришлось разорвать отношения, в первую очередь с Достоевским¹³. Он вынудил нас относиться к нему с презрением, потому как грозился, что донесет на нас, выдаст старые наши разговоры. Словом, он сказал, что если захочет, то сумеет сделать так, чтобы мы сгнили в заключении. От слова к делу (каждый это знает) только один шаг. Но это еще не все: позже мне удалось узнать и о других участниках так называемого “дела Петрашевского”. Все они, за редким исключением, были друг на друга похожи, и ни у одного не было недостатка в образовании; каждый очень любил или выпивку, или игру в карты. Не перечисляю их фамилии, а мог бы, если бы не то обстоятельство, что я сильно отвлекся от темы моего повествования, к которой наконец настало время вернуться» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 109–112].

В личной переписке с автором работы руководитель проекта И. Л. Волгин акцентировал внимание на том, что «подобные негативные оценки Ф. М. Достоевского характерны для позднейшей польской (да, пожалуй, и русской либеральной) историко-литературной традиции. Можно подозревать, что эти оценки не всегда основаны на личных впечатлениях Ю. Богуславского».

Мы можем отметить, что Ю. Богуславский писал воспоминания в 1856–1857 гг., когда находился на лечении в Карлсбаде.

«Na ciężkich robotach w Omsku Józef Bogusławski przebywał do lipca 1855 r. Potem, zgodnie z wyrokiem, skierowano go na osiedlenie w gminie abaląskiej, pod Tobolskiem. Tam znajdował się pod opieką Komitetu Pomocy. Na ziemi polskiej, do rodzinnego majątku w Grodzieńszczyźnie, powrócił na mocy manifestu koronacyjnego z 1856 r. Zastał “przy życiu oboje rodziców”. Problemy z górnymi drogami oddechowymi odnowiły się, co spowodowało, że najbliżsi wysłali go na długotrwałą kurację do Karlsbadu. Tam przygotował publikowane tu wspomnienia. Z notatki prasowej wynika, że problemy zdrowotne były przyczyną przyspieszonego zgonu Józefa Bogusławskiego. Zmarł w 1857 r. w Częstochowie, tuż po powrocie z kurortu; według innych źródeł — w 1859 r.» («На тяжелых работах в Омске Юзеф Богуславский находился до июля 1855 г. После, согласно приговору, его отправили на поселение в абалакскую гмину (волость) под Тобольском. Там он жил под опекой Комитета Помощи. На землю польскую, в родное имение на Гродненщине, он вернулся на основании коронационного манифеста в 1856 г. Застал “в живых обоих родителей”. Проблемы с верхними дыхательными путями возобновились, поэтому близкие отправили его на долгосрочное лечение в Карлсбад. Там он подготовил публикуемые в этой книге воспоминания. Из напечатанной в газете заметки известно, что из-за проблем со здоровьем Юзеф Богуславский безвременно скончался в 1857 г. в Ченстохове, сразу же после возвращения с курорта, согласно другим источникам — в 1859 г.» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 23].

Мемуары Юзефа Богуславского начинаются так:

«Od kilku tygodni bawię w Karlsbadzie. Przybyłem tu, aby zdrowie moje, długim cierpieniem nadwątlone, pokrzepić, przekonany jednak jestem, że to wszystko na próżno! Trzeba umierać! Nim to nastąpi, chcę, bracia moi, podać do wiadomości waszej wszystko to, czego co wspólnie z innymi doświadczyłem, jak również, na co własnymi patrzyłem oczami. Siadając do pisania tych notatek, nie myślałem o tym, żeby imię moje uczynić przez nie głośnym, żeby zająć jakieś stanowisko w literaturze; do pierwszego nie mam żadnej pretensji, dlatego osobie samym będę Wam prawić; do drugiego zaś nie czuję się zdolnym. Przyjmijcie proszę, po prostu opowiedziane fakty. Jeżeli można ogłoście je drukiem; niechaj ci, którzy mówią, że nam dzisiaj zbyt dobrze, przekonają się, że głośkanie niedźwiedzia gorsze jest od drapania tygrysa, niech się przekonają, że położenie nasze żadnej nie uległo zmianie» («Вот уже несколько недель я в Карлсбаде. Прибыл я сюда, чтобы поправить здоровье, подточенное долгими страданиями; однако убежден, что это напрасно! Время умирать!.. Прежде чем это случится, я хочу, братья мои, рассказать вам все случаи, свидетелями которых я был вместе с остальными, а также все то, что я видел своими глазами. Приступая к написанию этих заметок, я не думал о том, чтобы стать известным, и чтобы занять какое-то место в литературе; на первое я не претендую, поэтому буду говорить вам о себе самом, а для второго не считаю себя способным. Примите, пожалуйста, просто рассказанные факты. Если

можно, напечатайте их; пусть те, которые говорят, будто нам сегодня чересчур хорошо живется, убедятся, что ласка медведя — хуже ран, нанесенных тигром, пусть убедятся, что положение наше ни в коей мере не изменилось» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 43].

Из всего вышеизложенного следует, что Юзеф Богуславский умер вскоре после написания мемуаров. Что было дальше с его рукописью?

1857–1859 гг. — время возвращения из первой ссылки Ш. Тока(р)жевского [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 32]. Из книги «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» следует, что при невыясненных обстоятельствах Шимон Тока(р)жевский стал владельцем рукописи Юзефа Богуславского. Известно, что к тому моменту Ш. Тока(р)жевский подготовил и собственные воспоминания, наброски которых появились еще в ссылке под Омском. Он дополнил их после возвращения из второй ссылки в 1883 г. Мемуары Ш. Тока(р)жевского под названием «Семь лет каторги» были опубликованы в 1907 г., уже после его смерти. Интересная деталь: «...rękopis miał być złożony u kanonika wawelskiego Teodora Rozińskiego, a w świetle deklaracji wydawców, kilka stron ze zdeponowanego egzemplarza zaginęło» («...рукопись должна была находиться у каноника вавельского Теодора Розиньского, а по заявлению издателей, несколько страниц из отданного на хранение экземпляра исчезло») [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 32].

Как мы уже отмечали, в мемуарах Ш. Тока(р)жевского и Ю. Богуславского достаточно много эпизодов, описанных одинаково (вплоть до дословного совпадения текстовых фрагментов). В книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» выдвигается предположение, что и «Сибирский дневник», и «Семь лет каторги» к публикации подготовила Галина Тока(р)жевская, жена Шимона Тока(р)жевского. Если это действительно так, то есть вероятность, что «Сибирский дневник» редактировали дважды: в первый раз это сделал Шимон Тока(р)жевский, а во второй — его жена. Точно известно, что примечания к первому разделу мемуаров Ш. Тока(р)жевского подготовила Эмилия Госселин (1815–1864), педагог и участница движения в поддержку политических заключенных. Об этом было написано в «Новой реформе» [Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu: 33]. В книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» говорится, что предварительная редакция текста Ю. Богуславского была осуществлена Ш. Тока(р)жевским и Э. Госселин между 1857 и 1864 гг. Э. Блейк пишет, что рукопись «Сибирского дневника» в библиотеку Ягеллонского университета передал Ивановский в 1898 г. Эта рукопись «is obviously a clean copy of the original and is handwritten in black ink on lined paper in a hardcover medium brown notebook» («...является, видимо, чистой копией оригинала. Она написана от руки черными чернилами на разлинованной бумаге в тетради с коричневой твердой обложкой») [Blake: 34–35]. В предисловии к мемуарам Богуславского в книге «Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu...» также упоминается Евстахий Хелениуш Ивановский (1813–1903).

Он был публицистом и историком, который издал в 1894 г. во Львове книгу «Wspomnienia polskich czasów dawnych i późniejszych» («Воспоминания о Польше древних и позднейших времен» или «Воспоминания о польских древних и позднейших временах»). Во 2 томе этой книги были опубликованы объемные фрагменты из мемуаров Ю. Богуславского. В научном журнале «Новая библиотека» читаем, что «zamiłowanie Iwanowskiego do książek, szczególne zainteresowanie historią Polski oraz ambicja zostania pisarzem, zaowocowały powstaniem dość bogatej kolekcji druków, rękopisów i korespondencji» («любовь Ивановского к книгам, особый интерес к истории Польши, а также стремление стать писателем были причиной появления довольно богатой коллекции печатных изданий, рукописей и корреспонденции»); «Księgozbiór Iwanowskiego, gromadzony prawdopodobnie od połowy lat czterdziestych XIX w., obejmuje pięćdziesiąt pięć rękopisów historycznych, w tym dziewięć pamiętników» («коллекция книг Ивановского, собираемая, вероятно, с середины 40-х гг. XIX столетия, состоит из 55 исторических рукописей и в том числе включает 9 мемуаров») [Grucel: 40]. Мемуары из коллекции Е. Ивановского касаются двух тем: ликвидации в 1839 г. униатской церкви и ссылки в Сибирь. Среди последних — рукопись «Сибирского дневника» Ю. Богуславского. Эти мемуары являются своего рода исключением, ведь они были написаны в Карлсбаде, а большая часть работ из коллекции Е. Ивановского была написана вблизи Волыни [Grucel: 45]. Важный момент: «Iwanowski nie posiadał ekslibrisu, nie oznaczył też posiadanych rękopisów w żaden szczególny sposób. O ich przynależności do jego zbiorów świadczą notatki sporządzone ręką Heleniusza. Zawierają one opis zawartości rękopisu, wiadomości dotyczące jego autora, a także często informacje o losach rękopisu i sposobie ich pozyskania. W nielicznych przypadkach Iwanowski ograniczył się tylko do własnoręcznego nadania bądź przepisania tytułu pracy» («Ивановский не проставлял экслибрисы и не помечал книги из своей коллекции никаким другим способом. Об их принадлежности к коллекции свидетельствуют заметки, написанные рукой Хелениуша. Они описывают содержание рукописей, имеют сведения о ее авторе, а также часто содержат информацию о судьбах рукописей и способе их приобретения. В немногочисленных случаях Ивановский ограничивался тем, что добавлял или переписывал заголовок работы») [Grucel: 45]. В 1887 и 1898 гг. Е. Ивановский передал свою коллекцию Ягеллонской библиотеке. Из всего вышеизложенного можно предположить, что упоминаемые Ю. Богуславским эпизоды, касающиеся Ф. Достоевского и окончания Крымской войны, либо не принадлежат на самом деле автору «Сибирского дневника», либо являются в некотором роде домыслом Ю. Богуславского. Однако с уверенностью можно сказать, что Ф. М. Достоевский не мог в остроге узнать о переходе русских войск за Дунай (весной 1854 г.), ведь он покинул его еще зимой.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).
- 1 Здесь и далее перевод с польского языка автора статьи. За проверку переводов автор выражает благодарность Мартину Боровски (dr Marcin Borowski, Uniwersytet Wrocławski).
  - 2 РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281. Л. 25.
  - 3 Там же.
  - 4 Отметим, что в русскоязычных источниках, в том числе и в Статейных списках, его фамилия пишется как «Токаржевский», однако с точки зрения польского правописания это является ошибкой, поскольку в польском языке фамилия выглядит следующим образом: «Tokarzewski», где сочетание «rz» читается как «ж» (см. об этом: [Кушникова, Тогулев: 5]). Далее в статье мы будем использовать укрепившееся в русскоязычной академической среде написание «Тока(р)жевский».
  - 5 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. С. 279–288. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
  - 6 РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281. Л. 25.
  - 7 РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1451. Л. 29.
  - 8 В. А. Дьяков предполагает, что в Ягеллонской библиотеке находится рукопись, которую Шимон Тока(р)жевский подготовил для публикации в краковской газете «Новая реформа» [Дьяков: 203–204].
  - 9 Про «Сибирский дневник» В. С. Вайнерман пишет так: «Эти воспоминания на русском языке не были изданы и упоминаются только в польской специальной литературе» [Вайнерман: 252]. Подобное замечание встречаем и у В. А. Дьякова: «О наличии “Воспоминаний сибиряка” несколько раз упоминалось в специальной литературе, но сведения из них исследователи практически не использовали» [Дьяков: 203].
  - 10 Ср., например, этот текст в других изданиях: «В январе 1850 г. из Петербурга привезли двух русских заключённых. Сергей, сын Фёдора Дурова, и Фёдор, сын Михаила Достоевского, оба чрезвычайно слабые, нервные, *пропитанные йодом и ртутием*, как аптечные склянки, осуждены были на четыре года тяжёлых работ, а потом на воинскую службу» [Токаржевский, 2007: 188] (курсив мой. — А. П.).
  - 11 РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281. Л. 25.
  - 12 Стоит иметь в виду, что книга П. К. Мартянова — это «не прямые воспоминания, а сводка собранных от очевидцев материалов. <...> История их появления такова. Почти одновременно с Достоевским, в январе 1850 года, в Омск прибыли шестеро бывших воспитанников Морского кадетского корпуса. <...> За какое-то не очень значительное нарушение воинской дисциплины они были выписаны рядовыми в пехоту и отправлены на службу в омский гарнизон. Довольно скоро “морячки” получили унтер-офицерские чины и не раз бывали в карауле, охранявшем крепость и каторжную тюрьму, выполняя при этом командирские обязанности. Будучи в карауле, “морячки” многократно встречались с Достоевским и другими “политическими преступниками”, находившимися в остроге, разговаривали с ними и наблюдали тюремную жизнь. Их рассказами и воспользовался П. К. Мартянов. Трудно поручиться за все сведения, которые приводятся у Мартянова, но многое в них подтверждается другими источниками. Поэтому представляется, что эти сведения можно использовать, критически сопоставляя их с другими данными» [Дьяков: 198].
  - 13 В «Записках...» есть такое упоминание: «...Мы года два почти неразлучно ходили с Б—м на одни работы <...> Мы с ним болтали; говорили об наших надеждах, убеждениях. Славный был он человек; но убеждения его иногда были очень странные, исключительные. Часто у некоторого разряда людей, очень умных, устанавливаются иногда совершенно

парадоксальные понятия. Но за них столько было в жизни выстрадано, такую дороною ценою они достались, что оторваться от них уже слишком больно, почти невозможно. Б—ский с болью принимал каждое возражение и с едкостью отвечал мне. Впрочем, во многом, может быть, он был и правее меня, не знаю; но мы наконец расстались, и это было мне очень больно: мы уже много разделили вместе» (ДЗ0; 4: 216).

Список литературы

1. Базанов М. К статье «Товарищи Достоевского» // Исторический вестник. — 1898. — Т. 72. — С. 355–358.
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001.
3. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти» (Ф. М. Достоевский и Сибирь). — Омск: Наука, 2014. — 392 с.
4. Владимирцев В. П. Книга века // Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Т. 3. — С. 754–763.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Дьяков В. А. Каторжные годы Ф. М. Достоевского (по новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Историография и источники. — Новосибирск, 1987. — С. 198–218.
7. Кушникова М., Тогулев В. Предисловие к «Сибирскому лихолетью» Шимона Токаржевского // Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — С. 5–98.
8. Мартьянов П. К. Дела и люди века: отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: в 3 т. — СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1896. — Т. 3. — 304 с.
9. Николаевский К. Товарищи Ф. М. Достоевского по каторге // Исторический вестник. — 1898. — Т. 71. — С. 219–224.
10. Тихомиров Б. Н. Ф. М. Достоевский и другие // Русская литература. — 2003. — С. 254–269.
11. Токаржевский Ш. Семь лет каторги // Голоса Сибири: Литературно-художественный альманах. — 2005. — Вып. 1 (приложение). — С. 1–7.
12. Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — 980 с.
13. Якубович И. Д. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. — Т. 3. — С. 531–558.
14. Blake E. A. Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exiles. — Boston: Academic studies press, 2019. — 212 p.
15. Bobowicz-Potocka Z. Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconemu Dostojewskiemu w książce Szymona Tokarzewskiego "Siedem lat katorgi" // Przegląd Humanistyczny. — Warszawa, 1975. — Т. 19. — Nr. 8 (119). — S. 91–94.
16. Grucel A. Zbiory Eustachego Iwanowskiego — pamiętnikarza i publicysty historycznego w Bibliotece Jagiellońskiej // Nowa Biblioteka. — Katowice: Agencja Wydawnicza "TRIO", 2011. — Nr. 1 (8). — S. 35–51.
17. Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak. — Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2016. — Т. 4. — 331 s.

Anastasiya G. Podryabinkina

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

nastya.podryabinkina@gmail.com

What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov and Fedor Dostoevsky in “Siberian Diary”?

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky.

Abstract. The article examines the chapter “Sergei Durov and Fyodor Dostoevsky” from the “Siberian Diary” of the Polish revolutionary Jozef Boguslavsky, who was confined in the Omsk prison at the same time as F. M. Dostoevsky. The “Siberian Diary” was included in “Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta” (“Poles from Vilnius and Zemaitija in exile. The Memoirs of Jozef Boguslavsky and priest Mateusz Veit”). Some fragments of this book and other Polish sources were translated into Russian for the first time by the author of the article, including the recollections about Sergey Durov and Fyodor Dostoevsky. The interrelation between the “Siberian Diary” by Y. Boguslavsky, “Notes from a Dead House” by F. M. Dostoevsky, and S. Tokazhevsky’s “Seven Years of Hard Labor” and “The Convicts” is also analyzed in the paper.

Keywords: F. M. Dostoevsky, “Notes from a Dead House”, Tokazhevsky, Tokarzhevsky, Boguslavsky, Omsk prison, penal servitude, Jagiellonian library, Russian State Military Historical Archive

About the author: Podryabinkina Anastasiya G. — Student of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: December 01, 2019

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Podryabinkina A. G. What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov and Fyodor Dostoevsky in “Siberian Diary”? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 51–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421 (In Russ.)

References

1. Bazanov M. To the Article “Dostoevsky’s Comrades”. In: *Istoricheskiy vestnik [The History Herald]*, 1898, vol. 72, pp. 355–358. (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar’: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
3. Vaynerman V. S. «Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati...» (F. M. Dostoevskiy i Sibir’) [“I Entrust Myself to Your Good Memory...” (F. M. Dostoevsky and Siberia)]. Omsk, Nauka Publ., 2014. 392 p. (In Russ.)
4. Vladimirtsev V. Book of the Century. In: *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 754–763. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Dyakov V. A. The Years of Penal Servitude of F. M. Dostoevsky (According to New Sources). In: *Politicheskaya ssylka v Sibiri. XIX — nachalo XX v. Istoriografiya i istochniki [Political Exile in Siberia. The 19th — Early 20th Century. Historiography and Sources]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 196–220. (In Russ.)

7. Kushnikova M., Togulev V. Preface to “Siberian Troubled Years” of Shimon Tokarzhevsky. In: *Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. Sibirskoe likholet'e [Tokarzhevsky (Tokazhevsky) Sh. Siberian Troubled Years]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007, pp. 5–98. (In Russ.)
8. Mart'yanov P. K. *Dela i lyudi veka: otryvki iz staroy zapisnoy knizhki, stat'i i zametki: v 3 tomakh [Affairs and People of the Century: Excerpts from an Old Notebook, Articles and Notes: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Tipografiya R. R. Golike Publ., 1896, vol. 3. 304 p. (In Russ.)
9. Nikolayevskiy K. Comrades of F. M. Dostoevsky on Hard Labor. In: *Istoricheskiy vestnik [The History Herald]*, 1898, vol. 71, pp. 219–224. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. F. M. Dostoevsky and Others. In: *Russkaya literatura*, 2003, pp. 254–269. (In Russ.)
11. Tokarzhevskiy Sh. Seven Years of Hard Labor. In: *Golosa Sibiri: Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh [Voices of Siberia: Literary and Artistic Almanac]*, 2005, issue 1 (application), pp. 1–7. (In Russ.)
12. Tokarzhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. *Sibirskoe likholet'e [Siberian Troubled Years]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)
13. Yakubovich I. D. Comments: F. M. Dostoevsky. Notes from the Dead House. In: *Dostoevskiy F. M. Sobranie sochineniy: v 15 tomakh [Dostoevsky F. M. Collected Works: in 15 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 3, pp. 531–558. (In Russ.)
14. Blake E. A. *Travels from Dostoevsky's Siberia: Encounters with Polish Literary Exiles*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2019. 212 p. (In English)
15. Bobowicz-Potocka Z. Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconemu Dostojewskiemu w książce Szymona Tokarzewskiego “Siedem lat katorgi” [Who Was the Author of the Chapter Dedicated to Dostoevsky in Szymon Tokarzewski's Book “Seven Years of Hard Labor”]. In: *Przegląd Humanistyczny [Humanist Review]*. Warszawa, 1975, vol. 19, no. 8 (119), pp. 91–94. (In Polish)
16. Grucel A. Zbiory Eustachego Iwanowskiego — pamiętnikarza i publicysty historycznego w Bibliotece Jagiellońskiej [Collections of Eustache Ivanowski — Historical Journalist and Publicist at the Jagiellonian Library]. In: *Nowa Biblioteka [New Library]*. Katowice, Agencja Wydawnicza “TRIO” Publ., 2011, no. 1 (8), pp. 35–51. (In Polish)
17. *Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak [Poles from Vilnius and Żmudzi in Exile. Lines in Polish Diaries and Letters (1795–1918). Memoirs of Józef Bogusławski and Father Mateusz Wejt. Compiled By Mariusz Nowak]*. Kielce, Jan Kochanowski University Publ., 2016. vol. 4. 331 p. (In Polish)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501

УДК 821.161.1+930.25

М. А. Калинин*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

mckalinin99@gmail.com

Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам)*

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот архивные материалы — дела с формулярными и послужными списками установленных прототипов начальства в «Записках из Мертвого Дома»**. Изучение биографий плац-майора Кривцова, полевого инженера Гладышева, главного лекаря Троицкого и ординатора Ловчинского, занимавших военные и медицинские должности в период каторги писателя в Омске, дает возможность не только дополнить картину сибирского окружения Достоевского, но и проследить, какие черты начальников преломились в образах героев произведения. Ряд событий и деталей раскрывают воспоминания ссыльного поляка Юзефа Богуславского. Выявление новых фактов и дополнение уже известных позволяет уточнить «прототипичность» персонажей «Записок из Мертвого Дома» Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Записки из Мертвого Дома», образ начальника, образ врача, национальный тип, Кривцов, Гладышев, Троицкий, Ловчинский, Богуславский, Токаревский

Об авторе: Калинин Михаил Андреевич — студент факультета журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 01.12.2019

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Калинин М. А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 69–100. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501

«Записки из Мертвого Дома» отражают духовный перелом Ф. М. Достоевского, испытанный им на каторге в Омском остроге в 1850–1854 гг. Высокая степень реалистичности произведения не подлежит сомнению. Подтверждение многих фактов, событий, подробности быта арестантов

и даже реально существовавших конкретных лиц мы находим в письмах и воспоминаниях современников писателя, его сибирского окружения. О точности некоторых мемуарных свидетельств сказать с полной уверенностью нельзя. Однако автобиографичность «Записок...» также подтверждена научными исследованиями, опирающимися на архивные источники¹ [Громыко], [Дьяков], [Вайнерман]. Благодаря им было установлено большинство прототипов персонажей, созданных Достоевским и превратившихся в самобытные литературные образы.

На пенсион и мундир в отставке право имеющий

Ключевая фигура среди военного начальства в «Записках...» — плац-майор, прототипом которого стал Василий Григорьевич Кривцов. Достоевский пишет о нем в первом после выхода с каторги письме к брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г.:

«...плац-майор Кривцов — каналья каких мало, мелкий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного» (Д30; 28₁: 169).

Рассказчик Горянчиков вспоминает о знакомстве с плац-майором следующим образом:

«Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину» (Д30; 4: 214).

В этой художественной характеристике угадывается впечатление самого писателя от реальной встречи с Кривцовым по приезду в крепость. Следующие строки из письма к брату буквально пересказывают эпизод представления «двух преступников» плац-майору:

«Началось с того, что он нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело и обещался при первом проступке наказывать нас телесно» (Д30; 28₁: 169).

В то время как о благородном, рассудительном коменданте² и демократичном, обожаемом всеми арестантами подполковнике Г—кове в тексте произведения содержится несколько строк, плац-майора писатель упоминает более двадцати раз. Кривцов произвел тяжелое впечатление на Достоевского. Схожие описания начальника, саркастически прозванного «Васей», «Васькой», мы находим в мемуарных записках польских каторжников Юзефа Богуславского («Воспоминания сибиряка») и Шимона Токаржевского («Семь лет каторги»)³. Например, в «Воспоминаниях сибиряка» Богуславского, напечатанных в 1896 г. в краковской газете «Новая реформа», по красноте лица Кривцова прибывший в крепость политический преступник догадывается о его страсти к бутылке:

«В шлафроке в очках вышел к нам наполовину седой тучноватый мужчина чуть выше среднего роста. Его небольшие усы соединялись с узкими бакенбардами, шнуром пересекая выпирающие налитые щеки, красные, как и его глаза; все лицо явно говорило, что Вася уже прошел половину пути к состоянию горького пьяницы» [Дьяков: 205] (перевод В. А. Дьякова).

В «Записках...» вызывает отвращение не только внешний вид плац-майора, но его психологический портрет: «восьмиглазый», «фатальное существо» для арестантов (ДЗ0; 4: 14), «бездарный исполнитель закона» (ДЗ0; 4: 117). Даже говоря о доме плац-майора, Горянчиков не может не упомянуть о своей личной неприязни:

«Дом нашего плац-майора казался мне каким-то проклятым, отвратительным местом, и я каждый раз с ненавистью глядел на него, когда проходил мимо» (ДЗ0; 4: 178).

В письме к брату Достоевский дает собственную оценку поступкам Кривцова:

«Он уже года два был плац-майором и делал ужаснейшие несправедливости. Через 2 года он попал под суд. Меня Бог от него избавил. Он наезжал всегда пьяный (трезвым я его не видал), придирался к трезвому арестанту и драл его под предлогом, что тот пьян как стелька» (ДЗ0; 28; 169).

В рукописи воспоминаний Богуславского, текст которой не переведен на русский язык, грозный и всесильный «Васька» раскрывается с другой стороны. Когда Кривцов занял должность плац-майора и начал устраивать бесчинства, еще до прибытия на каторгу автора мемуаров⁴, один из арестантов попытался убить его, набросившись на него с кирпичом. В «Записках...» Горянчикову рассказывают об этом случае, когда он лежит в госпитале. Богуславский упоминает имя этого бесстрашного каторжника — Власов⁵. В течение 24 часов ему вынесли приговор — 3000 ударов палок. Власов выдержал только две тысячи, оставшаяся тысяча была нанесена уже по мертвому телу (в «Записках...» он умирает в госпитале через три дня после наказания). Все присутствовали на экзекуции — Васька хотел, чтобы каждый видел, к чему приводит покушение на его жизнь. Так наказание превратилось в публичную казнь. Несмотря на это, у каторжников вызревал новый план убийства Васьки, но никто не осмеливался осуществить его. Однажды плац-майор пришел в казарму и поднялся гам: одни побуждали других отомстить Кривцову. Васька вздрогнул от страха и начал клясться им в том, что исправится. Богуславский пишет:

«Pociesznie — mówią — było patrzeć, jak ów wszechwładny, groźny władca więzienia przemienił się spokojnego baranka imówił głosem drżącym i trwożliwym: “Co Wy, dzieci, chcecie? Ja będę ojcem dla Was, ja Was kaszą karmić

będe!» [Polacy z Wilna...: 99] («Говорят, забавно было наблюдать, как этот всемогущий, грозный властелин острога превратился в смиренного агнца и говорил голосом дрожащим и робким: “Чего вы, дети, хотите? Я буду отцом вам, я вас кашей кормить буду!”»)⁶.

Как пишет ссыльный поляк, плац-майор «сдержал обещание»: он кормил арестантов ячменной кашей по воскресеньям и праздникам и березовой — каждый день (300 розог было самой маленькой порцией, которую Вася давал своим «любимым детям»). Богуславский отмечает, что благосклонность Кривцова зависела от настроения или от количества выпитой водки — часто он наказывал ни за что, для своего удовольствия. Одним из распространенных проступков «детей» был сон на правом боку. Кривцов утверждал, что Христос спал на левом, и поэтому все должны следовать в этом Сыну Божьему. Автор мемуаров не скрывает своего возмущения самодурством плац-майора и отведенной ему ролью в остроге:

«I takiemu człowiekowi oddana była bezpośrednia władza nad zgangrenowaną częścią, nad wrzodem społeczeństwa ludzkiego. Łotr, pijak irozpustnik miał czuwać nad poprawą obyczajów tych, którzy nie myśleli oniczym innym, jak on, czyli ozaspokojeniu swych zwierzęcych namiętności, ośpełnieniu niecznych zamiarów» [Polacy z Wilna...: 99] («И такому человеку отдана была непосредственная власть над прогнившей частью, язвой человеческого общества. Подлец, пьяница и развратник должен был следить за исправлением нравов тех, кто не думал ни о чем другом, как и он сам, кроме как об удовлетворении своих животных пристрастий и об исполнении постыдных замыслов»).

С негодованием Богуславский комментирует показное следование Кривцова порядкам в остроге, когда плац-майор приказал продать их с Жоховским⁷ вещи, конфискованные по прибытии на каторгу, а вырученные деньги использовать для улучшения питания осужденных:

«Jak? Kto to kupił? To tajemnica, o tym nikt nie wiedział. Wiem tylko, że nieco później, będąc w mieszkaniu Waśki podczas robót malarskich, poznałem nasze safianowe poduszki na łóżku Waśki, zaś jelonkowe ubranie Aleksandra Mireckiego zabezpieczało go od zimna!» [Polacy z Wilna...: 96, 97–98] («Как? Кто это купил? Для всех это было тайной. Знаю только, что немного позже, находясь в жилище Васи во время малярных работ, я узнал наши сафьяновые подушки на кровати Васьки, а одежда Александра Мирецкого из оленьей шкуры защищала его от холода!»).

Произвол Кривцова в остроге не знал границ. Только один человек мог влиять на поведение плац-майора — комендант Омской крепости Алексей Федорович де Граве, но на все выходки подчиненного старший по должности будто бы закрывал глаза. Весьма правдоподобная причина этого

раскрывается в воспоминаниях Богуславского. И Богуславский, и Токарежский рассказывают удивительную историю о военном губернаторе Западной Сибири — князе Петре Дмитриевиче Горчакове, который «открыто сожительствовал с женой генерала Шрамма — он был директором кадетского корпуса Сибири» [Токарежский: 174]. Дальше автор книги «Семь лет каторги» пишет, как отношения между женой коменданта и генеральшей Шрамм (Шрамовой — у Богуславского) повлияли на службу де Граве:

«И мужа этой замечательной женщины, Алексея де Граве, человека учтвого и благородного, князь Г. преследовал за то, что Анна Андреевна избегала того, к чему стремились другие, она не хотела знаться с генеральшей Шрамм и бывать на балах у генерал-губернатора» [Токарежский: 175–176].

Однако только Богуславский объясняет, как нерасположение князя Горчакова связало руки коменданту Омской крепости в отношении плац-майора:

«[General-gubernator] dokuczał za to jej mężowi. [Dlatego] nie zwracał najmniejszej uwagi na to, co robił Wasia [Krywcow]. Ten przecież nie słuchał komendanta, chociaż “czynopoczytanie” było ściśle przestrzegane w Rosji. [Polacy z Wilna...: 106] («Генерал-губернатор за это досаждал ее мужу. Поэтому не обращал ни малейшего внимания на то, что делал Вася Кривцов. Тот все-таки не слушал коменданта, хотя “чинопочитание” строго соблюдается в России»).

Вероятно, крайняя порочность начальника, в беспредельной власти которого находилось более 150 человек⁸, и объясняет, почему этому персонажу писатель отводит такое значительное место в «Записках...», почему в мемуарных записях ссыльных поляков Богуславского и Токарежского так много историй о Ваське. Стремление Достоевского «найти человека в человеке» обращено в произведении не только к заключенным преступникам, но и к начальству — омскому плац-майору Кривцову. В. П. Владимирцев пишет о литературном новаторстве писателя: «Книгой о Мертвом Доме он мужественно бросил вызов литературе полуправды о человеке. По его творческой воле Горянчиков-повествователь, соблюдая чувство меры и такта, заглядывает во все уголки человеческой души, не избегая самых дальних и мрачных» [Владимирцев, 1997: 757].

Однако нельзя не согласиться с мнением исследователя сибирского периода Достоевского В. С. Вайнермана о присутствии гротескных черт в образе плац-майора, рисующих его комически уродливым, подобно «злым» персонажам русских народных сказок: «В книге плац-майор — воплощение зла, но воплощение несколько шаржированное» [Вайнерман: 150].

Для Достоевского Кривцов был озлобленным и своевольным начальником. О прошлом плац-майора в «Записках...» сказано, что он был городничим

в городе, где стоит острог, а о дальнейшей судьбе приводятся следующие сведения:

«Не понимаю, как мог он кончить благополучно; он вышел в отставку жив и здоров, хотя, впрочем, и был отдан под суд» (ДЗ0; 4: 14);

«Мечта его не осуществилась: он не женился...» (ДЗ0; 4: 218);

«Он вышел в отставку, пару серых продал, потом всё имение и впал даже в бедность» (ДЗ0; 4: 218).

В. С. Вайнерман уточнил некоторые факты из его биографии.

Мы узнаем, что Василий Григорьевич происходил из дворян Томской губернии. С 21 марта по 27 сентября 1846 г. наш прототип исполнял должность не городничего, а полицмейстера Омска, а со 2 октября 1846 г. по 2 ноября 1851 г. находился в должности плац-майора. После ревизии из Петербурга (о которой упоминается в тексте произведения) в августе 1851 г. Кривцов действительно был отдан под суд и ему было предложено уйти в отставку — тогда он просит уволить себя от службы «по домашним обстоятельствам». Однако плац-майор находился под следствием и не имел права «на награду при отставке следующим чином, мундиром и пенсионом, впредь до окончания оного» [Вайнерман: 151], но при этом в отставку вышел подполковником, как пишет Вайнерман, не без чьей-то благосклонной руки. Документы Исторического архива Омской области, к которым обратился исследователь, подтвердили, что Кривцов «скончался скоропостижно» 5 марта 1861 г. [Вайнерман: 156]. Об этом Достоевскому сообщали в письмах из Омска.

В Российском государственном военно-историческом архиве мы обнаружили документ, который открывает новые подробности, — дело «О назначении пенсии вдове подполковника Валентине Кривцовой»⁹ (см. *Илл. 1 в Приложении*). Само название дела говорит о том, что мечта плац-майора о женитьбе все-таки сбылась: 27 октября 1857 г. при Богородской церкви Омского военного госпиталя подполковник в отставке обвенчался с дочерью коллежского секретаря — дворянкой Валентиной Филипповной Пospelовой. И спустя 40 лет с небольшим, 30 июля 1898 г., вдова Кривцова — уже петербурженка, живущая на Слоновой улице (д. 65, кв. 93), — подает прошение военному министру об увеличении размера пенсии (см. *Илл. 2 в Приложении*):

«Имея болезненное состояние и старческий преклонный возраст и получая пенсию в размере 115 р. в год, я крайне нуждаюсь в средствах для самого необходимого существования»¹⁰.

Через два года, 1 марта 1900 г., она умирает, по сведениям адресного стола¹¹.

Особая ценность этого прошения состоит в том, что к нему прикладывается копия указа об отставке мужа, выданная 29 марта 1856 г., с подробным формулярным списком. Согласно этому списку, на момент выдачи указа

Василий Григорьевич был в возрасте 50 лет (по данным Вайнермана, в 1851 г. майору было 47 лет). В нем впервые обнаруживаются детали, вероятно, того самого следствия над Кривцовым, из-за которого он ушел в отставку (см. *Илл. 3 в Приложении*):

«...за время исправления должности Омского полицмейстера состоял под следствием о притеснениях, учиняемых Г. Кривцовым омскому купцу (что ныне мещанин) Бурнакину при вывозе им товаров из киргизской степи»¹².

Токаржевский также вспоминает:

«За что? Нам не очень и хотелось вникать в это дело <...> обнаружили какие-то давние грешки, какие-то взятки, мошенничества...» [Токаржевский: 44].

Однако Тобольский губернский суд в апреле-мае 1855 г. освобождает Кривцова от следствия и избавляет от строгого замечания, которое должны были внести в его формулярный и служебный список. Почему? В найденном нами документе ответ на этот вопрос мы не находим.

Примечательно, что ни у Кривцова, ни у его родителей не было имения. Скорее всего, проданное из бедности имение плац-майора в «Записках...» — элемент художественного вымысла. Но большее внимание в том же архивном деле привлекает свидетельство о состоянии здоровья Кривцова, приложенное к прошению вдовы (см. *Илл. 4 в Приложении*):

«Г. Кривцов страдает периодическим удушьем и кровохарканием, ревматической болью верхних и нижних конечностей, слабостью зрения на левый глаз и тупостью¹³ слуха на левое ухо; сверх сего имеет значительное затвердение печени, сопряженное с геморроидальными припадками»¹⁴.

Здесь раскрывается причина, по которой омский плац-майор избежал взысканий, находясь под следствием в отставке, согласно формулярному списку. В 1840 г. Кривцов участвовал в экспедиции против горцев¹⁵ на восточном берегу Черного моря, во время которой попал в перестрелку «близ форта Головинского», получив «контузию ружейною пулею в левую сторону головы» и ушиб о баркас, и переболел простудой. Расстроенное на службе здоровье, как сказано в формулярном списке, «на основании Свода Военных постановлений Книги II раздела II главы III статьи 579-й», дало ему «право просить о награждении его пенсионом»¹⁶ (см. *Илл. 4 в Приложении*). Возможно, по этой же причине он мог претендовать на награду следующим чином и на ношение мундира. Так или иначе, Император повелел майора «считать уволенным от службы подполковником, дозволить ему носить в отставке мундир и производить ему в пенсион две трети полученного им на службе жалованья, по двести пятнадцать руб. сер. в год»¹⁷ (см. *Илл. 5 в Приложении*). Кроме того, 7 июня 1841 г. Кривцов был награжден орденом

Св. Анны 3 степени с бантом «за примерную храбрость, неустрашимость и мужество в делах против горцев в 1840 году»; в 1844 г. он получил орден Св. Владимира 4 степени «за отлично усердную и ревностную службу» и знак отличия беспорочной службы за 15 лет; а в 1845 г. был пожалован орденом Св. Станислава 2 степени «за отлично усердную и ревностную службу и за неимением в ротах в течение двух лет ни одного бежавшего»¹⁸.

Эти факты из биографии Кривцова позволяют нам более пристально взглянуть на персонажа «Записок...». Нельзя оправдать произвол и бесчинства Василия Григорьевича, которые он учинял в должностях омского полицмейстера и плац-майора и от которых «Бог избавил» писателя. Но любопытно принять во внимание и другие, порой тяжелые эпизоды его жизни. Как и Достоевскому, нам важно добраться до сути: неужели неограниченная власть над арестантами убила в нем человека? Заметим, что «Записки...» дают не только отрицательные характеристики плац-майору. Даже в таком «злом и беспорядочном человеке» Горянчиков пытается усмотреть светлые начала. По словам арестанта из русских дворян Акима Акимыча:

«Он действительно имел некоторые способности; но всё, даже и хорошее, представлялось в нем в таком исковерканном виде» (*ДЗ0*; 4: 28).

Особенно может удивить и тронуть читателя любовь плац-майора к пудлю Трезорке:

«...чуть с ума не сошел с горя, когда Трезорка заболел. Говорят, что он рыдал над ним, как над родным сыном» (*ДЗ0*; 4: 28).

В свою очередь, и рассказчик, испытывающий антипатию к начальнику, приводит сцену раскаяния плац-майора в несправедливом наказании Ж—кого. Как сказано в «Записках...», плац-майор, довольный росписями в своем доме, сделанными заключенными поляками под руководством Б—ма, начал им покровительствовать. В мемуарах Богуславский пишет, что весь острог загорелся ненавистью к ним, когда Кривцов разрешил им поместиться в одной казарме [*Polacy z Wilna...*: 117]. В канун Рождества он даже освободил поляков от работы, дал им денег на полфунта рыбы (цена за фунт рыбы в Сибири доходила до 40 грошей), заказал мясо, масло, кашу и позволил отмечать предстоящий праздник по-своему [*Polacy z Wilna...*: 118]. А в один день Кривцов полностью взял их под свою защиту, за исключением Александра Мирецкого, которого преследовал до последнего дня своей службы в остроге. Он приказал унтер-офицеру объявить всем, что любой, кто придет и пожалуется на поляков, получит от него 500 ударов [*Polacy z Wilna...*: 122].

Определенно, плац-майор был не лишен чувства благодарности, как и способности мечтать: «При такой квартире нельзя не жениться» (*ДЗ0*; 4: 217), — серьезным тоном говорил начальник в «Записках...». Что касается чувства

вины, Достоевский словами Горянчикова оценивает раскаяние начальника в поступке с Ж—ким так:

«Стало быть, было же и в этом пьяном, вздорном и беспорядочном человеке человеческое чувство. Взяв в соображение его понятия и развитие, такой поступок можно было считать почти великодушным. Впрочем, пьяный вид, может быть, тому много способствовал» (ДЗ0; 4: 218).

Отец по любви, а не по расчету

Другой значимый образ военного начальства — командир «по инженерной части» Г—ков. Он олицетворяет собой лагерь «благодетельного начальства». Со своей «доверенностью к арестанту, отсутствием мелкой щепетильности и раздражительности, совершенным отсутствием иных оскорбительных форм в начальнических отношениях» (ДЗ0; 4: 215) «орел и заступник» Г—ков по праву может считаться антиподом плац-майору. Недаром автор сталкивает двух персонажей в драке. Прототипом Г—кова стал полевой инженер, подполковник Иван Гладышев [Вайнерман: 159].

Если ненавистный плац-майор появляется на протяжении всего повествования, то орел-командир Г—ков упомянут лишь раз.

«Подполковник Г—ков упал к нам как с неба, пробыл у нас очень недолго, — если не ошибаюсь, не более полугода, даже и того меньше, — и уехал в Россию...» (ДЗ0; 4: 214).

Несмотря на мимолетность его пребывания на страницах книги, на читателя, как и на арестантов, он производит «необыкновенное впечатление» (ДЗ0; 4: 214). Ласковое обращение с арестантами, общение с ними на равных делает его «своим человеком» — они сами принимают его за отца, в отличие от Кривцова, объявившего: «Я буду отцом вам» [Polacy z Wilna...: 99], чтобы не допустить бунта каторжан. Горянчиков называет поведение командира «инстинктивным демократизмом» (ДЗ0; 4: 215). При этом подполковник Г—ков не теряет авторитета и уважения к себе как к начальнику. В глазах арестантов такие характеристики персонажа, как «ужаснейший кутила», «дерзкий, самоуверенный взгляд» (ДЗ0; 4: 215), не имеют отрицательных коннотаций. Именно при подполковнике Г—кове тяжелый физический труд для дворян Горянчикова и Б—кого на три месяца заменяется работой в качестве писарей в инженерной канцелярии. Можно предположить, что командир инженерной команды Иван Гладышев оказывал некоторую поддержку писателю. Полевой инженер стал не просто прототипом персонажа «Записок...». По замечанию Вайнермана, Достоевский возвел его в национальный тип «благодетельного начальника», отразил на примере этого образа «анатомию всех русских отношений к начальству», которая заключается, как отметит писатель в черновых набросках к переработке повести

«Двойник» в 1860–1862 гг., в «юридическом и патриархальном отношении к начальству» [Вайнерман: 161].

Вайнерман был первым, кто упомянул Ивана Гладышева как прототипа подполковника Г—кова. Исследованные им архивные материалы свидетельствуют о том, что командир инженерной команды проходил службу в Омской крепости с середины марта по октябрь 1851 г., во время которой у него возникали разногласия с начальником инженеров Отдельного Сибирского корпуса генералом И. С. Бориславским. Последний считал, что «неспокойный характер» подполковника приведет местное начальство только к «следствиям и разбирательствам». Как Бориславский, так и Гладышев писали рапорты в Петербург с жалобами друг на друга. Вайнерман считает, что генерал знал о рискованном покровительстве подполковника Достоевскому, и объяснил природу этого конфликта так: «Понятно, что появление Гладышева возмутило спокойствие генерала и он приложил все силы, чтобы избавиться от чрезмерно инициативного подчинённого» [Вайнерман: 160].

В итоге 27 октября 1851 г. командир был переведен в Грузинский инженерный округ со следующей характеристикой: «...инженер-подполковник Гладышев оказал себя по должности неисполнительным и по характеру беспокойным» [Вайнерман: 160].

В материалах РГВИА мы обнаружили «дело штаба инспектора по инженерной части о собрании сведений о занятиях штаб и обер офицеров за 1851 год»¹⁹ (см. *Илл. 6 в Приложении*). Среди этих лиц — инженеры Отдельного Сибирского корпуса, в том числе подполковник Иван Гладышев. В документе представлена хронология его службы при разных командах. Гладышев начинает свою карьеру офицера в отдаленном крае — при Бендерской инженерной команде — в 1825 г. За годы службы инженер побывал в самых разных точках Российской империи — от Бендерской, Измаильской, Тифлисской, Бакинской, Шушинской инженерных команд на юге до Санкт-Петербургской, Архангельско-Новодвинской и Свеаборгской на севере. 12 января 1851 г. его назначают командиром Омской инженерной команды, 13 марта он прибывает на место службы. Однако дольше всего он прослужил на Кавказе, куда, впрочем, снова его и отправили после Омска. Связано ли это с тем, что Гладышев действительно обладал беспокойным характером, шел на конфликты с начальством, поэтому пребывал на службе в основном в южных краях империи, куда, как известно, зачастую направляли неугодных, — судить сложно. Но следует иметь в виду, что в затяжной период Кавказской войны²⁰ государству для возведения фортов были остро необходимы инженеры. Этим, помимо прочего, может объясняться, почему прототип нашего персонажа так часто переезжал из одной команды в другую: театр боевых действий на Кавказе не оставался неподвижным. В тексте «Записок...» говорится о том, что плац-майор был сослуживцем подполковника Г—кова. В изученных нами архивных материалах нет четких

указаний на возможность подобных географических пересечений Кривцова и Гладышева, но предполагаем, что прототипы двух персонажей могли быть знакомы друг с другом по службе именно на Кавказе.

Отметим, что Гладышев состоял в Санкт-Петербургской инженерной команде «с употреблением при чертежной Инженерного департамента» в 1845 и 1848 гг. Именно там служил Ф. М. Достоевский в 1843–1844 гг. Разница во времени составляет менее полугода: будущий писатель ушел в отставку 19 октября 1844 г., а Гладышев прибыл на службу в чертежную Инженерного департамента 29 марта 1845 г.

В архивном деле мы обнаружили следующую характеристику инженера:

«По аттестации начальника чертежной Инженерного департамента исполнял с усердием»²¹.

По итогам службы в Свеаборге в 1849 г. Гладышев тоже был удостоен похвального отзыва:

«Работы проводил правильно, точно и чисто, прочие поручения исполнял с усердием»²².

В Омске его обязанности состояли в «наблюдении за производством капитальных и ремонтных работ», но успехи командира инженерной команды были оценены всего одним словом: «Удовлетворительно» (см. *Илл. 7 в Приложении*)²³.

На наш взгляд, образ подполковника Г—кова знаковый еще и потому, что противопоставление командира «по инженерной части» и плац-майора намечает ключевую для творчества Достоевского тему падения и духовного возрождения человека. Г—ков нужен для спасения не только таких, как арестанты, но и как плац-майор. В «Записках...» Достоевский пишет об этом так:

«Боже мой! да *человеческое* обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнул образ Божий. <...> Я встречал таких добрых, благородных командиров. Я видел действие, которое производили они на этих униженных. Несколько ласковых слов — и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они, как дети, радовались и, как дети, начинали любить» (*ДЗ0*; 4: 91).

Выпускник медицинского факультета

В отличие от военного, персонажи медицинского начальства в «Записках...» выступают единым фронтом — в образе благодетелей арестантов. Прототип старшего доктора — главный лекарь Омского военного госпиталя Иван Иванович Троицкий — приложил немало усилий, чтобы облегчить участь петрашевцев на каторге.

Из письма священнослужителя Омского кадетского корпуса А. И. Сулоцкого к декабристу М. А. Фонвизину известно, что уже с первых дней в Омской

крепости, по поступлении в госпиталь, врач предостерегал Достоевского «на счет связей с прочими заключенными», а особенно — с дворянами, «из которых некоторые, несмотря на происхождение, усвоили уже хитрость, низость и пр. качества» [Громыко: 27]. Также известно, что Троицкий во время пребывания писателя в лазарете «предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино» [Декабристы-литераторы: 624]. Однако Достоевский отказывался от таких предложений и просил только о том, чтобы его чаще принимали в качестве больного в госпиталь и помещали в сухой комнате, что было исполнено. В этой связи показателен отзыв Н. Т. Черевина, служившего старшим адъютантом в Омском корпусном штабе во время заключения писателя в остроге. Во втором выпуске журнала «Русская старина» за 1889 г.²⁴ он опроверг воспоминания А. К. Рожновского о том, что Достоевский подвергался на каторге наказанию розгами со стороны плац-майора Кривцова, и говорил о сочувственном отношении к писателю жены Троицкого (Марии Николаевны²⁵):

«...госпитальные дамы по своей гуманности, в особенности жена старшего доктора г-жа Троицкая, посылали Достоевскому чай и часть из своего обеда»²⁶.

Кроме того, благодаря Сулоцкому раскрывается еще одна подробность, касающаяся покровительства главного лекаря петрашевцам:

«Мы чрез Троицкого, наконец, добились позволения пересылать им по кр<айней> ме<ре> книги св. Писания и духовные журналы» [Декабристы-литераторы: 624].

Но главная услуга, оказанная писателю, состоит в том, что доктор создавал некоторые условия для литературной работы Достоевского в стенах Омского военного госпиталя. Об этом свидетельствуют записки писателя П. К. Мартынова, опубликованные в 1895 г. в «Историческом вестнике» под названием «В переломе века». Писатель записывал пословицы, поговорки, истории, услышанные от арестантов, в своей записной книжке. Так появилась «Сибирская тетрадь» — попытка Достоевского через устное народное слово отразить ту этнографическую, социальную и психологическую действительность, в которую он попал. Владимирцев пишет о значении этого литературного памятника для дальнейшего творчества писателя: «Россия в записях СТ безмерно многолика, “на целые тома достанет”, то есть такая, какая она вошла в каждый “том” из последующих сочинений писателя, будь то “Записки из Мертвого Дома”, “Дневник писателя” или “Братья Карамазовы”» [Владимирцев, 2017: 982].

В «Записках...» Троицкий послужил прототипом для «человеколюбиво-го» и «честного» старшего доктора, который при свидетельстве поступивших арестантов в госпиталь «особенно останавливался над трудными больными, всегда умел сказать им доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово

и вообще производил хорошее впечатление» (ДЗ0; 4: 143). Но врач мог «при случае выказать суровую строгость» тем здоровым, кто пришел в лазарет «отдохнуть» и не спешил на выписку: за это его уважали. Эта характеристика созвучна с той, что дана Троицкому в записках Мартьянова. В них рассказано о шести разжалованных гардемаринах, сосланных солдатами в Омскую крепость в то время, когда там находился Достоевский. Достоверность пребывания героев записок в остроге подтверждает письмо Сулоцкого С. Я. Знаменскому в Ялуторовск от 28 января 1850 г., в котором он поименно называет воспитанников Морского кадетского корпуса [Громыко: 35–36]. По сведениям Мартьянова, после окончания срока пребывания петрашевцев на каторге Троицкий получает высокую военную медицинскую должность корпусного штаб-доктора. В книге он характеризуется как «топором срубленный и лыком сшитый человек», «благодаря своим заботам, попечительному и гуманному отношению ко всем больным без исключения, начиная с высшего начальства и кончая последним арестантом-преступником»²⁷. Также в записках писатель дает краткую биографическую справку о враче:

«Он начал службу ординатором в одном из госпиталей новгородского военного поселения (кажется, в Старой Руссе) и во время бунта поселян, в 1831 году, избежал смерти по любви к нему подчиненных солдат»²⁸.

В архивных документах, приводимых М. М. Громыко, информация о Троицком, данная в записках Мартьянова, подтверждается: главный лекарь действительно был повышен до корпусного штаб-доктора после окончания срока каторги Достоевского [Громыко: 27]. Вайнерман дополнил эти сведения тем, что в Омске Троицкий оказался по назначению в батальон военных кантонистов и перед приездом петрашевцев в острог, находясь в чине коллежского советника (VI класс²⁹), стал главным лекарем Омского военного госпиталя; а затем, в первой половине 1854 г., был произведен в статские советники (V класс) и назначен корпусным штаб-доктором [Вайнерман: 122].

Однако есть доводы, ставящие под сомнение достоверность сведений Мартьянова. В фонде Главного военно-медицинского управления РГВИА нами обнаружено дело с формулярным списком о службе штаб-доктора Отдельного Сибирского корпуса, статского советника Троицкого от 19 марта 1858 г.³⁰ (см. *Илл. 8 в Приложении*). Несмотря на сухость изложения, свойственную такого рода документам, нам открывается масса новых подробностей из жизни прототипа старшего доктора из «Записок...», прежде всего, о его блестящей карьере.

На март 1858 г. Троицкому было 53 года. Иван Иванович родился в семье дьякона, обучался в тульской семинарии. 19 ноября 1825 г. он уволился из духовного звания и «по экзамену» был зачислен в главное высшее учебное заведение Российской империи — Императорский Московский университет — «в число казенных воспитанников Медицинского Института»³¹. На

медицинском факультете преподавал двоюродный дед Ф. М. Достоевского по материнской линии — доктор медицины и ординарный профессор Василий Михайлович Котельницкий³². Во времена студенчества Троицкого (1825–1829) в 1826 г. он был инспектором своекоштных студентов (сами содержали себя в период обучения), а в 1827–1828 гг. — казенных. Кроме того, в 1826–1827 гг. Котельницкий занимал должность декана³³. Немудрено, что И. И. Троицкий хорошо знал двоюродного деда автора Сибирской трагедии. В воспоминаниях А. М. Достоевского, младшего брата писателя, мы находим такой отзыв бывшего слушателя профессора Котельницкого:

«При этом Успенский сообщил мне, что Василий Михайлович Котельницкий был очень любим и уважаем всеми студентами вообще, потому что он был всегдашним защитником и ходатаем за всех студентов в совете университета»³⁴.

Следует отметить, отбор в медицинские учебные заведения со второй половины XVIII в. происходил, «главным образом, из числа семинаристов: те имели достаточную общеобразовательную подготовку, в том числе по латинскому языку» [Смирнова: 8]. Не сильно изменилась ситуация и в следующем столетии: «Открытые в начале XIX в. новые медицинские факультеты заполнялись, в основном, представителями средних слоев общества. По-прежнему преобладали выходцы из среды духовенства» [Смирнова: 8].

Троицкий успешно сдал экзамен на степень лекаря. 28 марта 1829 г. он был отправлен «для практики» в Московский военный госпиталь (кстати говоря, там в 1818–1820 гг. должность ординатора исполнял М. А. Достоевский — отец писателя [Волоцкой: 48]) и 21 апреля был утвержден лекарем I отделения (с «превосходными знаниями» [Гатина, Вишленкова: 175]). 17 мая его назначили на службу в военное ведомство и определили в резервный батальон Нижегородского пехотного полка, а 10 июля — перевели в Киевский гренадерский полк. Затем, 29 сентября, Троицкий был на время командирован в госпиталь Его Величества Императора Австрийского полка³⁵. Следующие записи в его формулярном списке датируются уже 1832 г.: 11 августа он произведен штаб-лекарем (штаб-лекарское звание давало право занимать ответственные административные должности — см.: [Смирнова: 9]) и 13 декабря определен в командировку в 7-ой округ пахотных солдат³⁶, куда прибыл 1 января 1833 г. Эти данные немного расходятся с записками Мартянова. В них сообщается, что Троицкий начал карьеру в одном из госпиталей новгородского военного поселения³⁷. Его пребывание там действительно возможно, так как военные поселения, преобразованные в округа пахотных солдат, находились в Новгородской губернии; Мартянов допускает неточность во времени. Но непосредственно к Старой Руссе Троицкий имел отношение: 14 июля 1844 г. он стал главным лекарем в Старорусском военном госпитале. Вероятно, рассказ

о том, как ординатор был спасен во время бунта 1831 г., переодевшись в солдатское платье, — авторский вымысел.

О высоком авторитете Троицкого в области медицины и естественных наук свидетельствуют следующие записи. 19 сентября 1844 г. Иван Иванович был назначен членом комитета для устройства в Старой Руссе ванн при соляных источниках — тех самых, где через 30 лет будут поправлять свое здоровье жена Достоевского Анна Григорьевна с детьми — Любой и Фейдей³⁸. С 1 августа 1847 г. по 1 августа 1854 г. преподавал естественную историю при Сибирском кадетском корпусе. 17 июля 1848 г. командирован в г. Тобольск для исследования вспышки холеры. А в конце 1848 г. находился «особым врачом при приеме рекрут» (в случае затруднения принятия решения врачом — членом присутствия — призывался для совместного медицинского осмотра рекрута — см.: [Иванов, Иванова: 81]) в Омском Отдельном рекрутском присутствии. Кроме того, Троицкий являлся кавалером орденов Св. Анны 3 и 2 степеней и имел знак отличия беспорочной службы за 25 лет. О незаурядности врача может сказать приписка в конце формулярного списка Ивана Ивановича:

«К награждению знаком отличия беспорочной службы высшего достоинства, хотя не выслужил срока, но достоин»³⁹.

Учитывая условия пожалования в «медицинские чины» в XIX в. («Производство в чины зависело, прежде всего, от выслуги и в меньшей степени — от заслуг» [Смирнова: 11]), можно говорить о том, что в случае с Троицким определяющую роль сыграли именно заслуги.

Из однодворцев Брацлавского уезда

Кроме старшего доктора Троицкого, из медицинского начальства в «Записках...» также присутствует ординатор:

«В то время у нас был ординатором один молоденький лекарь, знающий дело, ласковый, приветливый, которого очень любили арестанты и находили в нем только один недостаток: “слишком уж смирен”» (ДЗ0; 4: 141).

Установить возможный прототип этого персонажа мы можем по свидетельству друга Достоевского А. Е. Ризенкампа, который был в Омске и писал, что ординатором арестантских палат в госпитале являлся Иван Яковлевич Ловчинский, «добрый и сострадательный человек»⁴⁰. Однако Сулоцкий характеризует Ловчинского вместе с врачом Крыжановским как бывших подчиненных главного лекаря, с которыми тот находился в постоянной борьбе. По сведениям Вайнермана, Крыжановский на самом деле писал доносы на Троицкого в Петербург по поводу его покровительства петрашевцам. Но нет подобных свидетельств о Ловчинском [Вайнерман: 123].

В послужных списках медицинских чинов военно-учебных заведений за 1865 г. значится старший лекарь Омского училища военного ведомства, надворный советник Яков Яковлевич Ловчинский⁴¹ (см. Илл. 9 в *Приложении*). Как сообщает Вайнерман, в исследованных им документах Исторического архива Омской области прототип ординатора тоже упоминается под именем Якова [Вайнерман: 123], а не Ивана. На 1 января 1866 г. Ловчинский был 53 лет от роду. Значит, во время исполнения должности ординатора в Омском военном госпитале в 1852 г. ему было 39 лет. Ловчинский был женат — на дочери надворного советника Иринарха Оверова Марии. Он был исключен из однодворческого звания Подольской губернии Брацлавского уезда⁴². Возникает еще одно удивительное совпадение. Ведь именно в Брацлавском повете⁴³ располагалось родовое гнездо ближайших предков Достоевского — село Войтовцы. Там в 1781 г. был посвящен в сан униатского священника сын мелкопоместного шляхтича Андрей Григорьевич Достоевский, дед писателя. Там же родился и его отец Михаил [Волгин: 48–49, 54]. В отличие от своего отца (деда Ф. М. Достоевского), он не принадлежал к униатской церкви. Михаил Андреевич обучался в православной Подольско-Шаргородской семинарии. Заметим также, что прототип ординатора Ловчинский исповедовал католицизм. Это было нормальным явлением для мест, вошедших в состав Российской империи по второму разделу Польши в 1793 г. Осенью 1809 г. Михаил Достоевский покинул родные места для обучения в Москве — за 4 года до рождения Ловчинского.

Как выясняется из архивного дела, жизненные пути ординатора Омского военного госпиталя и отца автора «Записок из Мертвого Дома» схожи не только этим. Следующее пересечение — Императорская Московская медико-хирургическая академия — единственное в городе специализированное медицинское высшее учебное заведение. Его студентом некогда и был Михаил Андреевич Достоевский. Тридцатью годами позже Ловчинский обучался там своекоштным воспитанником. В январе 1839 г. по результатам экзамена он был признан аптекарским гезелем (должность помощника аптекаря) I отделения. Затем, в 1846 г., Яков Яковлевич успешно сдал экзамен на лекаря уже в Императорском Московском университете и по собственному прошению был определен на службу в Омский батальон младшим лекарем. В Омский военный госпиталь Ловчинского перевели 24 мая 1849 г., но время от времени он находился в различных местных командировках⁴⁴, пока по какой-то причине не сдал должность ординатора 31 июля 1852 г. и снова не вступил в нее 17 ноября. Судя по записям в его послужном списке, наиболее продолжительное время в Омске Яков Яковлевич пребывал на протяжении 1852–1853 гг., когда, вероятней всего, и мог застать Достоевского в арестантских палатах. Что касается успехов в карьере, то в течение одного 1863 г. Ловчинский «за отлично усердную и ревностную службу» был награжден орденом Св. Станислава 3 степени и переведен уже старшим лекарем в Омское училище военного ведомства.

В следующем году он дослужился до надворного советника (VII класс). Также Ловчинский имел светло-бронзовую медаль на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. Не меньший интерес в биографии Якова Яковлевича вызывает участие в боевых сражениях. Ловчинский не мог иметь прямого отношения к Крымской войне. Медаль на Владимирской ленте предназначалась «военным и гражданским чинам всех ведомств, не получившим медали на Георгиевской и Андреевских лентах» (их получали те, кто участвовал в военных действиях или находился на территории, объявленной на осадном или военном положении) [Петерс: 174]. Ловчинский, служивший в Сибири, как раз попадал под эту категорию. Обладателем такой же медали был и Достоевский, как выясняется из временного билета № 2030, выданного ему 30 июня 1859 г. для въезда в Тверь [Достоевский Ф. М., 1928: 543]. Писатель мог получить ее при производстве в первый офицерский чин (1 октября 1856 г.) или же после возвращения дворянства в 1857 г., поэтому персонального документа об этом, вероятно, не существовало вообще⁴⁵. Очевидно, награждения этой медалью шли не в индивидуальном порядке, а «списком». За 1853–1856 гг. в послужном списке Якова Яковлевича дается мало сведений, которые могут сказать нам о месте его пребывания. Зато в документе мы находим подтверждение участия Ловчинского в занятии Заилийского края в 1851 г. в наступательном движении русских из Сибири в Среднюю Азию:

«Находясь в составе экспедиционного отряда командирован <...> для разрушения построенного кохандскими кипчаками Таугадского укрепления под начальством Сибирского казачьего войска подполковника Карбышева»⁴⁶.

В образах прототипов Троицкого и Ловчинского, как и в случае с Гладышевым, типизированы национальные черты:

«Известно всем арестантам во всей России, что самые сострадательные для них люди — доктора. Они никогда не делают между арестантами различия, как невольно делают почти все посторонние, кроме разве одного простого народа» (Д30; 4: 46).

Достоевский сближает народ и докторов в способности к состраданию, что не случайно: большинство врачей в XIX в. не были выходцами из дворянского сословия, а в основном происходили из духовенства, наиболее приближенного к простому народу и к традиционным христианским ценностям. Недаром Горянчиков замечает, что, несмотря на недоверие к административной медицине и склонность к суеверию, «много лекарей на Руси пользуются любовью и уважением простого народа» (Д30; 4: 142). Для Достоевского, как и для остальных арестантов, доктора, гуманные уже в силу своей профессии, видятся прежде всего защитниками, «прибежищем», не только от работ и наказания, но и от нечеловеческого обращения военных

начальников: в госпитале находили утешение и отдохновение больной души. Об этом писатель размышляет в «Записках...»:

«Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали их за отцов, уважали их. Всякий видел от них себе ласку, слышал доброе слово; а арестант, отверженный всеми, ценил это, потому что видел неподдельность и искренность этого доброго слова и этой ласки. Она могла и не быть; с лекарей бы никто не спросил, если б они обращались иначе, то есть грубее и бесчеловечнее: следственно, они были добры из настоящего человеколюбия» (ДЗ0; 4: 137–138).

В материалах РГВИА обнаруживаются ранее неизвестные детали биографий реальных людей на каторге, которые напрямую повлияли на жизнь и творчество Ф. М. Достоевского. Кривцов, Гладышев, Троицкий, Ловчинский послужили прототипами опорных художественных образов «Записок...» и позволили типизировать в этих героях некоторые национальные черты. Выявленные эпизоды в судьбе Кривцова дают возможность по-новому оценить противоречивость образа плац-майора в «Записках...»; формулярный список Гладышева обосновывает противопоставление плац-майора командиру «по инженерной части», художественную потребность национального типа «благодетельного начальника»; успехи в карьере Троицкого и Ловчинского подтверждают их положительные характеристики в произведении, связанные в том числе и с восприятием врачей в народном сознании.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

** Написание прописных букв в названии «Записки из Мертвого Дома» восстанавливаем, как у Достоевского.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. С. 279–288. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

² Прототипом для коменданта в «Записках...» послужил полковник, комендант Омской крепости Алексей Федорович де Граве.

³ Прототипы Б—кого и Т—ского в «Записках...».

⁴ Юзеф Богуславский попал на каторгу 31 октября 1849 г., а Кривцов вступил в должность плац-майора 2 октября 1846 г.

⁵ Благодаря архивному делу «О дерзком поступке арестанта омской крепости Чикарева против тамошнего плац-майора» (РГВИА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3595) Б. В. Федоренко установил точное имя арестанта — Влас Чикарев.

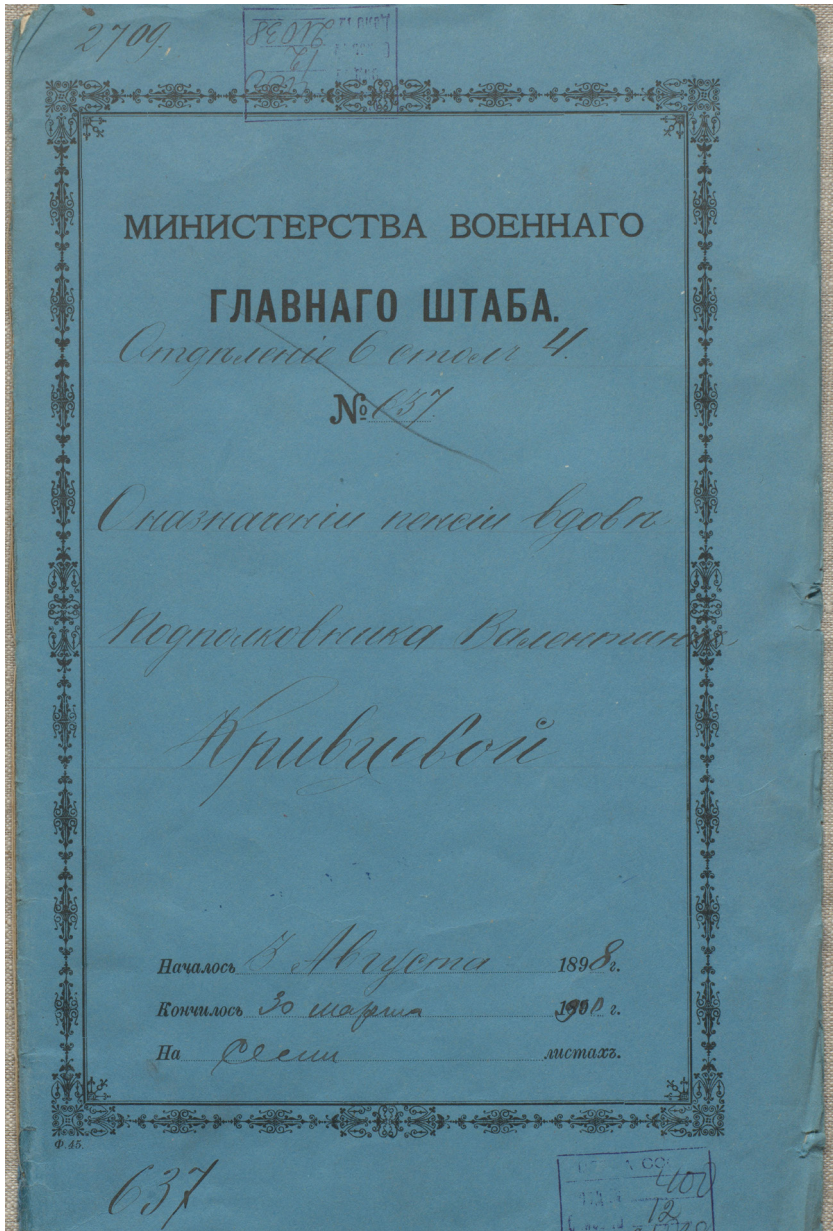
⁶ Здесь и далее цитаты из рукописного текста мемуаров Богуславского приводятся в переводе А. Г. Подрябинкиной. За проверку переводов автор выражает благодарность Мартину Боровски (dr Marcin Borowski, Uniwersytet Wrocławski).

⁷ Прототип Ж—кого в «Записках...».

- ⁸ Эта информация дана по материалам дела «О прибыли, убыли и наличном числе арестантов в омской крепостной работе» // РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1280.
- ⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038.
- ¹⁰ Там же. Л. 1.
- ¹¹ Там же. Л. 4 об.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Вероятно, описка. Правильно: тугостью
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 4.
- ¹⁵ Речь идет об операциях русских войск на Северо-Западном Кавказе 1828–1840 гг. в ходе Кавказской войны.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 529. Л. 623–627.
- ²⁰ «Кавказская война (1817–1864) — принятое в литературе название военных действий между российскими войсками и горскими народами в ходе завоевания Россией Северного Кавказа» (Современная энциклопедия. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/20726> (10.11.2019)).
- ²¹ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 529. Л. 626.
- ²² Там же. Л. 626, 627.
- ²³ Там же. Л. 627.
- ²⁴ Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский (Омский острог) // Русская старина. 1889. Т. 61. № 2. С. 318.
- ²⁵ Имя жены Троицкого установил В. С. Вайнерман по материалам Исторического архива Омской области.
- ²⁶ Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский (Омский острог). С. 318.
- ²⁷ Мартъянов П. К. В переломе века. (Отрывки из старой записной книжки). П. Морячки // Исторический вестник. 1895. Т. 62. № 11. С. 458.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Классы приводятся согласно «Табели о рангах», учрежденной указом Петра I в 1722 г.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 7946. Л. 172–185.
- ³¹ Там же. Л. 172 об.
- ³² За подсказку благодарим руководителя проекта И. Л. Волгина [беседа]. 21.10.2019.
- ³³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году и расположенный по азбучному порядку / ред. о. проф. С. Шевырев. Москва: Унив. тип., 1855. Т. 1. Ч. 1. С. 431.
- ³⁴ Достоевский А. М. Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1930. С. 39.
- ³⁵ Дислоцировался в Варшаве.
- ³⁶ Округа пахотных солдат находились в Новгородской губернии в 1832–1857 гг.
- ³⁷ В 1831 г. новгородские военные поселения были преобразованы в округа пахотных солдат.
- ³⁸ И. Л. Волгин [беседа]. 21.10.2019.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 7946. Л. 185 об.
- ⁴⁰ См. Письмо А. Е. Ризенкампа к А. М. Достоевскому от 10 марта 1881 г. // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 551. (Литературное наследство; т. 86).

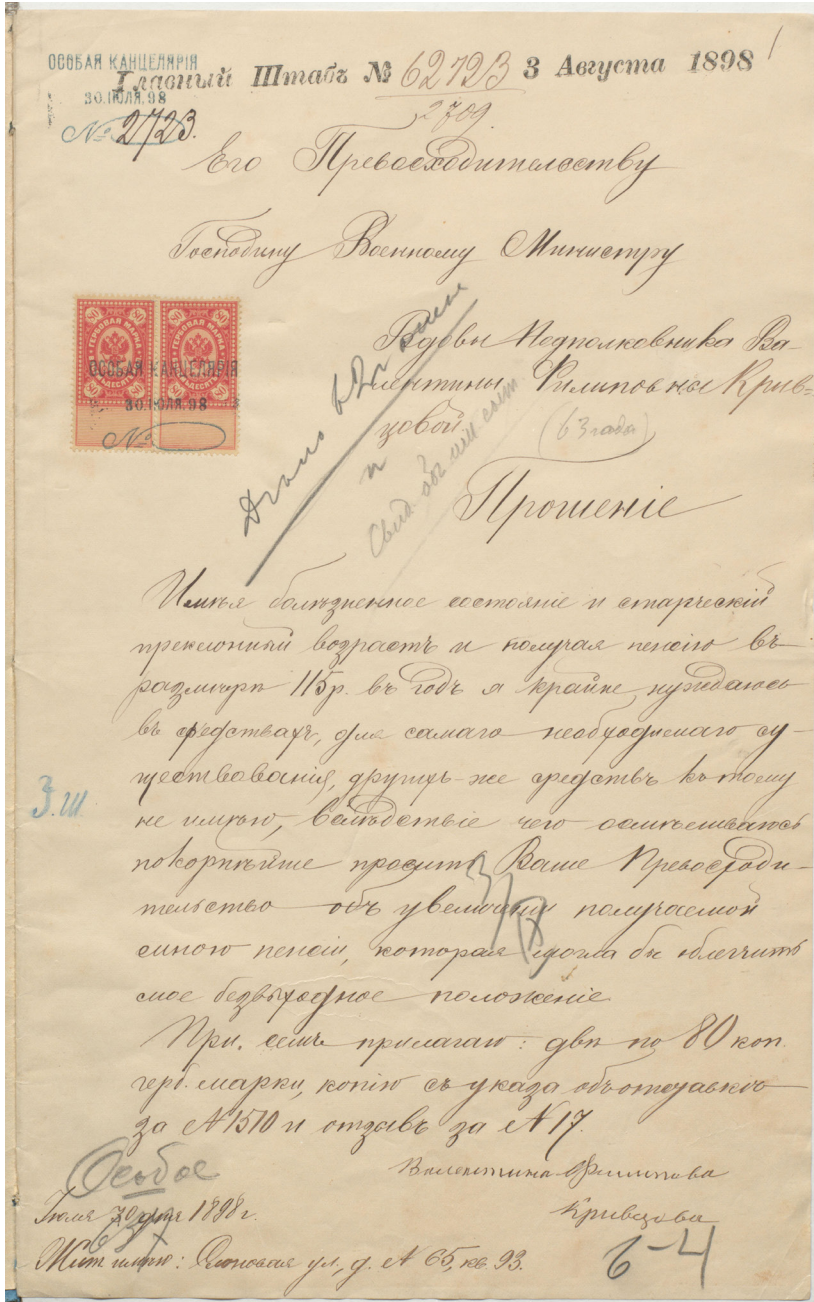
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 676. Л. 465–474.
- ⁴² Однодворцы как сословная категория занимали положение между помещиками и крестьянами.
- ⁴³ Административно-территориальная единица в Польше и до 1929 г. на Украине, соответствующая уезду (см.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/216000> (10.11.2019)).
- ⁴⁴ С 28 сентября 1850 г. по 15 марта 1851 г. Ловчинский был откомандирован для заведования лазаретом Сибирских линейных № 4, 5 и 6 батальонов и пользования больных по омскому гарнизону. С 7 мая по 30 августа 1852 г. — в город Омск для заведования лазаретами конноартиллерийской бригады и 6-го казачьего полка и пользования квартирующими Г.г. штаб и обер-офицеров и нижних чинов с их женами и детьми. При этом 26 июня его перевели в оренбургскую войсковую врачебную управу младшим лекарем. 15 октября этого же года Ловчинский оставлен при прежнем месте службы в Омском военном госпитале младшим ординатором.
- ⁴⁵ И. Л. Волгин [беседа]. 21.10.2019.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 676. Л. 466.

Приложение

Илл. 1. Дело о назначении пенсии вдове подполковника Валентине Кривцовой (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038)

Fig. 1. The Case Pension Assignment to the Lieutenant-Colonel's Widow Valentina Krivtsova (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038)

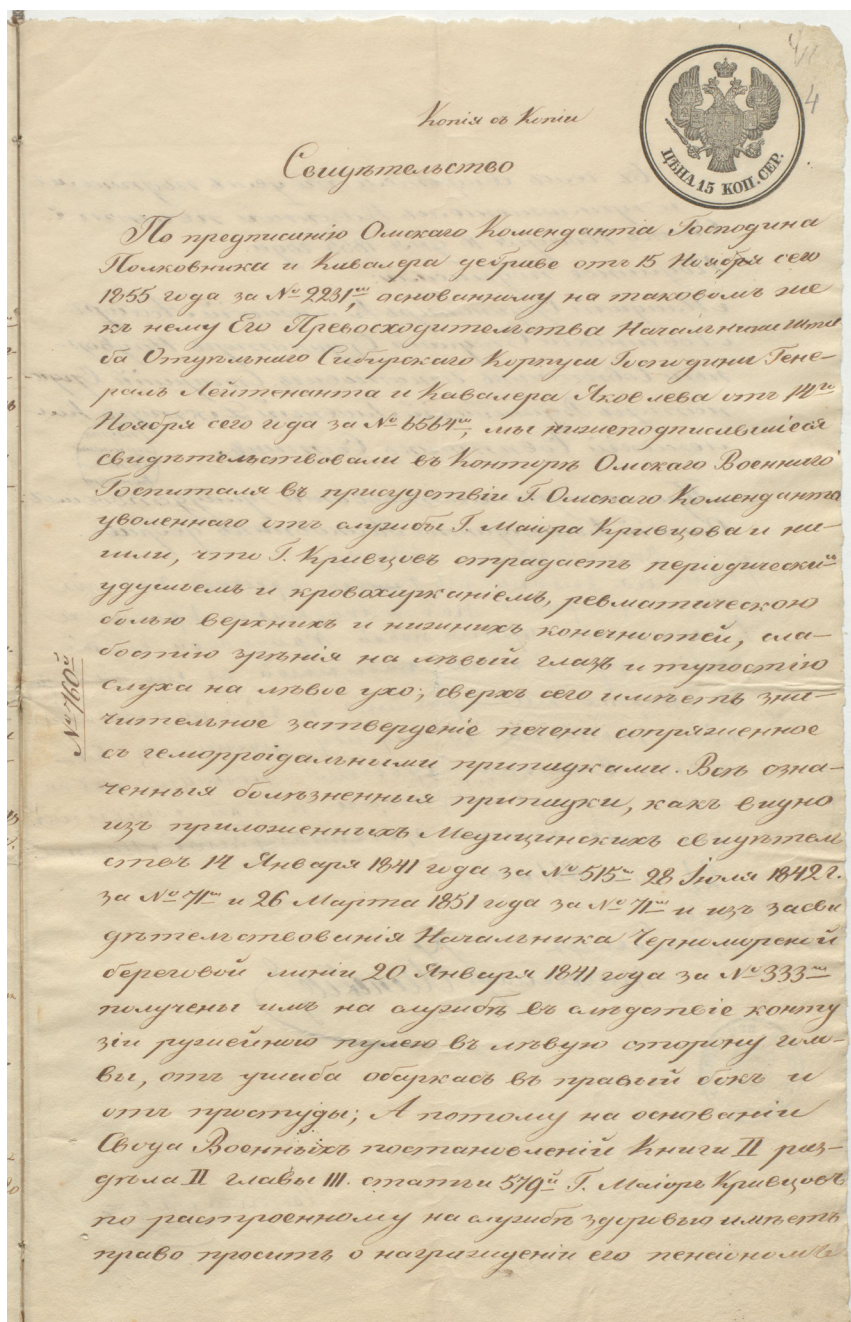
Илл. 2. Прошение Валентины Кривцовой об увеличении пенсии (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 1)

Fig. 2. Valentina Krivtsova's Petition for Pension Increase (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038. Fol. 1)

ноября с 2 Октября 816 по 26 Марта 817 года; Всеми ^{этим} бывшим
 рескриптом и повелением местов не получив; сжалив во-
 спиталии, въ шкель Архисейскихъ Подприсоричихъ въ Сиперниа
 и Монерныхъ Юнкеровъ и бытущихъ по Дезамелу Сарисернихъ
 въ штабкахъ бывъ: 831 с 17 Января на 28 дней и на срокъ 8
 бивае; 832 декабря с 18 на 28 дней, по обязанности къ должности
 на срокъ не прибывъ, продерживъ 9 дней, въ чашъ префек-
 сии Свидетельство за № 4; 848 с 18 Июня на 21 день и
 на срокъ бывае; въ штабкахъ ни по суду ни безъ суда
 не бывъ; а за бршиа исправления должности Ошкано
 Полковника лейтенанта состоявша подъ командованиемъ о при-
 тесненнахъ сродившихъ Т. Кривцова въ Ошкано Курну
 брато полкъ ливановъ / бурнахино при вывозе чашъ това-
 ровъ изъ киргизской степи; ршившихъ Московскаго Губерн-
 ского суда, состоявшихъ ^{18 апреля} _{17 мая} 1855 года, между прочимъ
 заключено его Т. Кривцова, по проществу задержаннаго по
 Сера Сурнахина и по сродиванию его полаганаго ср-
 суде освобождити, и отъ командования ему отлучено
 заключено, которое на основании 2 и 3 пункт. Высочайшаго
 утвержденного императора Высшаго Собрания Государствен-
 наго Совета распубликованаго въ жизнь Сената отъ
 Ю. М. 1853 года должно было бы внести въ фирму
 ларий и службу его списокъ съ штабного въ штабъ
 с прощаниемъ службы, на основании Высочайшаго
 императора 21 марта 1855 г. изданаго; къ повел-
 ению чинивъ и къ награждению знакамъ отличия
 безгрозной службы отпущивался должностивъ;
 хлосствъ; иттиа за нимъ и родителю его не оуде
 А. Высочайшимъ приказомъ составленнымъ во 2 чиселъ
 ноября 1851 г. уволенъ отъ службы по должностивъ
 аттестованъ; въ удостоверение чего, и башъ сое указъ
 ашу в. шапуръ Кривцову, за имина не отпущивъ и турни-
 зивенемъ Сера моего паша. Ошкано Марта 29 дня 1856 г.
 Подписанный подписавъ:
 Его Императорскаго Величества; Великогойшаго
 Государя моего Императора Императрицы Кошакшуръ Отручи-
 наго Сибирскаго Губернатора, Генерала Кавалера Заслуженнаго Ка-
 валира и Кавалера Орденовъ: Св. Владимировскаго Великаго Креста
 Александра Невского, Императорскаго и Сибирскаго Бр. Маго
 Ордена, Св. Анны I ст. со Императорскаго Коронова и безъ Курна,
 Знаменитый украшенный и I ст. Св. Великогойшаго и По-
 бѣдоносца Сера III класса, Св. Равноапостольнаго князя Владимира

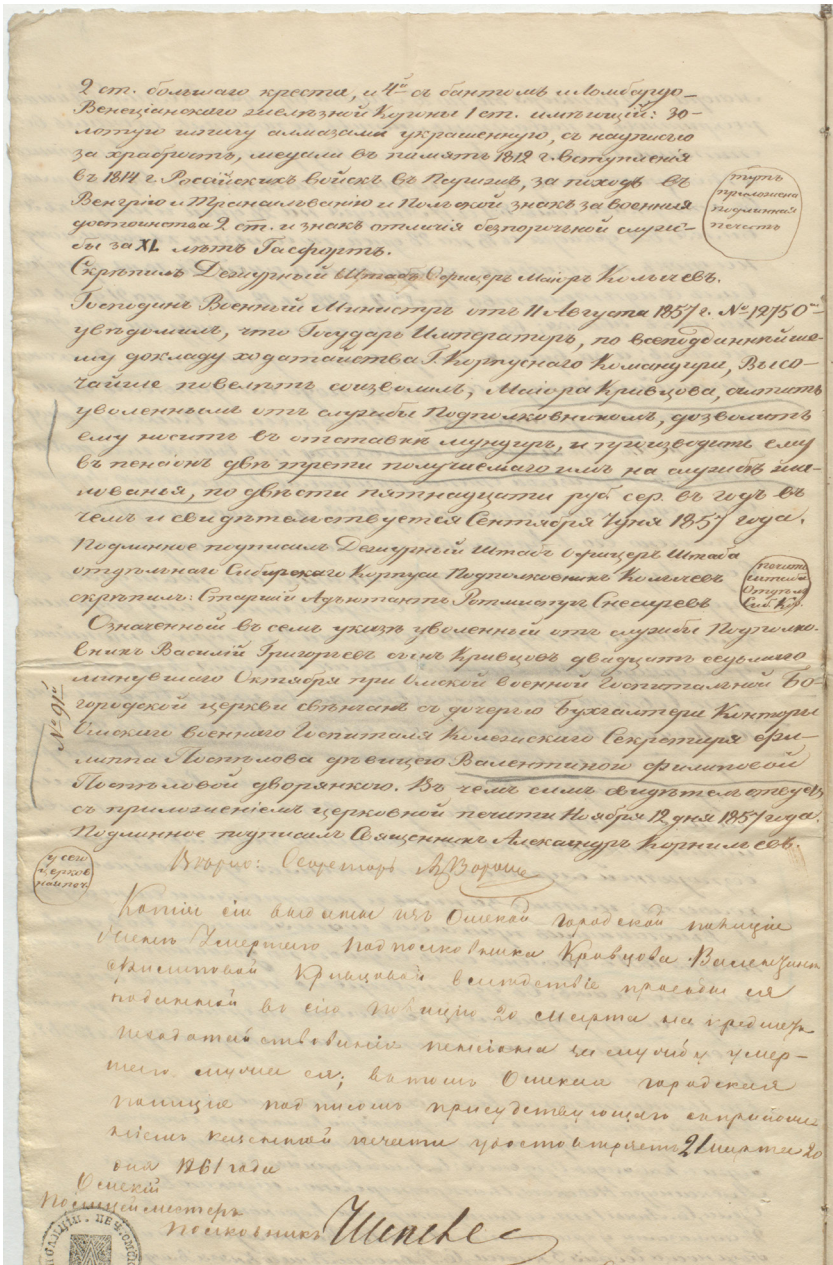
Илл. 3. Свидетельство следствия над Кривцовым
(РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 3)

Fig. 3. Evidence of the Krivtsov Investigation (Russian State Military Historical
Archive. F. 400.12.21038. Fol. 3)

Илл. 4. Медицинское свидетельство В. Г. Кривцова и его право на пенсион (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 4)

Fig. 4. Medical Certificate of V. G. Krivtsov and His Right to a Pension (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038. Fol. 4)

Илл. 5. Право В. Г. Кривцова на мундир и пенсион в отставке и свидетельство о венчании с дворянкой Валентиной Пospelовой (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 21038. Л. 3 об.)

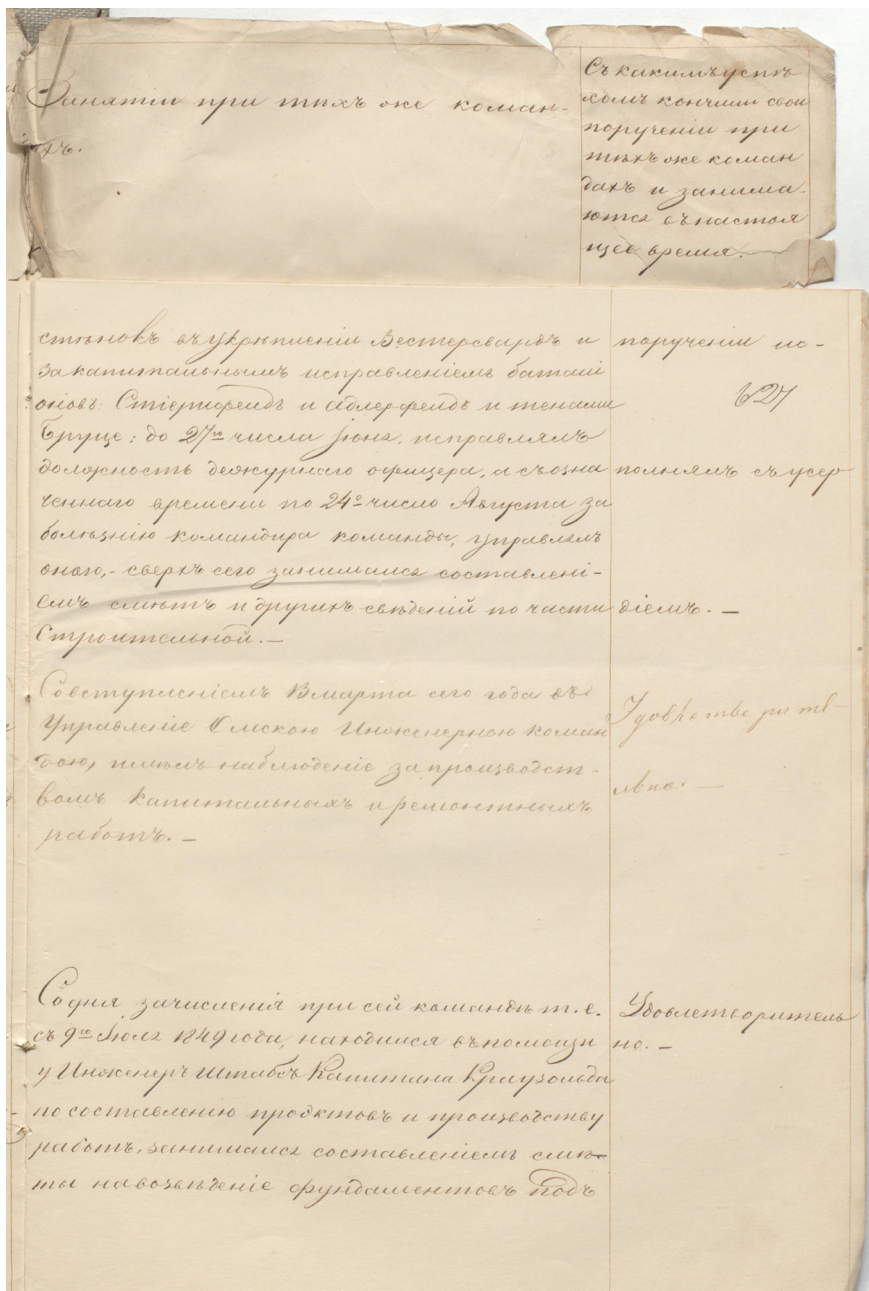
Fig. 5. V. G. Krivtsov's Right to a Uniform and a Pension in Retirement and a Certificate of Marriage with a Noblewoman Valentina Pospelova (Russian State Military Historical Archive. F. 400.12.21038. Fol. 3 Reverse)

в частях и в местах.		Титул, имя и пробавии		Время службы при техъ командахъ и при настолицей.	
в Службѣ	в Службѣ	в Службѣ	в Службѣ	в Службѣ	в Службѣ
<p>Полковникъ Полковникъ</p>					
1820	1825	1830	1835	Имя в. Ивана Гладышева.	
<p>Произведенъ въ офицера при Бендерской Инженерной Командѣ 1825 Января 6го и в оной на- значенъ къ таковой же Мо- шанской 1826 Июня 25, къ оной прибавленъ Июня 19го назна- ченъ къ турецкой Инже- нерной командѣ 1830 Нова- бря 30го прибавленъ 1831 марта 20го назначенъ въ Отдѣле- ной Кавказской Корпусъ. 1833 Сентября 22го обратенъ къ турецкой 1835 Января 5го и в оной отчисленъ къ та- ковой Бакинской 1836 Апри- ля 11го прибавленъ къ Баку Апреля 24го къ таковой же Шуминской 1840 Ян- варя 17го куда прибавленъ Фе- враля 1го назначенъ къ Бакинской Инженерной Командѣ 1842 Априля 25го прибавленъ къ оной Июня 15</p>					

Илл. 6. Послужной список полевого инженера подполковника Ивана Гладышева (РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 529. Л. 623–627)

Fig. 6. A Service Record of the Field Engineer Lieutenant-Colonel Ivan Gladyshev (Russian State Military Historical Archive. F. 312.2.529. Fol. 623–627)

Илл. 7. Занятия и характеристика Ивана Гладышева при работе в Свеаборгской и Омской инженерных командах (РГВИА. Ф. 312. Оп. 2, Д. 529. Л. 627)

Fig. 7. Activities and Character Assessment of Ivan Gladyshev During His Employment with the Sveaborg and Omsk Engineering Teams (Russian State Military Historical Archive. F. 312.2.529. Fol. 627)

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	
Чины, нмы, отчество, фамилия, должности, лета отъ роду, вѣроисповѣданіе, знаки отличія и получаемое содержаніе.	Изъ какого званія пронсходить?	Есть ли имѣніе:				Гдѣ получалъ воспитаніе и окончилъ ли въ заведеніи полный курсъ науки, когда въ службу вступилъ, какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ проходилъ службу, не было ли какихъ особенныхъ по службѣ дѣланій или отличій, не была ли особенно, кромѣ чина, чья награждаемъ, и въ какое время; сверхъ того, если находишь подъ судомъ или съдѣствіемъ, былъ оправданъ и признанъ виновнымъ: то когда и за что именно былъ преданъ суду и чѣмъ дѣло кончилось?		
		У него самого и у родителей.	У жены, буде женатъ.	У него самого и у родителей.	У жены, буде женатъ.			
		Родовое.	Благопріобрѣтенное.	Родовое.	Благопріобрѣтенное.			
<p>Статскій Советникъ Иванъ Ивановичъ Троицкій. Корпусной штаб-докторъ Сибирскаго Корпуса пятнадцати классовъ православнаго исповѣданія Кавалеръ Орденъ Св. Анны 3-й степени имѣетъ званіе отличія безъ порочной службы за 1847 г. Жалованья—166р Служебн.—288р20к Добровольно—14р25к Книжные—30р Итого—200р70к</p>	<p>Служебнаго званія</p>					<p>По окончаніи усвѣдченнаго званія въ Тульскомъ Семинаріи принято по замѣну въ Императорскій Московскій университетъ студентомъ въ число казенныхъ воспитанниковъ Медицинскаго Института.</p> <p>По выдержаніи экзамена на степень доктора отправленъ въ Московскій военный институтъ для практики.</p> <p>Утвержденъ лекаремъ 1-го Отдѣленія госпиталя восьмью годами Арміи двѣдцать первое число произведенъ Ветеринарнымъ Врачомъ</p>		

Илл. 8. Формулярный список статского советника, корпусного штаб-доктора Отдельного Сибирского Корпуса И. И. Троицкого (РГВИА. Ф. 546. Оп. 2. Д. 7946. Л. 172–185)

Fig. 8. A Service Record of the State Councilor, Corps Staff Doctor of the Separate Siberian Unit I. I. Troitsky (Russian State Military Historical Archive. F. 546.2.7946. Fol. 172–185)

I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.
Чинъ, имя, отчество, фамилія, должность, гдѣ отъ роду, въроисповѣданіе, знаки, отличія и получаемое содержаніе.	Имя какого званія проиходить?	Есть ли имѣніе:				Гдѣ получилъ воспитаніе и окончилъ ли заведеніи позній курсъ наукъ, когда службу вступилъ, каковы чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ проходить оную; не было ли какихъ особенныхъ по службе отличій; не былъ ли особенно, впрочемъ чиновъ, чѣмъ награждаемъ, и въ какое время сверхъ того, если находишь подъ судомъ, несправдливъ, быть оправданъ и признанъ виновнымъ: то когда и за что именно былъ преданъ суду и чѣмъ дѣло кончилось?	
		У него самого и у родителей.	У жены, будучи женатъ.	Родовое.	Благотворительное.	Родовое.	Благотворительное.
<p>Надворный советникъ Яковъ Яковлевичъ сынъ Ловчинский старшій Александръ Александровичъ сынъ Дмитрия Александровича Косого воеводы</p> <p>Пятидесяти трехъ лѣтъ.</p> <p>Рязань-Тамбовская губернія</p> <p>Кавалеръ Ордена Св. Станислава 3-го класса и императорской медалью на Владимирской лентѣ</p> <p>Въ числѣ вѣдѣнъ 1853-1856 годовъ.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>	<p>Въ Императорской Московской Медицинской Академіи воспитанникъ и по Экзамену той присужденъ кавалерскій чинъ въ первое отряженіе.</p>

Илл. 9. Послужной список надворного советника, старшего лекаря Омского училища военного ведомства Я. Я. Ловчинского (РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 676. Л. 465–474)
 Fig. 9. A Service Record of the Court Adviser, Senior Doctor of the Omsk Military School Ya. Ya. Lovchinsky (Russian State Military Historical Archive. F. 725.52.676. Fol. 465–474)

Список литературы

1. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф. М. Достоевский и Сибирь). — 3-е изд., испр. и доп. — Омск: Наука, 2014. — 392 с.
2. Владимирцев В. Книга века // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Т. 3. — С. 754–763.
3. Владимирцев В. П. «Сибирская тетрадь» в творчестве Ф. М. Достоевского и русской этнологической культуре // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. — Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. — С. 953–1014.
4. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. — М.: Академический проект, 2018. — 749 с.
5. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского (1506–1933) / под ред. М. Цявловского; предисл. П. М. Зиновьева. — М.: Север, 1933. — 443 с.
6. Гатина З. С. Вишленкова Е. А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2014. — № 1 (18). — С. 168–178.
7. Громько М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. — Новосибирск: Наука, 1985. — 168 с.
8. Декабристы-литераторы // Литературное наследство. — М.: Наука, 1956. — Т. 60. — Кн. 1. — 674 с.
9. Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. А. С. Долинина. — М.; Л.: Госиздат, 1928. — Т. 1. — 594 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
11. Дьяков В. А. Каторжные годы Ф. М. Достоевского (по новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири. XIX — начало XX в. Историография и источники. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 196–220.
12. Иванов Ф. Н., Иванова А. Н. Работа медицинских чиновников в составе рекрутских присутствий в 1831–1874 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 6 (68). — Ч. 2. — С. 80–83.
13. Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков. Каталог. — М.: Археографический центр, 1996. — 291 с.
14. Смирнова Е. М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII — середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. — 2011. — № 28 (2). — С. 6–16.
15. Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / перев. с польск. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. — 980 с.
16. Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak. — Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2016. — Т. 4. — 331 s.

Mikhail A. Kalinin

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

mckalinin99@gmail.com

Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's *The House of the Dead* (Based on Archival Materials)

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky (“Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)”).

Abstract. The article introduces new archival materials into scientific discourse, i. e., the service records of the identified prototypes of official authority figures in *The House of the Dead* by F. M. Dostoevsky. The archival documents provided an opportunity to fill in the gaps in the biographies of those who held military and medical posts during the writer's Siberian exile: major Krivtsov, field engineer Gladyshev, head physician Troitsky and resident physician Lovchinsky. It also allowed us to see which of the officials' traits were depicted in the novel's characters. A number of events and details were revealed thanks to the memories of the exiled Pole Joseph Boguslavsky. Thus, the prototypical nature of the characters in *The House of the Dead* was clarified as new facts were revealed and the already known details were revised.

Keywords: Dostoevsky, *Notes from the Dead House*, image of official, image of doctor, national type, Krivtsov, Gladyshev, Troitsky, Lovchinsky, Boguslavsky, Tokarzhevsky

About the author: Kalinin Mikhail A. — Journalism Student, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: December 1, 2019

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Kalinin M. A. Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's *The House of the Dead* (Based on Archival Materials). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 69–100. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501 (In Russ.)

References

1. Vaynerman V. S. «*Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati...*» (F. M. Dostoevskiy i Sibir') [*I Entrust Myself to Your Good Memory... (F. M. Dostoevsky and Siberia)*]. Omsk, Nauka Publ., 2014. 392 p. (In Russ.)
2. Vladimirtsev V. Book of the Century. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 754–763. (In Russ.)
3. Vladimirtsev V. P. “The Siberian Notebook” in the Works of F. M. Dostoevsky and Russian Ethnological Culture. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols*]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond “Vozrozhdenie Tobol'ska” Publ., 2017, vol. 2: Researches. Proceedings for the Comment, pp. 953–1014. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy: nachalo nachal* [*Born in Russia. Dostoevsky: The Beginning of the Beginning*]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. 749 p. (In Russ.)
5. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo (1506–1933)* [*The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty (1506–1933)*]. Moscow, Sever Publ., 1933. 443 p. (In Russ.)

6. Gatina Z. S., Vishlenkova E. A. System of Scientific Certification in Medicine in Russia in the First Half of the 19th Century. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [*Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*], 2014, no. 1 (18), pp. 168–178. (In Russ.)
7. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854 gg.* [*Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
8. The Decembrists-Writers. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Nauka Publ., 1956, vol. 60, book 1. 674 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Pis'ma: v 4 tomakh* [*Letters: in 4 Vols*]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928, vol. 1. 594 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Dyakov V. A. The Years of Penal Servitude of F. M. Dostoevsky (According to New Sources). In: *Politicheskaya sсыlka v Sibiri. XIX — nachalo XX v. Istoriografiya i istochniki* [*Political Exile in Siberia. The 19th — Early 20th Century. Historiography and Sources*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 196–220. (In Russ.)
12. Ivanov F. N., Ivanova A. N. The Work of Medical Officials as Part of Recruiting Bodies in 1831–1874. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: v 2-kh chastyakh* [*Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice: in 2 Parts*]. Tambov, Gramota Publ., 2016, no. 6 (68), part 2, pp. 80–83. (In Russ.)
13. Peters D. I. *Nagradnye medali Rossiyskoy imperii XIX–XX vekov. Katalog* [*Award Medals of the Russian Empire of the 19th and 20th Centuries. Catalog*]. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1996. 291 p. (In Russ.)
14. Smirnova E. M. “Medical Ranks” in the Russian Province (18th — Mid 19th Century). In: *Novyy istoricheskiy vestnik* [*The New Historical Bulletin*], 2011, no. 28 (2), pp. 6–16. (In Russ.)
15. Tokarzhhevskiy (Tokazhevskiy) Sh. *Sibirskoe likholet'e* [*Siberian Troubled Years*]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)
16. *Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Kresy w polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta. Opracował Mariusz Nowak* [*Poles from Vilnius and Żmudzi in Exile. Lines in Polish Diaries and Letters (1795–1918). Memoirs of Józef Bogusławski and Father Mateusz Wejt. Compiled By Mariusz Nowak*]. Kielce, Jan Kochanowski University Publ., 2016, vol. 4. 331 p. (In Polish)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4502

УДК 821.161.1+930.25

Е. Е. Огородникова*Московский государственный университет
(Москва, Российская Федерация)*

eleni.ogrodnikova@yandex.ru

Каторга Достоевского в математическом исчислении*

Аннотация: Статья посвящена детальному анализу архивных документов Российского государственного военно-исторического архива в Москве (РГВИА): чертежей Омского острога, а также карт окрестностей Омской крепости. В работе исследуются площади и размеры объектов, располагавшихся как на территории острога, так и за его пределами. Кроме того, проводится реконструкция казармы острога. Полученные результаты последовательно сравниваются с уже имеющимися исследованиями сооружений Омской каторги Ф. М. Достоевского. В результате установлены размеры всех сооружений и помещений внутри острога (в том числе площадь острога и всех казарм), подсчитано пространство на одного арестанта, описан план военного госпиталя, уточнен внешний вид элементов каторжного быта. Фактические размеры сооружений позволяют создать более точное представление о быте Ф. М. Достоевского в период омской каторги.

Ключевые слова: Достоевский, омская каторга, ссылка, пространство, карта, чертеж, архив

Об авторе: *Огородникова Елена Евгеньевна* — студентка 3 курса факультета журналистики, Московский государственный университет (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Российская Федерация, 119019)

Дата поступления: 10.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

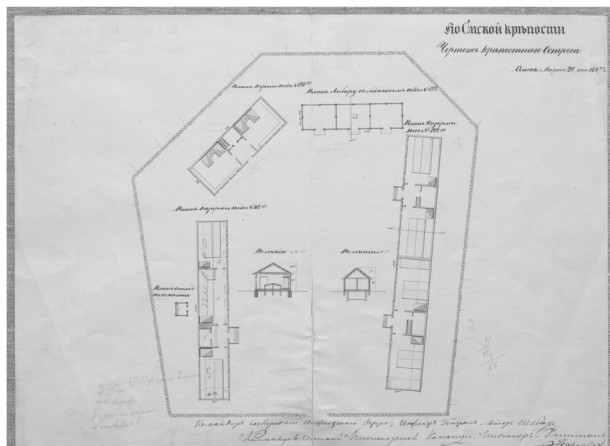
Для цитирования: Огородникова Е. Е. Каторга Достоевского в математическом исчислении // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 101–117. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4502

Чертежи и карты

«Чертеж крепостного острога по Омской крепости кондуктора 2 класса Ершова от 20 марта 1847», на который мы опираемся в статье, опубликован в 1991 г. [Вайнерман, 1991: 36]¹.

На «Генеральном плане окрестностей на 1,5 версты...» от 1843 г.² (не путать с «Чертежом крепостного острога по Омской крепости 2 кл. Ершова от 20 марта 1847» (см. *Илл. 1*)) подробно изображены здания вокруг крепости, в том числе и военный госпиталь, дороги, описано территориальное деление местности³.

Илл. 1. Чертеж крепостного острога, выполненный по Омской крепости марта 20 дня 1847 года. Автор — кондуктор 2-ого класса Ершов
 Fig. 1. The Drawing of the Fortress of Ostrog [prison], Made After the Omsk Fortress on March 20, 1847. The Author is a Drawer of the 2nd Class Ershov

Омский острог

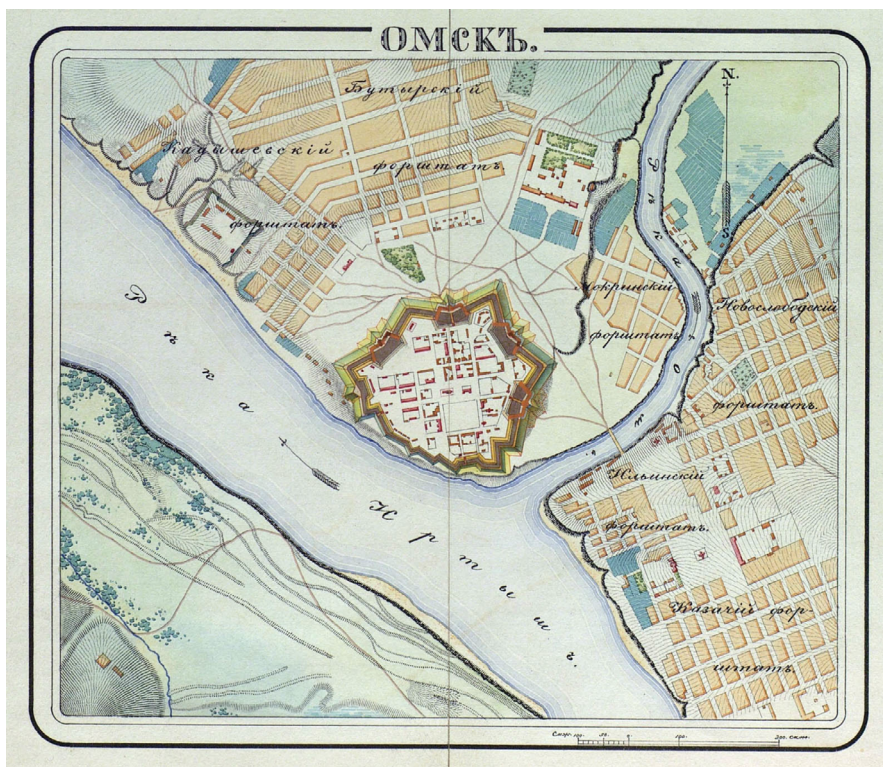
Острог и крепость — два разных понятия. Крепость или, точнее, Вторая Омская крепость — это весь город за стенами, в который можно въехать через ворота (их было четверо): на северо-западе — Тарские, на востоке — Омские, Иртышские — на юго-востоке и Тобольские — на юго-западе [Кочедамов: 13].

23 января 1850 г. Достоевского привезли в Омскую крепость через Тарские ворота [Гроссман: 66]: они были ближе всего к острогу.

Илл. 2. Омский острог. Акварель М. С. Знаменского. 1888 г.
 Fig. 2. The Omsk Ostrog. Watercolor by M. S. Znamensky. 1888

Исходя из Генерального плана окрестности Омской крепости 1843 г., Тарские ворота были самыми главными, от них расходились лучами пять дорог, по одной из которых напрямик везли арестантов в военный госпиталь. Видно, что госпиталь находился к северу от крепости — между Бутырским форштадтом на северо-западе и форштадтом Мокрой на северо-востоке. Вся территория вокруг крепости делилась на четыре форштадта: Бутырский, Кадышевский на юго-западе, Мокрой и Ржевская слобода на западе (см. Илл. 3).

Илл. 3. Фрагмент Генерального плана окрестностей на 1,5 версты, составленный по приказу Инженерного Департамента от 8 апреля 1841 г. за № 15 в городе Омске 1 декабря 1843 г.

Fig. 3. Fragment of the General Plan of the Surroundings by 1.5 Versts Around Drawn up by the Order of the Engineering Department Dated 8 April, 1841, No. 15 in the Town of Omsk on 1 December, 1843

С южной и восточной сторон от крепости протекало две реки — Иртыш и Омь соответственно. Бастионов в крепости было четыре: Подгорный, Степной, Тарский, Форштадский, а также три полубастиона — Омский,

Ильинский и Иртышский [Кочедамов: 13]. 2 мая 1768 г. началось строительство Второй Омской крепости на правом берегу реки Иртыш, так как замечена была слабая обороноспособность Первой крепости, на которую в этой статье мы сослаться не будем [Кочедамов: 12].

Илл. 4. Омский острог. Берег Иртыша. Акварель М. С. Знаменского. 1888 г.
 Fig. 4. The Omsk Ostrog. The Banks of the Irtysh. Watercolor M. S. Znamensky.
 1888

Острог же — это обнесенное частоколом пространство слева от Тарских ворот «шагов в двести длины и полтора ста ширины» в Степном бастионе Омской крепости, за которым располагались валы вдоль пяти граней неправильного шестиугольника⁴. Шестая грань острога — частокол («паль», как называл его сам Достоевский), в котором были расположены въездные ворота, охраняемые часовыми. За воротами — воля.

«Записки из Мертвого Дома»^{**} открываются описанием острога, в котором отбывал наказание автор:

«Острог наш стоял на краю крепости, у самого крепостного вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свет божий: не увидишь ли хоть чего-нибудь? — и только и увидишь, что краешек неба да высокий земляной вал, поросший бурьяном, а взад и вперед по валу, день и ночь, расхаживают часовые; и тут же подумаешь, что пройдут целые годы, а ты точно так же пойдешь смотреть сквозь щели забора и увидишь тот же вал, таких же часовых и тот же маленький краешек неба, не того неба, которое

над острогом, а другого, далекого, вольного неба. Представьте себе большой двор, шагов в двести длины и шагов в полтора ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (паль), врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными планками и сверху заостренных: вот наружная ограда острога. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; их отпирали по требованию, для выпуска на работу» (Д30; 4: 9).

Степной бастион еще с XVIII в. служил для заключения «ссылочных невольников» инженерного ведомства, как отмечено в карте 1806 г.⁵ Разница лишь в том, что в начале XIX в. он содержал в себе четыре «связанных» казармы, тогда как уже в 1849-м тот же бастион состоял из двух казарм: одна осталась с конца века (в ней располагалось «Особое отделение», единственная казарма, которая не была перестроена), а вторая, справа, была относительно новой. Первая отмечалась на картах № 119, а вторая — № 120⁶. Во второй жил Достоевский. По карте видно: Степной бастион ориентирован таким образом, что окна комнаты, где находился Достоевский (а они располагались с одной стороны у обеих казарм и выходили внутрь острога, чтобы каторжники видели из окон только внутренний двор), выходят на запад. В его казарме солнце палило не так, как у арестантов «Особого отделения» в старом доме. У тех днем и утром всегда светило солнце, поэтому летом в деревянном здании было нестерпимо душно, а окна арестантам открывать было запрещено.

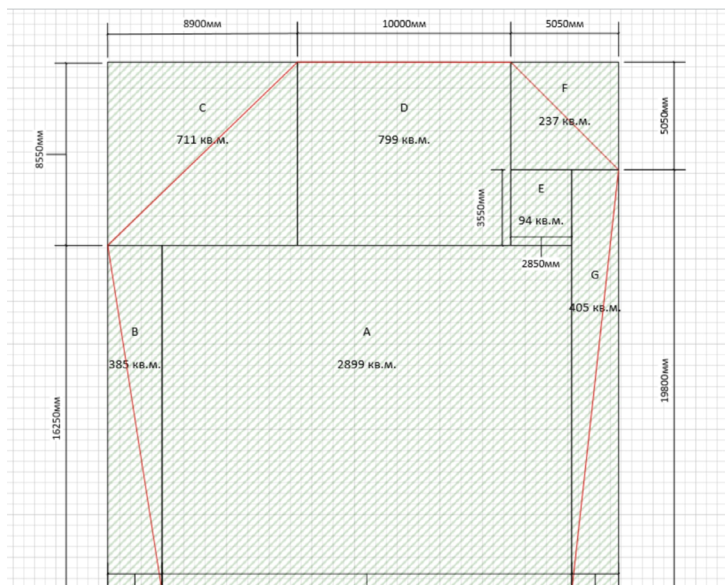
Площадь острога

Чтобы представить, как выглядел острог, нужно знать, какого он был размера. В работе В. И. Кочедамова содержится информация о размерах Второй Омской крепости — 30 га, но ничего не сказано о размерах собственно острога [Кочедамов: 13]. Мы попробовали сделать реконструкцию каторги, опираясь на документы РГВИА.

Форма плана острога представляет собой многоугольник, все стороны которого — прямые линии. На *Илл. 5* стороны многоугольника выделены красным цветом.

Для удобства вычислений мы использовали метод аппроксимации, который подразумевает замену сложных объектов более простыми. Мы наложили прямоугольники на чертеж формы острога так, чтобы хотя бы одна сторона фигуры или была стороной прямоугольника, или делила прямоугольник как диагональ.

Для повышения точности расчетов мы перенесли на сетку значения размеров сторон многоугольника из плана в миллиметрах и умножили на коэффициент 100. Так, например, сторону многоугольника в 19,2 см задаем как 19200 мм.

Илл. 5. Аппроксимация плана острога
Fig. 5. Approximate Drawing of the Ostrog

Покрываем площадь многоугольника прямоугольниками, которые для простоты обозначим А, В, С, D, E, F, G — (см. Илл. 5).

Программа позволяет автоматически рассчитать длину любого элемента схемы при правильно заданных величинах. Получаем размеры всех прямоугольников аппроксимации:

Прямоугольник	Ширина, см	Высота, см
A	19,200	16,250
B	2,550	16,250
C	8,900	8,600
D	10,000	8,600
E	2,850	3,550
F	5,050	5,050
G	2,200	19,800

Табл. 1. Исходные размеры прямоугольников аппроксимации, умноженные на 100

Tab. 1. The Initial Sizes of the Approximate Rectangles, Multiplied by 100

На карте, как и на любом архитектурном чертеже, есть масштабная линейка. Из нее мы знаем масштаб карты плана острога: 25 футов = 2,5 см. Известно, что 1 фут в Российской империи = 0,3048 м, то есть в одном см карты плана содержится 3,048 м.

Переведем размеры прямоугольников в метры:

Прямоугольник	Ширина, см	Высота, см	Коэфф-т масштаба	Ширина, м	Высота, м
A	19,200	16,250	3,048	58,5	49,5
B	2,550	16,250	3,048	7,8	49,5
C	8,900	8,600	3,048	27,1	26,2
D	10,000	8,600	3,048	30,5	26,2
E	2,850	3,550	3,048	8,7	10,8
F	5,050	5,050	3,048	15,4	15,4
G	2,200	19,800	3,048	6,7	60,4

Табл. 2. Размеры прямоугольников в метрах
Tab 2. The Sizes of the Rectangles in Metres

Площадь многоугольника (МН) рассчитаем по следующей формуле:
 $S_{\text{МН}} = S_A + 0,5 * S_B + 0,5 * S_C + S_D + S_E + 0,5 * S_F + 0,5 * S_G$. Результаты расчета приведены в таблице:

Прямоугольник	Ширина, м	Высота, м	Коэф-т	Площадь прямоугольника, м ²	Площадь элемента МН, м ²
A	58,5	49,5	1	2899	2899
B	7,8	49,5	0,5	385	192
C	27,1	26,2	0,5	711	356
D	30,5	26,2	1	799	799
E	8,7	10,8	1	94	94
F	15,4	15,4	0,5	237	118
G	6,7	60,4	0,5	405	202
		Сумма	5529	4660	

Табл. 3. Расчетные площади прямоугольников в квадратных метрах
Tab. 3. The Estimated Area of the Rectangles in Square Metres

Таким образом, площадь острога составляет 4660 квадратных метров или 46,6 соток. На этих сорока с небольшим сотках стояло два сруба с жилыми помещениями, два технических сооружения (кухня и амбар) и одно «отходное место»⁷. Длина от входа до конца острога по прямой: 24,850 см (D высота + A высота) * 3,048 = 75,7428 м. 75 метров — самое большое расстояние внутри острога, которое мог пройти арестант. На 46 сотках могли отбывать наказание до 170 ссыльнокаторжных, о чем читаем в приказе начальнику штаба Сибирского корпуса Г. М. Яковлеву «О вновь формируемой в Омске

официальной арестантской роты» № 55 по образу и подобию существовавшей уже тогда военно-рабочей роты № 25:

«13 декабря 1850 года.

Чтобы из находящихся в крепости арестантов (до 170 человек) сформирована была арестантская рота <...> имею честь уведомить, что образование из состоящих в Омской крепости до 170 человек крепостных арестантов арестантской роты с определением потребного по штату числа чинов для лучшего за арестантами присмотра, по значительному числу их, я признаю полезным <...> из арестантов, находящихся в Омской крепости, сформировать арестантскую роту Инженерного ведомства в составе, определенном в 4-ом пункте 24-ого приложения к 1375 статье 1 части 2 книги Свода Военных постановлений, присвоив этой роте № 55»⁸.

В приказе о формировании арестантской роты сказано: «...до 170 человек». Однако, согласно Статейному списку за 1850 г., на каторге отбывали наказание 173 человека:

Тип заключенных или в ведении какого ведомства находятся	Количество, чел
Всегдашние	33
Гражданское ведомство	43
Военное ведомство	38
Особое отделение	59
Итого:	173

Табл. 4. Количество арестантов в остроге,
согласно данным Статейного списка 1850 г.⁹

Tab. 4. The Number of Prisoners in the *Ostrog*, According to the Statistical List of 1850

Количество арестантов в остроге больше на 3 человека, чем заявлено в тексте документа. В данном случае 3 человека действительно важны, так как мест на нарах было мало.

Рассчитанный максимум личного пространства на одного арестанта — 26,9 м² чистой площади. Эту площадь дополнительно сокращают постройки: остается до 19 м² на арестанта при прогулке по двору острога.

В. П. Владимирцев, комментируя «Записки из Мертвого Дома», писал: «За острожным частоколом сложилась своя <...> темнично-каторжная цивилизация» [Владимирцев: 762]. Если представить небольшой участок земли с двумя срубами для проживания 173 человек, становится понятно, что «своя цивилизация» при довольно тесном проживании весьма дискомфортна. О сложных взаимоотношениях с заключенными Достоевский писал брату Михаилу 22 февраля 1854 г. из Омска, после четырех лет каторги, перед отъездом в Семипалатинск на службу рядовым в 7-м Сибирском линейном батальоне:

«150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать и уважали, и неподклонимости их воле» (*ДЗ0*; 28.; 169–170).

Если посчитать в среднем, то на каждую комнату в остроге приходилось 25–28 человек¹⁾.

Военный госпиталь

Военный госпиталь находился за пределами Омской крепости, на северо-востоке в сторону реки Омь. Согласно карте, расстояние от Тарских ворот до госпиталя — 280 сажень, то есть $280 \cdot 2,1336 = 597,408$ метров (см. *Илл. 3*)¹⁰.

Военный госпиталь подчинялся Комиссариатскому ведомству Военного министерства¹¹. Это очень важное уточнение, так как до сих пор не найден «Скорбный лист» Ф. М. Достоевского. Если он все-таки сохранился, то может находиться в архивных материалах Госпитального отделения Комиссариатского ведомства Военного министерства. До этого момента исследователи не уточняли, какому именно ведомству подчинялся госпиталь.

Госпиталь имел три корпуса, все они были деревянными. Третий корпус располагался чуть поодаль от двух предыдущих, образующих «главный корпус», как писал Достоевский (*ДЗ0*; 4: 130). В главном здании, согласно «Запискам из Мертвого Дома», были только палаты, две из которых отводились для арестантов. Первый и второй корпуса соединялись друг с другом коридором. Их замыкало третье здание — каменный одноэтажный дом с подвалом и ледником, в нем были аптека, лаборатория и госпитальная контора. Третий корпус, как было сказано ранее, стоял отдельно, в глубине, возле зеленых насаждений.

За главным корпусом во дворе находились деревянный дом для чиновников, пожарная изба, пивоварня, хлебопекарня, конюшни, навесы, зеленые насаждения (возможно, парк), «отходные места» и т. д.

На территории военного госпиталя помимо корпусов располагались: деревянный флигель для медицинских чиновников, конюшни, амбары с ледниками, в воротных столбах — «отходные места», деревянный дом для чиновников, деревянный пожарный навес, колодцы с деревянным срубом, ледники, деревянная кухня, хлебопекарня и даже пивоварня, пожарная изба, анатомический покой, летний деревянный больничный флигель, часовня из алебаstra, сушильня и прачечная¹².

---

¹⁾ В данном случае число, на которое делим количество арестантов, зависит от того, была ли проходная комната в казарме № 119 жилой.

Казарма — это комната или здание?

В начале «Записок из Мертвого Дома» Достоевский писал: «Как входите в ограду — видите внутри ее несколько зданий. По обеим сторонам широкого внутреннего двора тянутся два длинных одноэтажных сруба. Это казармы» (ДЗ0; 4: 9). Логично предположить, что «казарма» — это целое здание, в котором есть комнаты для арестантов. Такое же определение находим и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Согласно словарю, это «здание для помещенья воинских чинов всем составом: здание для помещенья рабочих в значительном числе»¹³. Выходит, что «два длинных одноэтажных сруба» — это две казармы.

Но, описывая одного из ссыльнокаторжных, который считал острожные пали, автор указывает: «Молча обошел он все наши шесть казарм» (ДЗ0; 4: 10). Так что же все-таки такое казарма? Это дом с комнатами или отдельная комната дома?

Дальше у Достоевского читаем о казармах:

«Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым, удушающим запахом» (ДЗ0; 4: 10).

Итак, казарма — это комната. Всего в остроге было два дома для арестантов. В первом доме три комнаты, а во втором — четыре. Итого семь комнат. Получается, что одна из комнат казармой не была, если верить тексту «Записок из Мертвого Дома».

Условимся называть казармой и здание, и комнату в зависимости от контекста.

«Особое отделение» и театр арестантов

В «Записках из Мертвого Дома» Достоевский писал, что «Особое отделение» было отдельным уголком в остроге и насчитывало «до семидесяти человек» (ДЗ0; 4: 60). Туда угодили и герои «Записок из Мертвого Дома»: например, красавчик Сироткин и наводивший на всех ужас Газин. Там находились преступники, которые были сосланы в острог навсегда за самые тяжелые преступления. И если «Особое отделение» было изолированным уголком острога, логично предположить, что располагалось оно отдельно от того места, где жили, например, политические преступники. Заключение, помещенные в острог навсегда, отбывали наказание в самой непригодной для жизни казарме: деревянном одноэтажном здании XVIII в.¹⁴ Вероятно, это и была та самая «военная казарма». Политические же преступники находились в бóльшем здании, которое также выгодно располагалось относительно сторон света: в него не светило солнце днем. Для Омска это имеет большое значение, так как в резко континентальном климате не только холодные зимы, но и очень жаркое лето. В. С. Вайнерман отметил: «...все

окна расположены на внутренней стороне. Их девять в казарме под № 119 (на чертеже слева) и двенадцать в казарме под № 120» [Вайнерман, 2014: 51].

Вот что писал о военной казарме Достоевский:

«Военная казарма наша, в которой устроился театр, была шагов в пятнадцать длиной. С двора вступали на крыльцо, с крыльца в сени, а из сеней в казарму. Эта длинная казарма, как уже и сказал я, была особого устройства: нарты тянулись в ней по стене, так что середина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая от выхода с крыльца, была отдана зрителям; другая же половина, которая сообщалась с другой казармой, назначалась для самой сцены» (ДЗ0; 4: 120).

Теоретически в комнате-театре могли спать арестанты. Общая длина нар в ней составляла порядка 11 метров. Они могли вместить до 22 человек из расчета 50 см спального места на арестанта. Об этом свидетельствует чертеж. За стеной этой комнаты (то есть за домом во дворе) была устроена выгребная яма.

В. С. Вайнерман заметил, что рассказчик «Записок из Мертвого Дома» жил в казарме, обозначенной на чертеже под № 120: «Это здание разделено капитальной стеной на две половины, каждая из которых, в свою очередь, делилась на две казармы» [Вайнерман, 2014: 54]. По его мнению, театр располагался в здании № 119. И если «военная казарма» есть казарма «Особого отделения», то такое предположение представляется весьма существенным. Получается, что преступники «Особого отделения», которых, по данным статейных списков 1850–1854 гг., насчитывалось не 70, как у Достоевского, а 59 человек, жили только в двух казармах старого здания — в среднем 30 человек на комнату из расчета 50 см спального места на арестанта. Итого: задействовано две комнаты из трех. Если бы была задействована третья комната, то в каждой оказалось бы около 19 арестантов, однако из текста Достоевского известно, что на нарах было очень тесно.

Значит, если предположение верно, третья комната дома была нежилой.

О гигиене

Достоевский писал: «Он стал на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма» (ДЗ0; 4: 58). И действительно, за старой (предположительно — военной) казармой (слева от входных ворот) располагалось «отходное место». Судя по масштабной линейке, оно было не больше 1 см² 1 см, то есть примерно $3,048 \cdot 3,048 = 9,290304 \text{ м}^2$ — это по размеру маленькая кухня в типичной московской квартире. Именно такое пространство было отведено для того, чтобы им пользовались все арестанты, находящиеся в остроге. Над помойной ямой стирали, туда же, вероятно, сбрасывали фекалии, которые собирались в «ночном ушате» (он стоял в каждой казарме), так как иного места для этого предусмотрено не было.

Необычные нары

Казалось бы, что можно сказать о нарах? Нары были в «три доски» (ДЗ0; 4: 10). Но есть одно обстоятельство, на которое мы обратили внимание, когда изучали чертежи казарм Омского острога за 1854 г.¹⁵ и чертеж острога с сооружениями за 1847 г. Те нары, которые стояли в центре комнат, располагались под углом и имели форму небольшой двускатной крыши. Другими словами, ссыльнокаторжные спали на наклоненной по отношению к полу поверхности головами — к центру, ногами — к окнам и стене. Николай Каразин в иллюстрации к «Запискам из Мертвого Дома» (1893) верно изобразил форму нар, но неправильно передал пропорции (см. Илл. 6).

Илл. 6. Каторжники в арестантской казарме за работой.
Акварель Н. Н. Каразина. 1893 г.

Fig. 6. Convicts in the Prison Barracks at Work. Watercolor N. N. Karazin. 1893

Достоевский писал: «Арестанты тяжело засыпают на нарах. Во сне они говорят и бредят» (ДЗ0; 4: 116). Писатель тоже спал на нарах, располагавшихся немного под углом к полу по центру комнаты. Он жил в правом доме, в одной из изолированных комнат: «На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу» (ДЗ0; 4: 10).

Художник Каразин нарисовал их неправильно. На его картине они маленькие, и не совсем понятно, как все-таки арестанты на них спали. Настоящие нары были гораздо больше изображенных на картине. Одна

наклоненная часть в ширину как раз вмещала человека — 1,80 м, а в длину достигала 7,6 метров. Точные размеры приводим в таблице:

Объект	Длина, см	Ширина, см	Коэф-т масштаба	Длина, м	Ширина, м	Площадь, м ²
Нары, 1 скат	2,5	0,6	3,048	7,62	1,8288	13,94
Нары, 2 скат	2,5	0,6	3,048	7,62	1,8288	13,94

Табл. 5. Расчетные размеры нар
Tab. 5. The Estimated Sizes of the Plank Beds

Нары были наклоненными для того, чтобы не использовать подушки, ведь только так в комнату могло поместиться 30 человек: головами — к центру, ногами — к окнам и стене. Получается, если в комнате жили 30 арестантов, то на каждом скате нар спали по 15 человек, значит, на одного арестанта приходился примерно 51 см спального места.

Илл. 7. Наша реконструкция казармы с нарами в Омском остроге
Fig. 7. Our Reconstruction of the Barracks with Plank Beds in the Omsk Ostrog

Помещения острога в цифрах¹⁶

Сложно представить быт каторжан, если не знать, как выглядели комнаты, в которых они спали и принимали пищу.

Чертеж крепостного острога от 20 марта 1847 г. содержит огромное количество информации. Все обмеры сделаны по оригиналам карт и чертежей РГВИА. Площади зданий получены по аналогии с вычислениями площади

острога: данные масштабной линейки сравнивались с фактическими размерами чертежа, далее умножались на коэффициент отношения футов к метрам.

Объект	Длина, см	Ширина, см	Коэф-т масштаба	Длина, м	Ширина, м	Площадь, м ²
Дом № 119	12,4	2	3,048	37,7952	6,096	230,40
Казарма 1	3,3	2	3,048	10,0584	6,096	61,32
Театр	3,95	2	3,048	12,0396	6,096	73,39
Казарма 2	3,6	2	3,048	10,9728	6,096	66,89
Кладовая / выход на чердак	1,5	0,8	3,048	4,572	2,4384	11,15
Сени	1,5	1,2	3,048	4,572	3,6576	16,72
Погрешность не более 0,4%						0,93

Табл. 6. Площади помещений дома № 119

Tab. 6. The Area of the Premises of House Number 119

В таблице показаны размеры комнат старого здания № 119. В нем, согласно статейным спискам 1850–1854 гг., отбывали наказание 59 арестантов. В комнатах размером 61 и 66 м² могли жить максимум 28 и 31 человек соответственно. Нары во второй комнате были длиннее на 1,2 м, значит, там могло спать на 2 человека больше. Высота потолков с перекрытиями, согласно чертежу вновь выстроенной арестантской казармы под № 119 от 22 декабря 1854 г., 11,5 футов, то есть 3,5 метра. Чердак от конька — 8 футов, то есть 2,44 метра.

В доме № 120, где отбывал наказание Достоевский, комнаты и нары были больше. В этом здании находились оставшиеся 114 арестантов.

Объект	Длина, см	Ширина, см	Коэф-т масштаба	Длина, м	Ширина, м	Площадь, м ²
Дом № 120	17,6	2,4	3,048	53,6448	7,3152	392,42
Казарма 1	3,3	2,4	3,048	10,0584	7,3152	73,58
Казарма 2	3,5	2,4	3,048	10,668	7,3152	78,04
Кладовая / выход на чердак и в сени	1,5	2,4	3,048	4,572	7,3152	33,45
Казарма 3	3,6	2,4	3,048	10,9728	7,3152	80,27
Казарма 4	4	2,4	3,048	12,192	7,3152	89,19

Кладовая / выход на чердак и в сени	1,5	2,4	3,048	4,572	7,3152	33,45
Погрешность не более 1%						4,44

Табл. 7. Площади помещений дома № 120
 Tab. 7. The Area of the Premises of House Number 120

Из таблиц видно, что в здании для политических преступников было два входа, а не один, как в доме № 119.

Высота потолков в этом корпусе равнялась 3,9 метра, то есть 13 футов с перекрытиями. Так как мы не знаем, как в XIX в. укладывали полы (по чертежам видно, что в две доски, но не утверждаем), узнать точную высоту потолков в помещении на этом этапе у нас не получится, но мы можем утверждать, что она в любом случае была не меньше 3 метров. Высота чердака от конька — 9 футов, то есть 2,74 метра. Общая высота здания — 6,64 метра. Размер нар был примерно таким же, как и в доме № 119.

Кухня на территории острога, кажется, была маловата для арестантов. Для еды им отводились два помещения по 60 квадратных метров каждое. В каждом таком помещении могли поместиться максимум 87 человек из расчета 173/2. В кухне стояли 2 печи с тремя отсеками для приготовления пищи, оттого Достоевский в «Записках из Мертвого Дома» называл их шестью разными печами.

Объект	Длина, см	Ширина, см	Коэф-т масштаба	Длина, м	Ширина, м	Площадь, м ²
Кухня 1	2,7	2,5	3,048	8,2296	7,62	62,71
Сени	1,75	2,5	3,048	5,334	7,62	40,65
Кухня 2	2,7	2,5	3,048	8,2296	7,62	62,71
Кухня целиком	7,15	2,5	3,048	21,7932	7,62	166,06
Печь	1,25	1	3,048	3,81	3,048	11,61

Табл. 8. Площади помещений кухни
 Tab. 8. The Area of the Kitchen

Выполненные измерения позволяют полнее представить быт омских каторжан XIX в., лучше понять историко-культурный контекст, который необходимо учитывать при интерпретации и комментировании произведений Достоевского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

- ** Написание прописных букв в названии «Записки из Мертвого Дома» восстанавливаем, как у Достоевского.
- 1 Хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА). Ф. 349. Оп. 27. Д. 1381. Л. 1.
  - 2 Хранится в РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1290. Л. 1.
  - 3 Хранится в РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1409. Л. 1.
  - 4 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. С. 9. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
  - 5 Хранится в РГВИА Ф.349. Оп. 27. Д. 1113. Л. 1.
  - 6 См.: РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1409. Л. 1.
  - 7 Такое написание не случайно. Именно так в картах называются отхожие места.
  - 8 См.: РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 406. Л. 1–6 об.
  - 9 См.: РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1281.
  - 10 РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1290. Л. 1.
  - 11 Там же.
  - 12 В двух последних абзацах все названия объектов даны в соответствии с тем, как они обозначены на карте. РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1290. Л. 1.
  - 13 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 268.
  - 14 РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1113. Л. 1.
  - 15 См.: РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1462. Л. 1.
  - 16 См.: РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 1381. Л. 1.

Список литературы

1. Вайнерман В. С. Достоевский и Омск. — Омск: Книжное издательство, 1991. — 125 с.
2. Вайнерман В. С. Ф. М. Достоевский и Сибирь. — Изд. 3, испр. и доп. — Омск: Наука, 2014. — 392 с.
3. Владимирцев В. Книга века // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — Т. 3. — 912 с.
4. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 382 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Кочедамов В. И. Как рос и строился город. — Омск: Книжное издательство, 1960. — 112 с.

Elena E. Ogorodnikova

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)*

eleni.ogorodnikova@yandex.ru

Dostoevsky's Penal Servitude Facility in Numbers

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky.

Abstract. The article under discussion presents a detailed analysis of some archival documents of the Russian State Military History Archive in Moscow: the drawings of the Omsk *Ostrog* [['e'strog] 'fortress'], which served as a *katorga* [['katərgə] 'penal servitude'] prison, as well as the maps of its surroundings. The work examines the area and the size of the structures both on the territory

of the prison and outside and attempts to restore the picture of the formerly existing prison barracks. The results thus obtained are consistently compared with the available studies of the Omsk Katorga structures as penned by the Russian author F. M. Dostoevsky. As a result, the exact sizes of all the structures and premises inside the penal facility were identified; the size of the area for one prisoner, the design drawing of the military hospital are described; the appearance of the elements of the every-day life in the penal servitude facility and the rules and order the prisoners had to follow in their correspondence with relatives are clarified. The actual sizes of the structures let us create a more accurate idea of the life F. M. Dostoevsky had during his Omsk penal servitude.

Keywords: Dostoevsky, Omsk *katorga*, Omsk penal servitude facility, Omsk *Ostrog*, Omsk Fortress prison, exile, space, maps, drawings, archive

About the author: Ogorodnikova Elena E. — 3rd year student of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University (ul. Mokhovaya, 9 c 1, Moscow, 119019, Russian Federation)

Received: January 10, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Ogorodnikova E. E. Dostoevsky's Penal Servitude Facility in Numbers. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 101–117. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4502 (In Russ.)

References

1. Vaynerman V. S. Dostoevsky and Omsk. Omsk, Knizhnoe izdatelstvo Publ., 1991. 125 p. (In Russ.)
2. Vaynerman V. S. F. M. Dostoevsky and Siberia. Omsk, Nauka Publ., 2014. 392 p. (In Russ.)
3. Vladimirtsev V. Book of the Century. In: *Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1997, vol. 3, pp. 754–763. (In Russ.)
4. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: Biografiya v datakh i dokumentakh* [*Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Kochedamov V. I. *Kak ros i stroilsya gorod* [*How the City Grew and Was Built*]. Omsk, Knizhnoe izdatelstvo Publ., 1960. 112 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441

УДК 821.161.1.09"18"+930.23+930.253

Е. Л. Смирнова*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

esmirnova@petsu.ru

«Nero (артист)» в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг.*

Аннотация. В статье рассматривается проблема атрибуции наброска из рабочей тетради Ф. М. Достоевского за 1864–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 10), известного под названием «Ростовщик». Новизна исследования определяется тем, что впервые предметом подробного анализа становится персонаж «Nero (артист)», возникший из знаний и представлений писателя об императоре Нероне. На основе свидетельств античных и раннехристианских авторов, а также научной и художественной литературы времени жизни Достоевского приводятся аргументы, что образ «Nero (артист)» должен рассматриваться как включающий в себя три компонента: это не только Нерон-артист, но и Нерон-гонитель христиан, и Нерон-антихрист. Данный образ обнаруживает плотную сеть связей с подготовительными материалами к ранней редакции романа «Идиот». Тем самым он дополняет совокупность аргументов относительно записей, персонажей, мотивов и прототипов в указанном наброске, предложенных Б. Н. Тихомировым, и подтверждает его теорию о том, что набросок, получивший название «Ростовщик», не является самостоятельным неосуществленным замыслом писателя, а должен рассматриваться в рамках творческой истории романа «Идиот», ее начального этапа.

Ключевые слова: Достоевский, текстология, атрибуция, прототипы, исторический контекст, античность, каллиграфия, «Идиот»

Об авторе: Смирнова Екатерина Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 10.01.2020

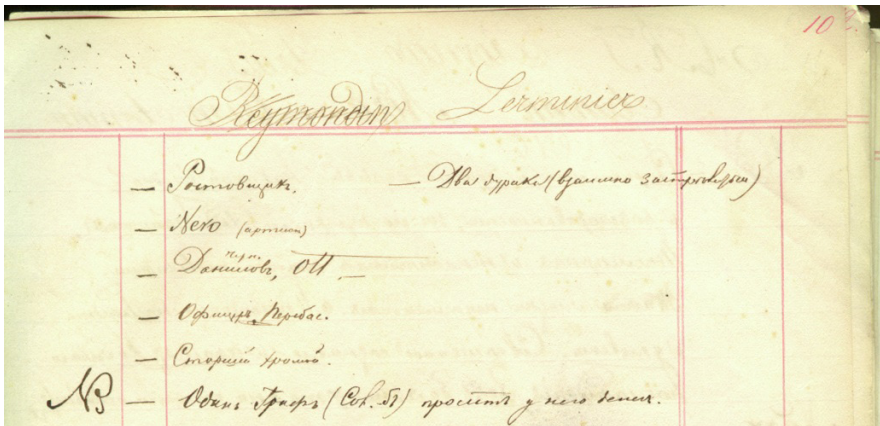
Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Смирнова Е. Л. «Nero (артист)» в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг. // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 118–132. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441

Одной из дискуссионных проблем в исследовании записных тетрадей Ф. М. Достоевского является вопрос об атрибуции записей на десятой странице рабочей тетради писателя за 1864–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.5), которые в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского трактуется как набросок 1866 г. к неосуществленному замыслу «Ростовщик»¹.

Между тем, существует и альтернативная гипотеза, выдвинутая Б. Н. Тихомировым, о том, что записи представляют собой подготовительные материалы к ранней редакции романа «Идиот» и датируются концом 1867 г. [Тихомиров, 2010: 109; Тихомиров, 2017].

Аргументация Б. Н. Тихомирова относительно некорректного присвоения данному наброску названия «Ростовщик» кажется очень убедительной: «Начало наброска представляет собою перечень персонажей, записанных в столбик, где каждое имя (или иное обозначение героя) начинается с тире», в том числе и слово «— Ростовщик» [Тихомиров, 2017: 4], которое просто открывает перечень. Добавим, что на одной строке с этим словом содержится также начинающаяся с тире фраза «— Два дурака (взаимно застрелиться)» (см. Илл. 1). Иными словами, на основе записей на с. 10 в рассматриваемой тетради нельзя с полной уверенностью утверждать, что у Достоевского был самостоятельный замысел под названием «Ростовщик».

Илл. 1. Фрагмент страницы записной тетради Достоевского
(РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 10)

Fig. 1. Fragment of a Page in Dostoevsky's Notebook
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 10)

Важную информацию для решения вопроса об атрибуции наброска несет, как нам кажется, наличие в перечне персонажей героя, который назван «Неро (артист)». Мы полностью согласны с предположением о том, что здесь имеет место аллюзия на римского императора Нерона [Загидуллина: 333], правившего в 54–68 гг. н. э.

В сохранившихся до наших дней сочинениях античных авторов Нерон предстает как страстный и одиозный участник театральных состязаний, который лицедейством опозорил себя и унизил достоинство данной ему власти. Сохранились и нумизматические материалы, подтверждающие любовь Нерона к театральным выступлениям: на одной из монет 64 г. император изображен в образе Аполлона Кифареда, играющего в развевающихся одеждах на лире (RIC I Nero 210)². Все античные авторы — от Тацита, чье детство пришлось на начало правления Нерона, до Евтропия, жившего в IV в., — изображают артистические увлечения императора исключительно в негативном свете. Тацит отмечает, что не явиться на выступление императора было опасно: «...Множество соглядатаев явно, а еще большее их число — скрытно запоминали имена и лица входящих, их дружественное или неприязненное настроение. По их донесениям мелкий люд немедленно осуждали на казни, а знатных впоследствии настигала за-таенная на первых порах ненависть принцепса» (Тас. Ann., XVI, 5.3–4). Тацит рассказывает, что участники заговора против Нерона, составленного в 65 г., обвиняли императора в том, что он «убийца матери и жены, колесничий, лицедей и поджигатель» (Тас. Ann., XV, 67.3). Сведения об артистических увлечениях Нерона сохранились и у Светония (Suet. Nero, 11.3; 20–22, 25.2–3; 38.1–2; 40.2; 49.1; 49.3). Светоний, в частности, обвиняет Нерона в том, что он поджег Рим, и, наслаждаясь великолепным пламенем, пел в театральном одеянии о гибели Трои (Suet. Nero, 38.1–2). Светоний также передает рассказ, будто даже перед самой смертью, будучи объявленным в сенате врагом отечества и покидая Рим в окружении всего четырех спутников, Нерон повторял: «Какой великий артист погибает!», а жизнь свою он прервал, декламируя строки из «Илиады» (Suet. Nero, 49.1; 49.3).

Образ Нерона-артиста, запятнавшего себя этим недостойным римского гражданина и тем более верховного правителя увлечением, прочно вошел в античную традицию. Этот образ встречается в сатирах Ювенала:

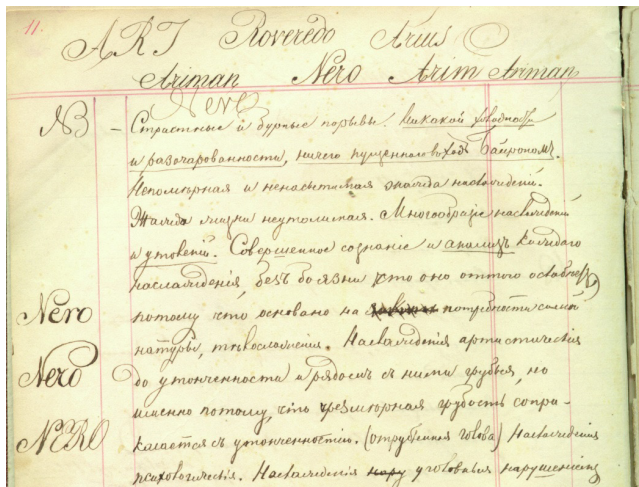
За какое из дел, совершенных Нероном
 В годы его свирепств, кровавой его тирании,
 Больше должны были мстить Вергиний и с Виндексом Гальба?
 Что за деяния, что за художества в цезарском роде:
 Радость позора от скверного пенья на чуждых подмостках,
 Данная греками честь — заслужить венки из петрушки!
 (Juv., III, 8, 221–226).

Рассказы о Нероне-артисте приводит и историк III в. Дион Кассий. Он называет постыднейшим участие Нерона в состязании кифаредов в 66 г. (Dio Cass., LXIII, 1.1) и рассказывает о презрении к императору-актеру даже у римского вассала Тиридата I Армянского (Dio Cass., LXIII, 6.3–6). Дион Кассий сообщает, что вместо славного похода в Эфиопию или к Каспийским воротам Нерон поехал в Грецию «затем лишь, чтобы править колесницей,

петь под кифару, выступать глашатаем и лицедействовать в трагедиях», что делало императора посмешищем (Dio Cass., LXIII, 8.1–2; 9.1; 9.3). У поздних античных авторов тоже находим образ императора-актера: «Он выступал перед публикой как певец по греческому образцу на соискание венка», — пишет Аврелий Виктор (Aur. Vict. De caes., 5.5). «Он подверг себя такому бесчестию, что плясал и пел на сцене кифаредом и трагическим актером», — указывает Евтропий (Eutr. Brev., 14.2).

Сложно утверждать с полной уверенностью, что Ф. М. Достоевский был знаком с каждым из процитированных выше текстов античных авторов³, однако он наверняка читал опубликованные в 1862 г. лекции Т. Н. Грановского, посвященные правлению династии Юлиев-Клавдиев, к которой принадлежал Нерон⁴. Грановский характеризовал императора Нерона как юношу превосходно образованного, даже артиста, хорошего музыканта, имеющего драматический талант, отмечая вместе с тем: «...Именно в этих притязаниях на художества и обнаружилась дурная сторона его характера: зависть и ненависть к людям, которые превосходили его своим талантом. С какою-то психологической постепенностью раскрывается этот характер. <...> Последние слова его были: qualis artifex pereo»⁵.

По-видимому, колоритный образ императора-актера прочно завладел мыслями Ф. М. Достоевского в период ведения записей рассматриваемой нами тетради. На полях страницы 11, слева от текста, трижды каллиграфически выписано в столбик: «Nero Nero Nero». Кроме того, наверху над текстом имя «Nero» написано еще два раза (см. Илл. 2).

Илл. 2. Фрагмент страницы записной тетради Достоевского (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 11)

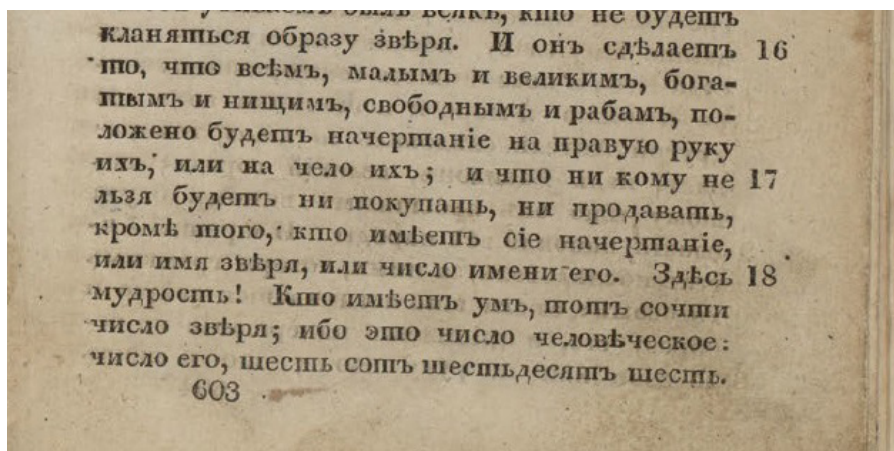
Fig. 2. Fragment of a Page in Dostoevsky's Notebook (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 11)

Но только ли Нерон-артист («Nero (артист)») был предметом размышлений писателя? На наш взгляд, имя Нерона могло ассоциироваться у Достоевского не только с актерскими пристрастиями императора, но и с первыми крупными гонениями на христиан, произошедшими по приказу Нерона в 64 г. после катастрофического пожара в Риме. Светоний пишет об этом кратко, без привязки к конкретному году или событию, при перечислении мероприятий по обеспечению порядка в столице: «...Наказаны христиане, приверженцы нового и зловредного суеверия» (Suet. Nero, 16.2). Более подробное описание находим у Тацита: «...Ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его (Нерона. — Е. С.) молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. <...> Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения» (Tac. Ann., XV, 44. 2–3; 44.6).

Оставляя за рамками статьи дискуссию об аутентичности данного фрагмента в «Анналах» Тацита и вопрос о причинах и адекватности оценок, данных христианам римским историком⁶, считаем необходимым подчеркнуть следующее: в Российской империи XIX в. роль Нерона как первого гонителя последователей Христа была «общим местом» во всех школьных учебниках по древней истории. Вот как повествует о гонении на христиан при Нероне учебник И. К. Кайданова, один из основных рекомендованных для использования учебников вплоть до конца 1840-х гг.: «Нерон воздвигнул гонение на Христиан. Сие обстоятельство незабвенно для нас в том отношении, что с сего времени начинается ряд Мучеников, тех Христианских героев обоего пола и всякого возраста, коих страданиями и смертью запечатлены на веки истины Евангелия»⁷. Именно по этому учебнику учился Ф. М. Достоевский, если судить по недавно введенному в оборот «Учебному отчету Главного инженерного училища» за курс 1838 г. (см.: [Маскевич, Тихомиров: 66, 68]). В лекциях Т. Н. Грановского сюжет об антихристианских гонениях также не обходится стороной: «Вам известно гонение, поднятое на христиан, еще непонятных, еще новых в римском мире. <...> В первый раз христиане обратили на себя большое внимание, когда Нерон воздвиг на них большое гонение. Поводом к гонению был пожар в Риме <...> Меры наказаний, какие постигли христиан, были достойны жестокого характера императора. Нерон дал народу праздник. Ночью сады были освещены странным образом: христиане, прикованные к столбам, были обвернуты горячими веществами и зажжены по приказанию Нерона»⁸. Свидетельством того, что Достоевскому было хорошо известно, какая зловеющая роль принадлежит Нерону в истории раннего христианства, являются

строки из «Петербургских сновидений в стихах и прозе»: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона <...> и проч., и проч.» (ДЗ0; 19: 70).

Рискнем обратить внимание еще на одну весьма интересную деталь, связанную с образом Нерона, но уже не в античной традиции, а в христианской. Некоторые раннехристианские авторы усматривали в Нероне антихриста и апокалиптического зверя из бездны, отмеченного числом 666 [Кнабе: 514], о котором упоминается в «Откровении» Иоанна: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. 13: 18) (см. Илл. 3).

Илл. 3. Евангелие Достоевского. С. 603 (фрагмент из «Откровения» Иоанна)

Fig. 3. Dostoevsky's Gospel (a Fragment from the Revelation of St. John)

Достоевский, выходец из семьи священнослужителей, вряд ли не был знаком с различными (от Ириней Лионского и Ипполита Римского до Лактанция, Коммодиана, Викторина, Иеронима Стридонского и Августина Блаженного [Деревенский, 2007: 79–81, 86, 97, 332–338]) раннехристианскими версиями толкования «числа зверя», в которых заметное место принадлежит императору Нерону.

Следует отметить, что рассуждения о значении числа зверя получили в общественной мысли Российской империи очень широкое распространение во время Отечественной войны 1812 г., когда чертами антихриста как воплощения сил зла был наделен Наполеон Бонапарт [Каменев: 17–20] и поиском совпадений сюжетов «Апокалипсиса» и кампании 1812 г. были наполнены мемуары, частные письма и литературные произведения [Бокова: 81–82]. Любопытно в этой связи письмо дерптского профессора библейской экзегетики и восточных языков Вильгельма Гецеля М. Б. Барклаю-де-Толли от 11 июня 1812 г., где Гецель приводит свои исчисления, согласно которым

в «Откровении» Иоанна написано про падение Наполеона в 1812 г. На основе расчетов, в которых каждой букве французского алфавита соответствует определенное число («десятью первых букв означаются единицы, а прочими десятки»⁹), он уверяет: «Итак, Наполеон есть тот зверь, который в Апокалипсисе числом 666 означается и коего веку славы предел положен числом 42-мя, ибо в нынешнем году число лет его от роду есть точно 42»¹⁰, — и пишет: «Таковое уверение может произведено быть в действо <...> если полковые священники благоразумно провозгласят оно»¹¹.

Интерес к мистическим расчетам, по всей видимости, не утихал в российском обществе и после войны 1812 г. По крайней мере, в десятой главе поэмы Гоголя «Мертвые души», первый том которой был опубликован в 1842 г., описывается появившийся неведь откуда пророк «в лаптях и нагольном тулупе», возвестивший, что Наполеон-антихрист еще разорвет цепи и овладеет миром: «Долго еще <...> купцы, — читаем у Гоголя, — отправляясь в трактир запивать их чаем, поговаривали об антихристе. Многие из чиновников и благородного дворянства тоже невольно подумывали об этом и, зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было составлено слово Наполеон, какое-то особенное значение; многие даже открыли в нем апокалипсические цифры»¹². Толстовский Пьер Безухов следовал в своих исчислениях на основе восемнадцатого стиха тринадцатой главы «Апокалипсиса» тем же веяниям¹³.

Но не только в художественной литературе можно найти упоминания об увлечении мистической математикой. В 1859 г. начала издаваться «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам» генерал-майора М. И. Богдановича, в которой автор, желая предоставить читателю «ясное понятие о духе русского народа», указывает: «Открылось обширное поприще воображению <...> В самом имени Наполеона, переложеном в цифры, по еврейскому исчислению, мнили отыскать зверя (Антихриста), означенного в Апокалипсисе числом 666»¹⁴.

Мы не случайно остановились столь подробно на увлечении мистической математикой в различных слоях российского общества 1810–1860-х гг. и его отражении в литературе. Коль скоро сюжеты про использование гематрии (метода анализа смысла слов и фраз на основе числовых значений входящих в них букв) проникают на страницы литературных и исторических произведений, значит, она действительно была весьма распространенным явлением и была знакома и Достоевскому. Однако какова связь между этим наблюдением, представлением о Нероне как антихристе в раннехристианских сочинениях и анализируемым наброском?

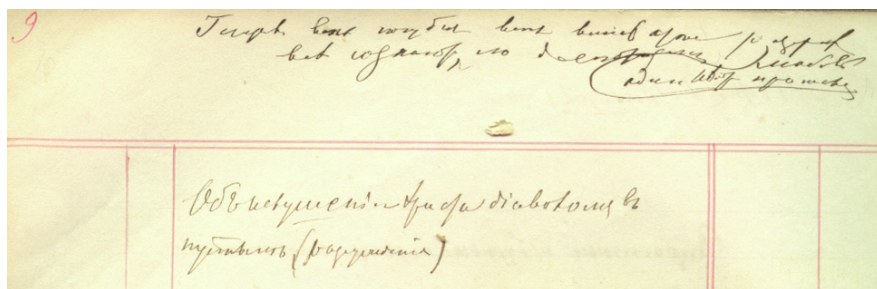
На наш взгляд, популярность гематрии применительно к персонажам современности (на примере Наполеона Бонапарта) могла в какой-то степени способствовать актуализации интереса и к древним подсчетам, связанным с именем Нерона. Дополнительным стимулом интереса к Нерону могло стать

сочинение Франца Фердинанда Бенари, опубликованное в 1836 г., в котором была выдвинута гипотеза, что число зверя шестьсот шестьдесят шесть есть сумма цифровых значений еврейских букв, которые образуют слова «Нерон кесарь»¹⁵. Эта же догадка почти одновременно была выдвинута немецкими экзегетами Ф. Гитцигом и Э. Ройссом [Мень: 120]. Тем самым в середине XIX в. фигура Нерона вновь оказалась в эпицентре дискуссий о значении апокалиптического числа. Работа Бенари не могла пройти незамеченной¹⁶, поскольку в названии ее делался акцент на различных вариантах значения числа зверя — каноническом 666 и отвергнутом еще в раннехристианское время 616. И может быть, именно в связи с этими дискуссиями появляется в «Идиоте» мотив толкования «Апокалипсиса» и фигура Лебедева, который сам себя именует «профессором Антихриста»¹⁷: «Да-с. Я же в толковании Апокалипсиса силен и толкую пятнадцатый год. <...> Его высокопревосходительство, Нил Алексеевич, третьего года, перед Святой, прослышали, — когда я еще служил у них в департаменте, — и нарочно потребовали меня из дежурной к себе в кабинет чрез Петра Захарыча, и спросили наедине: “Правда ли, что ты профессор антихриста?” И не потаил: “Аз есмь, говорю”, и изложил, и представил, и страха не смягчил, но еще мысленно, развернув аллегорический свиток, усилил и цифры подвел. И усмехались, но на цифрах и на подобию стали дрожать, и книгу просили закрыть, и уйти...» (ДЗ0; 8: 167–168).

Как видим, в персонаже, обозначенном в анализируемом нами наброске как «Nero (артист)», кроется как минимум три эмоционально насыщенных составляющих образа императора Нерона — не только артиста, но первого в истории гонителя христиан и потенциального антихриста¹⁸. Каждая из этих составляющих в отдельности и их совокупность была легко узнаваема в той аудитории, к которой обращался Достоевский в своих произведениях, и легко могла стать прототипом художественного героя или исходной точкой для проработки характерных черт портрета антигероя.

В контексте трех ипостасей образа Нерона обратимся снова к вопросу о «положении в тетради» наброска на странице 10 и рассмотрим еще раз соседние с этой страницей записи. Нам представляется крайне важным обстоятельство, подчеркнутое Б. Н. Тихомировым, что на предыдущей, девятой странице, причем на одном развороте¹⁹ с рассматриваемым нами наброском, расположена запись «Об искушении Христа диаволом в пустыне (рассуждения)» (см. *Илл. 4*), которая к тому же написана сходными с записями на с. 10 чернилами [Тихомиров, 2017: 5]. Очень важным, на наш взгляд, моментом является то, что запись «Об искушении Христа диаволом» повторяется в записных тетрадах Достоевского и позднее, например, в подготовительных материалах к роману «Идиот» (ДЗ0; 9: 184), как и знаменитая заметка на полях «Князь Христос» (ДЗ0; 9: 246).

Илл. 4. РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 9 (фрагмент)

Fig. 4. The Russian State Archive of Literature and Arts
F. 212.1.5. P. 9 (Fragment)

Десятая страница анализируемого нами наброска открывается, как уже отмечалось ранее, перечнем из шести персонажей (см. Илл. 1), и на втором месте стоит Нерон, имя которого связано с гонениями на христиан и раннехристианскими представлениями об антихристе. На этой же странице в тексте, состоящем всего из двенадцати строк, обнаруживается как минимум пять переключек в мотивах с записями, относящимися к ранней редакции «Идиота» (подробнее см.: [Тихомиров, 2017: 7]). Дополнительным мотивом, как нам представляется, можно считать уточнение «артист» рядом с именем Нерона, поскольку здесь, возможно, берут начало размышления Достоевского об отличительных чертах образа главного героя «Идиота», одной из которых станет его художественная, артистическая способность выразить в начертании букв характер человека (*Д30*; 8: 29–30²⁰) — полная противоположность тщеславному актерству Нерона, несущему гибель и не имеющему ничего общего с настоящим искусством²¹.

Следующая, одиннадцатая, страница содержит пять каллиграфических записей имени Нерона на латинском языке, все они имеют разное начертание (см. Илл. 2). Три раза имя «Nero» выведено на полях слева рядом с текстом: «...Потому что основано на [завѣтъ] потребности самой природы, тѣлосложенія. Наслажденія артистическія до утонченности и рядомъ съ ними грубыя, но именно потому, что чрезмѣрная грубость соприкасается съ утонченностію. (отрубленная голова)²²» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 11).

На наш взгляд, к этим каллиграфическим записям имени Нерона вполне применимо наблюдение К. Баршта: «...словесно-графические композиции писателя не “эквиваленты” художественного слова (и потому ни в коем случае не “иллюстрации”), но лишь его временные “заместители” на тот момент, когда настоящее художественное слово еще не созрело» [Баршт, 2000: 127]. Мы согласны с выводом о том, что каллиграфия Достоевского — отнюдь не простые прописи, но целый мир ассоциаций, служащий основой для построений художественных образов [Баршт, 1986: 309],

особая форма творческой автокоммуникации [Баршт, 2018: 4–6]. Мы полагаем, что каллиграфические записи имени Нерона можно расценивать как начало глубоких размышлений над возникшими образами героев, одним из которых станет князь Мышкин — положительно прекрасный человек, полная противоположность антихристу, воплощение качеств христианской любви, перечисленных в «Первом послании к коринфянам» (1 Кор. 13: 4–8)²³: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Осмелимся утверждать, что имя Нерона появляется неоднократно на страницах записных тетрадей Достоевского с твердо установленными набросками к «Идиоту» (см.: РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 128; Ф. 212.1.7. С. 103) совсем не случайно: образ этого императора как воплощение самых отрицательных и антихристианских качеств мог стать источником поиска способов изображения положительно прекрасных, согласных с заповедями Христа, черт в образе князя Мышкина²⁴, в его характере, поступках и отношениях с другими персонажами. Важно подчеркнуть, что в рабочей тетради 1868–1869 гг. каллиграфия имени Нерона появляется на одном развороте со знаменитой записью: «Князь Христос» (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 102). Таким образом, фигура Нерона, впервые возникшая в записной тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг. на одном развороте с размышлениями о Христе, сопровождает писателя и дальше, вновь появляясь на одном развороте с рефлексиями о Христе в подготовительных материалах к «Идиоту» 1868 г. и оставляя неоднократный след в каллиграфиях.

Наличие персонажа «Nero (артист)» в наброске под условным названием «Ростовщик» имеет большое значение для решения дискуссионной проблемы его атрибуции. Персонаж «Nero (артист)», возникший на основе знаний и представлений писателя об императоре Нероне, должен рассматриваться как образ, имеющий три составляющих: не только Нерон-артист, но и Нерон-гонитель христиан, и Нерон-антихрист. Этот образ обнаруживает плотную сеть связей с подготовительными материалами к ранней редакции романа «Идиот», дополняя тем самым совокупность аргументов относительно записей, персонажей, мотивов и прототипов в указанном наброске, предложенных Б. Н. Тихомировым, и подтверждая его теорию о том, что набросок в записной тетради 1864–1867 гг., получивший название «Ростовщик», не является самостоятельным неосуществленным замыслом писателя, а должен рассматриваться в рамках творческой истории романа «Идиот», ее начального этапа.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.
- 1 См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 5. С. 320–321. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с сокращением *ДЗ0* и указанием тома, полутома (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
  - 2 См. внешний вид и подробное описание монеты на сайте «История Древнего Рима» [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/ac/coin.htm?id=227> (09.01.2020).
  - 3 Об интересе Достоевского к античным авторам свидетельствует, например, одно из его писем к брату 1854 г., в котором писатель просит прислать «европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита (так у Достоевского. — Е. С.), Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски)» (*ДЗ0*; 28₁: 179). В библиотеке Достоевского зафиксированы сочинения Тацита в переводах на русский и французский языки [Библиотека: 44, 245].
  - 4 Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. Глава IV. Август. Тиверий. Калигула. Клавдий. Нерон // *Время*. 1862. № 6. С. 75–98. Об оценках личности и творчества Т. Н. Грановского современниками см.: Кудрявцев П. Известие о литературных трудах Грановского // Грановский Т. Н. Сочинения. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 1–11; Никольский В. Тимофей Николаевич Грановский // Грановский Т. Н. Полн. собр. соч.: в 2 т. СПб.: Изд. М. Ф. Мертца, 1905. Т. 1. С. III–XII.
  - 5 Цит. по: Грановский Т. Н. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. С. 340, 344. «Qualis artifex pareo» (Suet. Nero, 49.1, лат.) — «Какой великий артист погибает!» (Светоний. Нерон, 49.1, пер. М. Л. Гаспарова).
  - 6 Подробнее см.: [Деревенский, 2017: 83–86].
  - 7 Кайданов И. К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Часть 1. Древняя история. Изд. 4-е. СПб., 1831. С. 173.
  - 8 Грановский Т. Н. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. С. 342, 343.
  - 9 Писарская копия Штаба 1-ой Армии. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3572. Л. 39 // Соломин Б. Три ипостаси одного письма. Наполеон и занимательная нумерология [Электронный ресурс]. URL: <https://statehistory.ru/5561/Tri-ipostasi-odnogo-pisma--Napoleon-i-zanimatelnaya-numerologiya/> (09.01.2020)
  - 10 Там же. Л. 39 об.
  - 11 Там же. Л. 38.
  - 12 Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. С. 206–207.
  - 13 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1940. Т. 11. С. 78–79.
  - 14 Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам: в 3 т. СПб.: Типография торгового дома С. Струговщикова, Н. Похитонова, Г. Водова и К^о, 1859. Т. 1. С. 92.
  - 15 Benary F. Erklärung der Zahl 666 (χξς) in der Apocalypse (13:18) und ihrer Variante 616 (χις) // *Zeitschrift für spekulative Theologie*. Berlin: Ferdinand Dümmler, 1836. Bd. 1. Erstes Heft. S. 205–206. В библиологическом словаре А. Меня ошибочно указан 1841 г. как год выхода работы [Мень: 120].
  - 16 См., например, перевод на английский язык: Benary F. Interpretation of the number 666 (χξς) in the Apocalypse (13:18) and the Various Reading 616 (χις) / transl. by Henry Boynton Smith // *Bibliotheca Sacra and Theological Review*. London: Wiley and Putnam, 1844. Vol. 1. Issue 1. P. 84–86.

- 17 См. об этом: [Тихомиров, 2006: 488–491].
- 18 Рискнем предположить, что три каллиграфических записи имени Нерон, выполненные на полях с. 11, могут отражать три линии ассоциаций с образом императора Нерона (артист, гонитель христиан, антихрист) в творческих размышлениях Ф. М. Достоевского.
- 19 Страницы 9 и 10 оказались на одном развороте оттого, что страница 5 в анализируемой записной тетради (РГАЛИ. Ф. 212.1.5) ошибочно проставлена дважды, в результате чего произошло смещение привычного порядка расположения страниц.
- 20 Примечательно в этой связи обращение генерала Епанчина к Мышкину: «— Ого! да в какие вы тонкости заходите, — смеялся генерал, — да вы, батюшка, не просто каллиграф, вы артист, а?» (*Д30*; 8: 30).
- 21 Отметим наблюдение, высказанное более века назад А. Волынским, относительно единственного таланта Мышкина — таланта каллиграфа: «...Достоевский бесподобно поэтически, глубоко художественным мазком вдруг показывает нам его в его способности сродняться со всякими человеческими индивидуальностями. <...> он умеет писать различными почерками новых и старых времен, почерками определенных людей и характеров, как бы сливаясь во всех деталях и оттенках с тем, что живет и жило на земле. Нельзя себе представить более легкого и в то же время трогательно-глубокого намека на мировые свойства души Мышкина...» [Волынский: 56].
- 22 Интересно, что мотив оторванной (отрубленной) головы возникнет вновь в следующей записной тетради (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 28–29), записи которой трактуются как подготовительные материалы к роману «Идиот» (*Д30*; 9: 183).
- 23 В связи с этим нам представляется несколько упрощенным следующий комментарий К. А. Баршта к каллиграфии «Nero»: «черты его (Нерона. — Е. С.) характера были использованы Достоевским при строительстве образа персонажа, одержимого “страстными и бурными порывами”» [Баршт, 2018: 22].
- 24 О некоторых из этих черт см.: [Захаров: 279–282].

Список литературы

1. Баршт К. А. Графика в черновиках Ф. М. Достоевского и словесно-графические виды искусства // Русская литература и зарубежное искусство. — Л.: Наука, 1986. — С. 306–316.
2. Баршт К. А. Языки творческой рукописи Ф. М. Достоевского // Языки рукописей. — СПб.: [б. и.], 2000. — С. 122–146.
3. Баршт К. А. Каллиграфическое письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и Наказание» // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 3. — С. 3–45 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979428.pdf (09.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3641
4. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, науч. описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
5. Бокова В. М. Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX века // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — Т. 4: Общественная мысль. — С. 17–152.
6. Волынский А. Л. Достоевский. — СПб.: Энергия, 1906. — 501 с.
7. Деревенский Б. Г. Книга об Антихристе: [антология]. — СПб.: Амфора, 2007. — 653 с.
8. Деревенский Б. Г. Иисус Христос в документах истории. — СПб.: Алетейя, 2017. — 577 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.

10. Загидулина М. В. <Ростовщик> // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 333–334.
11. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
12. Каменев Е. В. Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. — 67 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/kamenev/kateg_mirovozzr_russk_oficerstv_epohi_napol_voin/total.pdf (09.01.2020).
13. Кнабе Г. С. Нерон и неронизм // Кнабе Г. С. Избранные труды. Теория и история культуры. — М.; СПб.: Летний сад; РОССПЭН, 2006. — С. 500–514.
14. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы к биографии 1837–1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 56–93 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (09.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981
15. Мень А. Библиологический словарь: в 3 т. — М.: Фонд им. А. Меня, 2002. — Т. 1. А–И. — 605 с.
16. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. — СПб., 2006. — 567 с.
17. Тихомиров Б. Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф. М. Достоевского // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2010. — № 1 (58). — С. 101–115.
18. Тихомиров Б. Н. Был ли у Достоевского неосуществленный замысел под названием «Ростовщик»? // Неизвестный Достоевский. — 2017. — № 3. — С. 3–15 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1508167445.pdf (09.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3241

Ekaterina L. Smirnova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

esmirnova@petrsu.ru

“Nero (Artist)” in F. M. Dostoevsky’s Workbook of 1864–1867

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

Abstract. The article examines the problem of attribution of an essay from F. M. Dostoevsky’s workbook of 1864–1867 (Russian State Archive of Literature and Art. Fund 212.1.5. p. 10), titled “The Usurer”. The novelty of the study is in that Nero (the artist), a character who emerged from the writer’s knowledge and concept of Emperor Nero, for the first time becomes the subject of detailed analysis. Based on the evidence from the classical and early Christian writers, as well as on scientific and literary works written during Dostoevsky’s lifetime, the author makes an argument for Nero’s figure to be considered a junction of at least three elements. He is not merely Nero-the-artist, but also Nero-the-persecutor of Christians and Nero-the Antichrist. This image reveals a ramified network of extensive ties with the preparatory materials for an early draft of “The Idiot”. Thus, it augments the aggregate of B. N. Tikhomirov’s arguments regarding other records, characters, motifs and prototypes in this essay. It also support his theory regarding “The Usurer”, which states that it is not the author’s independent and unexecuted idea, but, rather, should be examined in the framework of the creative history of “The Idiot”, specifically, its initial stage.

Keywords: Dostoevsky, textual criticism, attribution, prototypes, historical context, antiquity, calligraphy, “The Idiot”

About the author: *Smirnova Ekaterina L.* — PhD in History, Associate Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation)

Received: January 10, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Smirnova E. L. “Nero (Artist)” in F. M. Dostoevsky’s Notebook of 1864–1867. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 118–132. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441 (In Russ.)

References

1. Barsht K. A. Graphics in Draft Copies by F. M. Dostoevsky and Verbal-Graphic Forms of Art. In: *Russkaya literatura i zarubezhnoe iskusstvo [Russian Literature and Foreign Art]*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 306–316. (In Russ.)
2. Barsht K. A. The Languages of the Original Manuscript of F. M. Dostoevsky. In: *Yazyki rukopisey [Manuscript Languages]*. St. Petersburg, 2000, pp. 122–146. (In Russ.)
3. Barsht K. A. The Calligraphy of Fedor Dostoevsky in His Manuscripts to the Novel “Crime and Punishment”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 3–45. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979428.pdf (accessed on January 09, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3641 (In Russ.)
4. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii, nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky’s Library: The Experiment of Reconstruction, Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
5. Bokova V. M. The Restless Spirit of the Times. Social Thought of the First Third of the 19th Century. In: *Ocherki russkoy kul’tury XIX veka: v 6 tomakh [Essays on Russian Culture of the 19th Century: in 6 Vols]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2003, vol. 4, pp. 17–152. (In Russ.)
6. Volynskiy A. L. *Dostoevsky*. St. Petersburg, Energiya Publ., 1906. 501 p. (In Russ.)
7. Derevenskiy B. G. *Kniga ob Antikhriste [Book of the Antichrist]*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2007. 653 p. (In Russ.)
8. Derevenskiy B. G. *Iisus Khristos v dokumentakh istorii [Jesus Christ in the Documents of History]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2017. 577 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Zagidullina M. V. The Usurer. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis’ma, dokumenty: slovar’-spravochnik [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Dictionary–Reference Book]*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 333–334. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author’s Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
12. Kamenev E. V. *Kategorii mirovozzreniya russkogo ofitserstva epokhi napoleonovskikh voyn [Worldview Categories of Russian Officers During the Napoleonic Wars]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2017. 67 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/kamenev/kateg_mirovozzr_russk_oficerstv_epohi_napol_voin/total.pdf (accessed on January 09, 2020). (In Russ.)
13. Knabe G. S. Nero and Neronism. In: *Knabe G. S. Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul’tury [Knabe G. S. Selected Works. Theory and History of Culture]*. Moscow, St. Petersburg, Letniy sad Publ., ROSSPEN Publ., 2006, pp. 500–514. (In Russ.)
14. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837–1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 56–93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (accessed on January 09, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981 (In Russ.)

15. Men' A. *Bibliologicheskii slovar': v 3 tomakh* [Bibliological Dictionary: in 3 Vols]. Moscow, A. Men's Fund Publ., 2002, vol. 1. 605 p. (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. *Religioznye aspekty tvorchestva F. M. Dostoevskogo. Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Religious Aspects of the Work of F. M. Dostoevsky. Problems of Interpretation, Commenting, Textology. PhD philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 567 p. (In Russ.)
17. Tikhomirov B. N. Challenges in Publishing the Notebooks and Copybooks of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Foundation for Humanities], 2010, no. 1 (58), pp. 101–115. (In Russ.)
18. Tikhomirov B. N. Did Dostoevsky Have an Unrealized Intension Known as “The Usurer”? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2017, no. 3, pp. 3–15. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1508167445.pdf (accessed on January 09, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3241 (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381

УДК 82.161.1.09"18"

Ю. Н. Сытина*Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)*

yulyasytina@yandex.ru

Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского*

Аннотация. Вторая часть романа Ф. М. Достоевского «Идиот» включает эпизод чтения клеветнической статьи против Мышкина, написанной в защиту «сына Павлищева». В данной работе выдвигается гипотеза, что одним из источников этой статьи мог послужить опубликованный в эмигрантском издании «Будущность» пасквиль П. В. Долгорукова «Министр Ланской», содержащий обширное примечание о В. Ф. Одоевском. То, что личность и взгляды Одоевского вызывали симпатию и интерес у Достоевского, в том числе во время работы над романом «Идиот», делают эту гипотезу небеспопеченной. Подкрепляют ее схожие мотивы и приемы в текстах статей: «авторская» позиция; гиперболизация или сатирическое приписывание высмеиваемым общих черт (глупости, ничемности, расточительности, порочности, безнаказанности, слабости к женскому полу, увлеченности европейским миром); искажение и перевертывание фактов; не столько идеологическая, сколько личная причина пасквиля; цитирование И. А. Крылова и А. С. Грибоедова и др. Однако противоположность реакции Мышкина и Одоевского на пасквиль позволяет говорить и о существенных различиях между героем и его возможным прототипом. Статья П. В. Долгорукова «Министр Ланской» публикуется в качестве приложения к статье.

Ключевые слова: прототип, пародия, пасквиль, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, П. В. Долгоруков, «Идиот», «Будущность», эмигрантская пресса

Об авторе: *Сытина Юлия Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005)

Дата поступления: 09.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Сытина Ю. Н. Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 133–155. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381

Называя возможных прототипов князя Мышкина, исследователи неизменно упоминают писателя, философа, государственного деятеля князя Владимира Федоровича Одоевского. Они отмечают жизненные и личностные совпадения в образах героя и прототипа, которые «обнаруживают себя на всех уровнях: в чертах внешности, деталях биографии, во взглядах Одоевского по самым разнообразным проблемам, переосмысленных Достоевским и преломившихся в его романе» [Левина: 139] (см. также: [Викторович], [Баталова], [Назиров, 1982])¹.

Вместе с тем в рамках рассуждений об Одоевском как о прототипе Мышкина внимание исследователей не привлекал эпизод чтения статьи Келлера о «сыне Павлищева» из второй части романа «Идиот». Эту статью, обнаруженную в одной еженедельной газете «из юмористических»², принято воспринимать как «пародию на статьи, помещавшиеся в “Искре”, в отделе “Нам пишут”»³ [Фридендер: 392]. Эпиграмма же, которой оканчивается статья, — это пародия Достоевского на «выпад» против него самого, а именно: на «детскую сказку в стихах» М. Е. Салтыкова-Щедрина «Самонадеянный Федя», опубликованную в «Свистке» (№ 9 за 1863 год) (см. подробнее: [Строганова]). Исследователи усматривают в статье «намек на теорию “разумного эгоизма” в интерпретации Чернышевского и других шестидесятников» [Фридендер: 393]. По мнению С. А. Кибальника, сопоставившего теории П.-Ж. Прудона и М. Штирнера со взглядами «Бурдовского и К^о», в лозунгах последних «звучат мотивы не столько философского позитивизма, сколько анархизма» [Кибальник: 58].

Изучение биографии Одоевского дает возможность выдвинуть гипотезу о существовании еще одного возможного прототекста этой статьи в романе — «источника» не столько в философском или идеологическом, сколько в жизненно-типологическом плане. Не только в романе на Мышкина пишут пасквиль — подобный эпизод был и в жизни Одоевского, о чем, по всей вероятности, могло быть известно Достоевскому.

В 1860 г. в периодическом эмигрантском (Лейпциг, Германия) издании князя П. В. Долгорукова «Будущность» (1860–1861) — в первом же (сентябрьском) номере — появилась статья «Министр Ланской», в которую вошло примечание об Одоевском как о муже сестры Сергея Степановича Ланского — Ольги Степановны. Как явствует из дневника Одоевского, ему стало известно об этой статье 20 ноября 1860 г. Почти сразу же в его руки попала и сама заметка⁴. Именно в это время, о чем свидетельствует тот же дневник, Одоевский принимает горячее участие в судьбе Ап. Григорьева. Так, 28 декабря он лично встречается с М. М. Достоевским и просит того помочь Ап. Григорьеву. Возможно, именно эта встреча повлияла на приглашение последнего к сотрудничеству в журнале братьев Достоевских «Время». В дневнике, описывая свои встречи с Ап. Григорьевым, Одоевский упомянул, что старался «утешить» критика, жаловавшегося на дурные отзывы о нем в прессе, рассказами про статью П. В. Долгорукова о нем самом.

Последующее тесное сотрудничество Ф. М. Достоевского с Ап. Григорьевым и его обостренное внимание к современной публицистике, в том числе к эмигрантской прессе, дают повод предположить, что статья из «Будущности» могла быть ему известна.

Илл. 1. Фрагмент титульной страницы русскоязычной газеты "Будущность", издававшейся в Лейпциге

Fig. 1. A Fragment of the Title Page of the *Buduschnost* Russian-Language Newspaper, Published in Leipzig

Тот факт, что Ф. М. Достоевский интересовался Одоевским в это время, подтверждается его перепиской с Ф. Н. Бергом. Корреспонденты обсуждали критический отзыв последнего о статье Одоевского «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро», опубликованной в «Сельском чтении». Она, как и ряд других статей и сказок Одоевского, была адресована крестьянским детям⁵ и написана простым, но проникновенным языком. На этот раз главным наставлением крестьянина Наума стало поучение о важности соблюдать установления Церкви и усердно молиться, причем «не об одном себе», но «за всех человек, за Царей и всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и честности»⁶. Из переписки Достоевского и Берга не явствует, что именно не понравилось критику в «наставлении» Наума, но Достоевский (если и согласился в чем-то с отзывом Берга) в целом отверг его критику, не напечатав во «Времени». В письме от 12 июля 1861 г. он объяснил свою позицию так:

«Положим, Вы правы: но книга составлена была честнейшим человеком и, главное, замечательнейшим деятелем во время всеобщего гнета над литературой, принесшим ей много пользы и многим ей пожертвовавшим. <...> К чему же огорчать человека (Одоевского. — Ю. С.), которого все

уважают и про которого во всю *честную* жизнь его никто не сказал ничего дурного, а даже совершенно напротив» (*Достоевский*, 28, 18)⁷.

Этот отклик Достоевского появился уже после выхода публикации Долгорукова в «Будущности». Выделенные писателем слова «*все*» и «*честную*», по нашему предположению, свидетельствуют о стремлении Достоевского показать свое негативное отношение к явной клевете Долгорукова (вероятно, известной и Бергу). Акцентуация слов «*все*» и «*честную*», не вполне понятная сама по себе, становится ясной в свете скрытой полемики с Долгоруковым. Знакомство с явно несправедливым пасквилем на Одоевского могло усилить у Достоевского желание защитить личность старшего писателя от нападков или критики.

Рискнем выдвинуть гипотезу, что пасквиль П. В. Долгорукова, посвященный Одоевскому, мог послужить прообразом эпизода с клеветнической статьей о Мышкине в «Идиоте». Конечно, было немало других возможных источников, на которые мог так или иначе пародийно откликнуться Достоевский — мастер журнальной полемики, которая была «исполнена сарказма и иронии, насыщена обличениями и разоблачениями» [Захаров: 21], успешно использовавший «журнализм» в романах (см.: [Шаулов]). Но то, что фигура Одоевского «живо присутствовала в сознании писателя непосредственно во время работы над романом» [Левина: 151], как представляется, делает эту гипотезу небеспочвенной.

Подтверждают ее также те совпадения и переклички, которые обнаруживаются при анализе текстов Долгорукова (причем не только примечания, посвященного Одоевскому, но всей статьи «Министр Ланской») и статьи из «Идиота».

Прежде всего, стоит отметить схожую авторскую⁸ позицию. Публицист выступает как уполномоченный представитель безусловной *истины*, вещает от ее имени, постоянно давая почувствовать собственную непогрешимость — в отличие от обличаемого. Долгоруков занимает такую позицию с первых же строк программной статьи «Будущности», опубликованной перед заметкой о Ланском, полагая одной из своих задач, вопреки царящему в России всеобщему «грабежу» и «произволу» «чиновной орды и тайной полиции»⁹, совершить «разбор указов и действий русского правительства с точки зрения правосудия, просвещения и человечности» (*Долгоруков*, 3). Все последующие его статьи также носят отпечаток подобной «непогрешимости» и осознания собственного «героизма».

У Достоевского статья начинается с характерного (глубоко пародийного в контексте всего романа) лозунга: «*Пролетарии и отпрыски, эпизод из дневных и всedневных грабежей! Прогресс! Реформа! Справедливость!*» (*Достоевский*, 8, 217). В сущности, это тот же, что и у Долгорукова, только более радикальный, призыв с позиции *правды* и *справедливости* выступить против «грабежей». В дальнейшем в статье подчеркивается «благородный характер»

«отчима» Бурдовского, самого «сына Павлищева», который «добывал деньги ежедневным благородным трудом от купеческих уроков и тем содержал себя сначала в гимназии, а потом слушателем полезных ему лекций, имея в виду дальнейшую цель» (*Достоевский*, 8, 220). Благородными чертами наделяется в статье и адвокат — «может быть, и действительно большой мошенник» (*Достоевский*, 8, 234) — обстоятельство, вызвавшее улыбку и недоумение даже у стремящегося всех примирить Мышкина.

Подобная безапелляционная уверенность в собственной правоте и полное презрение ко всем другим мнениям — вообще характерная черта революционной прессы (в «Идиоте» главный автор статьи — Келлер — признается князю: «...все так пишут» (*Достоевский*, 8, 225)), перекочевавшая затем и в послереволюционный советский дискурс (см.: [Есаулов]). В этом смысле, хотя Долгоруков и отмежевывался от революционеров в качестве конституционного монархиста¹⁰, но по стилю был к ним весьма близок.

Лозунг, с которого начинается статья в «Идиоте», перекликается с иными местами у Долгорукова, чья публицистика изобилует восклицательными знаками и риторическими вопросами. В конце статьи о Ланском читаем: «А Россия, для наших сановников, что такое?... Дойная корова! Ей! Господа! Берегитесь и обдумайтесь! Смотрите, чтобы дойная корова вскоре не превратилась для вас в разъяренного быка!» (*Долгоруков*, 8).

Обратимся к «портретам» тех, против кого направлены пасквили. В начале примечания, посвященного Одоевскому, Долгоруков сразу аттестует его как «единственного и весьма жалкого представителя древнего и знаменитого рода» и личность «довольно забавную» (курсив мой. — Ю. С.) (*Долгоруков*, 6). Келлер и соавторы также не преминут подчеркнуть, что «последний в роде барский отпрыск был идиот» (курсив мой. — Ю. С.) (*Достоевский*, 8, 218). И если Одоевского Долгорукий прямо так называть не будет, то в целом портрет окажется близок к подобному почти «медицинскому» определению.

«Биография» Одоевского, как и Мышкина, строится на нанизывании один на другой нескольких «анекдотов». Во втором случае в центре оказывается «странный анекдот с одним из отпрысков миновавшего помещичьего нашего барства» (*Достоевский*, 8, 217), т. е. история с «сыном Павлищева», но ее обрамляют «побочные» весьма «засорные» обстоятельства, изложенные также в виде «анекдотов». В заметке об Одоевском главной точкой «удара», что будет обосновано ниже, становится презрение к нему Пушкина, но эпизод с поэтом окружает целый ряд «анекдотов», должных показать несостоятельность Одоевского как мыслителя, честного чиновника и вообще здравомыслящего человека.

Соотношение Мышкина и Павлищева как покровителя и покровительствуемого по-своему соотносимо с парой министр Ланской и Одоевский, хотя в последнем случае прямо речь о каком-то родственном покровительстве не идет. В обоих парах фокус внимания пасквилянтов в большей степени

сосредоточен на «патронах», но по складу своему они оказываются вполне схожи с «младшими» героями.

Долгоруков нарочито подчеркивает в Ланском расточительность и развращенность («от природы ленивый, беспечный и бестолковый, промотал почти все имение жены и детей своих» (*Долгоруков*, 7)). Сквозными мотивами характеристики министра становятся глупость и никчемность: «При уме самом ограниченном, при характере слабом и трусливом» (*Долгоруков*, 6); Ланской — «чернильница, куда всякий обмакивает перо, чтобы писать всякую чушь» (*Долгоруков*, 8). Глупость подчеркивается и как отличительная черта Одоевского, который «между светскими людьми слывет за литератора, а между литераторами за светского человека», весь исполнен «низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностью ко всему дельному и серьезному» (*Долгоруков*, 6).

Келлер также последовательно акцентирует глупость Мышкина и Павлицева, но делает ее общей чертой «отпрысков, которых еще деды проигрались окончательно на рулетках, отцы принуждены были служить в юнкерах и поручиках и, по обыкновению, умирали под судом за какой-нибудь невинный прочет в казенной сумме, а дети которых, подобно герою нашего рассказа, или растут идиотами, или попадают даже в уголовных делах, за что, впрочем, в видах назидания и исправления, оправдываются присяжными» (*Достоевский*, 8, 217). Полную безнаказанность Ланского как высокопоставленного человека нарочито подчеркивает и Долгоруков.

Мотовство и глупость — главные черты «П.», который «был, по-видимому, один из тех русских лежебок и тунеядцев, что проводили свою праздную жизнь за границей, летом на водах, а зимой в парижском Шато-де-Флёре, где и оставили в свой век необъятные суммы» (*Достоевский*, 8, 218). Как и Ланской, «П.» проматывает свое имение.

Склонны к порокам и покровительствуемые: супруга Одоевского, Ольга Степановна Ланская («женщина крайне честолюбивая»), «перевезла» мужа в Петербург и «приохотила» «к петербургским слабостям и мелким проискам» (*Долгоруков*, 6); о Мышкине же узнаем:

«Около нашего барона в штиблетах, приударившего было за одною известною красавицей-содержанкой, собралась вдруг целая толпа друзей и приятелей, нашлись даже родственники, а пуще всего целые толпы благородных дев, алчущих и жаждущих законного брака, и чего же лучше: аристократ, миллионер, идиот — все качества разом, такого мужа и с фоном не отыщешь, и на заказ не сделаешь!..» (*Достоевский*, 8, 219).

И в том, и в другом случае появляется мотив женского доминирования над глупым «героем». Слабость к прекрасному полу приписывается и «П.», якобы привозившему «из Парижа» для «отпрыска» «гувернанток (без сомнения, хорошеньких)» (*Достоевский*, 8, 218); этот мотив угадывается

и в обрисовке облика Ланского, которого «женили» на «богатой невесте» (Долгоруков, 6). Как резюмирует в дневниковой записи Одоевский «отзыв» Долгорукого о Ланском, тот «проиграл все свое состояние на девицах и румянах» (цит. по: [Щеголев: 466]¹¹).

Еще одна схожая тема в обеих статьях — выпады против Европы и высмеивание героев за счет их «нерусскости». В обоих случаях — и это объединяет «реального» и «выдуманного» авторов — подобные выпады отбрасывают двусмысленную тень на пасквилянтов: находящегося в эмиграции Долгорукова и еще при первом появлении иронически представленного как «западник» Келлера (в этом смысле компрометирует героя сама его фамилия; как «косноязычный или даже иностранец» аттестуется и Бурдовский, хотя он «происхождения совершенно русского» (Достоевский, 8, 133, 215)). Келлер (весьма вероятно, что именно эти фразы «вставлены» «поправлявшим» (Достоевский, 8, 242) слог Лебедевым) ссылкой на Европу указывает на лживость времени: «...век национальности и сотен миллионов, вывозимых каждый год за границу» (Достоевский, 8, 217); в том числе и «П.» оказывается из тех, которые «проводили свою праздную жизнь за границей <...>, где и оставили в свой век необъятные суммы» (Достоевский, 8, 218); глупость Мышкина подчеркивают «штиблеты по-иностранному» и вся поездка в Швейцарию, где он «лечился от идиотизма (sic!)» (Достоевский, 8, 217).

Если «П.» искал для «отпрыска» «ума» в Швейцарии, то Одоевский «усердно изучал немецкую философию», да так, что «при пожаловании своем в камер-юнкера <...> пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков, человек весьма умный, сказал: *вот однако к чему приводит немецкая философия!*» (Долгоруков, 6). Помимо этого Одоевский «производил неудачные химические опыты» (Долгоруков, 6), в чем он вполне мог бы быть «аттестован» и как Шнейдер — «шарлатан порядочный» (Достоевский, 8, 218). Как сообщит уже Мышкин, «замечательным ученым» был Павлицев, и слова в его защиту вполне могли бы быть сказаны об Одоевском:

«...вы называете этого благороднейшего человека сладострастным и легкомысленным так смело, так положительно, как будто вы и в самом деле говорите правду, а между тем это был самый целомудренный человек, какие были на свете! Это был даже замечательный ученый; он был корреспондентом многих уважаемых людей в науке и много денег в помощь науки употребил» (Достоевский, 8, 226).

В обоих случаях факты не просто толкуются самым превратным образом, но сознательно перевираются и даже выдумываются (Одоевский, например, не «кропал плохие стихи» (так как практически не писал стихов) и никогда не служил в юстиции; Мышкин горестно упрекает Келлера за «неправду» о его отце и Павлицеве (Достоевский, 8, 226)).

Достоевский «заставляет» по-своему наивного и даже восторженного Келлера в ответ на увещевания Мышкина изложить свою «эстетическую» программу:

«Резко, хотите сказать? Но ведь тут, так сказать, польза обществу, согласитесь сами, и, наконец, возможно ли пропустить вызывающий случай? Тем хуже виновным, но польза общества прежде всего. Что же касается до некоторых неточностей, так сказать гипербол, то согласитесь и в том, что прежде всего инициатива важна, прежде всего цель и намерение; важен благодетельный пример, а уже потом будем разбирать частные случаи, и, наконец, тут слог, тут, так сказать, юмористическая задача, и, наконец, — все так пишут, согласитесь сами!» (*Достоевский*, 8, 225).

Долгоруков, в отличие от Келлера, считал (по крайней мере, провозглашал), что публикует полную «Правду о России»¹², но своей «правдой» о частных лицах и он полагал принести «пользу обществу». С этой целью Долгоруков составил список из 46 близких к русскому Двору персон, биографические сведения о которых он решил придать гласности (список, как и заметка об Одоевском, был также опубликован в примечании к статье «Министр Ланской»).

Помимо схожей авторской позиции, приемов и мотивов при создании пасквильных портретов, статьи объединяет общая цитация: и Долгоруков, и Келлер обращаются к басням И. А. Крылова и к «Горю от ума» А. С. Грибоедова. Долгоруков называет назначение Ланского на должность министра внутренних дел «пародией басни лягушек, просящих чурбана в цари» (*Долгоруков*, 7). В «Идиоте» же получение Мышкиным наследства сопровождается пассажем:

«...фортуна, убивающая голодною смертью целые губернии, проливает все свои дары разом на аристократика, как крыловская Туча, пронесшаяся над иссохшим полем и разлившаяся над океаном» (*Достоевский*, 8, 219).

Касаясь вопроса о крепостном праве (эта тема поднимается и в статье Долгорукого), Келлер вворачивает слова Чацкого: «...свежо предание, а верится с трудом» (*Достоевский*, 8, 218). Словами этого же героя (хотя и неточными) завершается вся статья Долгорукого о Ланском:

«Он дойдет до степеней известных:

У нас ведь любят бессловесных!»

(*Долгоруков*, 8).

Стихотворные строки приводятся и в самом конце статьи Келлера — здесь это также ссылка на «авторитет» писателя, в данном случае — М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как уже было упомянуто, Достоевский переделывает

эпиграмму сатирика в свой же адрес, тем самым прозрачно намекая на то, кто скрывается за «пером известного юмориста» (*Достоевский*, 8, 225).

Любопытно, что Одоевский, переписав примечание о себе Долгорукова в дневник, также закончит его стихами, но уже в ответ пасквилянту. И если у Долгорукова и «защитников» «сына Павлищева» в стихах подчеркивается бесхарактерность и подлость адресата статей, то Одоевский, напротив, заявляет о чести и готовности дать отпор:

«Я посылаю Петру Долгорукову следующий ответ:

Стихов не писал,
Музыкой не надоедал,
Спины не сгибал,
Честно жил, работал,
Подлецов в рожу бивал» [*Текущая хроника...*]: 117].

Одоевский был так возмущен пасквилем Долгорукова, что не захотел оставить его без ответа, хотя и прекрасно понимал невозможность такой публикации. Сразу после переписанной заметки в дневнике он с горечью размышляет: «Где писать? В наших журналах нельзя, ибо запрещается говорить о запрещенных книгах. За границей? Где? не уж-ли послать в “Колокол”? Странное положение, в которое ставят нас цензурные постановления» [*Текущая хроника...*]: 118].

Одоевский все-таки напишет ответное послание на статью «в одном безграмотном журнале» (цит. по: [Щеголев: 468]), но оно так и не будет опубликовано при его жизни. «Брань такого человека», как Долгоруков, будет объяснять Одоевский в этом ответе, «не стоит даже презрения», но лживый рассказ об его отношениях с А. С. Пушкиным и Д. В. Дашковым требует опровержения¹³. Что касается первого, то «анекдот, выдуманный бесчестным клеветником, и по времени, и по характеру наших отношений с Пушкиным, не мог существовать ни в каком виде и ни при каком случае» [Щеголев: 469]¹⁴. Причину всей заметки о себе Одоевский объясняет так: «Все это вымышлено клеветником <...> потому только, что *после многих его бесчестных и бесчеловечных поступков более или менее тайных совершился один ужасный, в действительности которого уже не было ни малейшего сомнения*, и тогда я запретил этого безнравственного негодяя пускать к себе в переднюю» (цит. по: [Щеголев: 469]).

Весьма вероятно, что подозрение Одоевского справедливо. Долгорукова крайне волновали сильно компрометирующие его слухи о причастности к смерти Пушкина, и он выступал печатно с их опровержением (слухи эти появились именно после издания «Будущности», о чем пишет сам Долгоруков, — имени Одоевского, однако, более не упоминая (см.: [Щеголев: 470–471])). Весьма правдоподобно, что давний пасквилянт поспешил воспользоваться первой же возможностью, чтобы облить грязью человека,

могущего авторитетно¹⁵ подтвердить его причастность к травле и гибели Пушкина. Поэтому так важно было для Долгорукова скомпрометировать Одоевского как философа, писателя, честного чиновника и в особенности как человека близкого Пушкину и могущего знать подробности его личной жизни.

Таким образом, реакция Одоевского на пасквиль была ближе к позиции самого Достоевского, не спускавшего своим оппонентам и клеветникам, чем реакции всепрощающего и перед всеми извиняющегося героя «Идиота».

Ответ Одоевского позволяет провести черту между прототипом и героем. Как справедливо отмечает В. А. Викторovich, некоторые сближения, которые делает Л. А. Левина между Одоевским и Мышкиным, «на поверку» оказываются «не столь уж» явными, «иные из общественно-политических идей, о которых пишет исследователь, сближают Одоевского скорее с автором романа, нежели с его героем» [Викторovich: 5–6].

В то же время художественному миру Одоевского, как и ему самому, была чужда поэтика катастроф и скандалов — импульсивные поступки, на которые отваживался в жизни Достоевский, а в романе Мышкин (визит к Настасье Филипповне, погоня за рогожинской тройкой и др.). «Чуждачество» Одоевского было несколько иного, более «книжного» и философского рода (см.: [Сытина, 2019: 21, 25–29]). Привыкший и к великосветским гостиним, Одоевский вряд ли бы столь самозабвенно увлекся разговором о религии и, не будучи подвержен болезненным припадкам, никогда бы не разбил вазу.

Как представляется, сходство и различие художественных миров Одоевского и Достоевского можно наглядно проиллюстрировать на примере отношения к железным дорогам. В художественном мире Достоевского они разрастаются в символ мертвого, механического, таящего в себе нечто inferнальное — символ «прогресса», за которым под личиной «удобства» и «комфорта» скрывается расчеловечивание мира (см.: [Сытина, 2018]). Одоевский же, будучи настроен к научно-техническому прогрессу более положительно, признает за железными дорогами «дело важное и великое», однако он предостерегает об опасности «сосредоточить все умственные, нравственные и физические силы на одно материальное направление, как бы полезно оно ни было»¹⁶ — опасности односторонности (см.: [Сытина, 2019: 34–35, 116, 252, 361]). Сами по себе достижения человеческого ума, благодаря которым совершенствуется мир «вещей», по мнению Одоевского, ничего не дают душе человека, не выводят его из лабиринта «проклятых» «вечных» вопросов, но только ослепляют призраком эфемерного превосходства¹⁷.

Вместе с тем с Мышкиным Одоевского сближает осознание себя смешным. В дневнике он пишет: «Долгоруков прав: всякая полезная деятельность бывает смешна, ибо встречает препятствия, следственно неудачи, а всякая неудача смешна. Над вредной деятельностью не смеются, но иногда ненавидят. Бездействием всегда возбуждается уважение, как калмыцкими идолами, факирами, браминами» [«Текущая хроника...»: 118].

Знал ли Достоевский о написанном, но так и не опубликованном открытом ответе Одоевского Долгорукову, — не известно, но вот о том, как писатель утешал Ап. Григорьева рассказом о пасквиле, написанном на него же Долгоруковым, Достоевский вполне мог слышать от самого критика. Возможно, в романе есть следы и этой истории, когда «обиженный» человек сам утешает другого «обиженного»: Мышкин пытается успокоить и оправдать «господина Бурдовского», соотнося его с собою: «Да ведь я уже сам убежден, что он (Бурдовский. — Ю. С.) ничего не понимает! Я сам тоже был в таком положении до отъезда в Швейцарию, также лепетал бессвязные слова, — хочешь выразиться и не можешь...» (*Достоевский*, 8, 229).

Таким образом, обнаруживается целый ряд схожих мотивов и приемов в текстах статей Долгорукова и Келлера: авторская позиция, гиперболизация или сатирическое приписывание высмеиваемым лицам общих черт (глупости, никчемности, расточительности, порочности, безнаказанности, слабости к женскому полу, увлеченности европейским миром), искажение и перевираание фактов, цитирование И. А. Крылова и А. С. Грибоедова и др. Ориентировался ли Достоевский в действительности на эту статью и насколько сознательно он мог это делать, — установить, по-видимому, невозможно, но проведенный текстологический анализ, как представляется, делает выдвигаемую гипотезу далеко не беспочвенной, обогащая «спектр» возможных интерпретаций романа «Идиот» (см.: [Есаулов, Сытина]).

В заключение можно добавить, что в обоих случаях авторы статей обращают свое «жалю» против не столько идейных, сколько личных противников, руководствуясь особыми жизненными мотивами. У Достоевского нигилисты выступают со своим «правом» и прикрывают разговорами о пользе «гласности» и «здорового смысла» преследование чисто материальной выгоды. Долгоруков же, заявляя о желании провозглашать «Правду о России», судя по всему, имел глубокие личные мотивы скомпрометировать Одоевского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043 («Анализ, интерпретации и понимание как методологические установки в изучении наследия Достоевского»).

- 1 Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. Например, Р. Г. Назиров замечал: «На Одоевского князь Мышкин тоже (как и на «знаменитого доктора Гааза». — Ю. С.) не похож ни характером, ни внешним обликом, ни положением в обществе» [Назиров, 1982: 74]. В то же время ученый подробно писал о большом значении творчества Одоевского для Достоевского (см.: [Назиров, 2005]).
- 2 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1973. Т. 8. С. 217. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский* и указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.
- 3 Возможный намек на это есть и в самом тексте романа: «Но сочинял я и напечатал в журнале искреннего друга, в виде корреспонденции» (*Достоевский*, 8, 225; курсив мой. — Ю. С.).

- 4 Одоевский переписал посвященное ему примечание в дневник, сопроводив комментариями. Эта дневниковая запись опубликована в ряде изданий (см.: [Щеголев: 466–467], [«Текущая хроника...»: 117–118]). Поскольку текст всей статьи Долгорукова не публиковался повторно, да и Одоевский по тем или иным причинам не переписал в дневник (и потому этого нет в перечисленных изданиях) последний абзац заметки, статья «Министр Ланской» приводится полностью в приложении к данной работе.
- 5 Вопрос об образовании крестьян и расширении круга их чтения был особо актуален во второй половине XIX века и интересовал многих писателей. См., напр.: [Макаревич].
- 6 Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро // Сельское чтение. 1851. Кн. I. С. 14.
- 7 Любопытно, что в этом же письме Достоевский отклоняет и критику Бергом Ап. Григорьева (см.: *Достоевский*, 28₂, 18).
- 8 Поскольку «статья» из романа рассматривается нами как некий интертекст (пародийный исключительно в сфере авторского видения, но не с точки зрения героев) здесь и далее под ее «автором» будет пониматься Келлер.
- 9 Будущность. 1860. № 1. С. 1. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Долгоруков* и указанием страницы в круглых скобках. Здесь и далее цитаты из дореволюционных источников приводятся в современной орфографии.
- 10 П. В. Долгоруков ратовал за конституционный монархизм и был против революции, но по-своему солидаризировался с А. И. Герценом и его окружением. В программной статье «Будущности» Долгоруков писал: «Единственной целью нашею — истина, и в этом отношении мы будем следовать примеру лондонского *Колокола*», хотя тут же оговаривался, что «политические мнения издателей *Колокола* совершенно расходятся с нашими — они социалисты» (*Долгоруков*, 3). «Друзья» «сына Павлищева» идут дальше не только Герцена, но и — если верить Лебедеву — «нигилистов», однако с Долгоруковым их сближает неграмотность и невежество: Одоевский называет Долгорукова «недоучившимся господином» (цит. по: [Щеголев: 468]; курсив Одоевского. — Ю. С.), Лебедев же размышляет на счет компании своего племянника: «Нигилисты все-таки иногда народ сведущий, даже ученый, а эти — дальше пошли-с, потому что прежде всего деловые-с» (*Достоевский*, 8, 213)». Позже Келлер не раз будет признаваться, что своим «образованием манкировал» (*Достоевский*, 8, 249).
- 11 В «Текущей хронике...» дан другой вариант прочтения этих строк: «Сергей Степанович [Ланской] проиграл все свое состояние на цыганах и румынах» [«Текущая хроника...»: 116]. Поскольку в статье Долгорукова ничего не говорится ни о румынах, ни о цыганах, вариант прочтения рукописного дневника Одоевского Щеголевым представляется более верным.
- 12 Название книги П. В. Долгорукова.
- 13 Интересно, что Одоевский ни слова не напишет в защиту Ланского. Возможно, он полагал это вне своей компетенции.
- 14 Справедливости ради, стоит отметить, что Долгоруков, судя по всему, основывает историю об ироничной оценке Пушкиным «Пестрых сказок» Одоевского на воспоминаниях В. А. Соллогуба и В. Ф. Ленца, опубликованных уже после смерти Одоевского (см.: [Вацуру: 230]).
- 15 По аргументированному мнению П. Е. Щеголева, «свидетельство Одоевского определено и авторитетно, и значение его невозможно снизить даже ссылкой на личную обиду, причиненную Долгоруковым Одоевскому» [Щеголев: 470].
- 16 Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. С. 35.
- 17 В «Русских ночах» Фауст размышляет на этот счет: «А книгопечатание? А паровые машины? А железные дороги? Разве не раздвинули они круга деятельности человека и не

показывают славных побед, одержанных им над противоборствующей ему природой? Так! — восклицали они (юные правдоискатели. — Ю. С.): XIX век понял, в чем состоит задача, заданная ему провидением! Все это заставило не раз задуматься моих молодых наблюдателей. Между тем время проходило, юноши становились мужчинами, а их вопросы... вопросы не находили ответа. Невольно снова заглянули они в истертые листки старой забытой книги — и вопросы их разрослись еще сильнее, как росток, попавший в плодородную землю. Состояние души моих молодых искателей довольно хорошо выражается в оставшейся после них небольшой тетрадке с довольно странным эпиграфом: *Humanı generis mater, nutrixque profecto dementia est* <Безумие, конечно, мать рода человеческого и кормилица (лат.)>. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Изд-во «Наука», 1975. С. 19.

Список литературы

1. Баталова А. Н. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» в автобиографическом и реально-историческом контекстах // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 28 (282). — С. 21–25.
2. Вацуро В. Э. Последняя повесть Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: исследования и материалы. — Л.: Наука, 1979. — С. 223–252.
3. Викторovich А. В. Нефантастичность «фантастичного “Идиота”» // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 1. — С. 3–19 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf (15.12.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3401.
4. Есаулов И. А. Революционно-демократическая мифология как фундамент советской истории русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — № 5. — С. 191–202 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2492> (15.12.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2492.
5. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 2 (42). — С. 21–25.
6. Захаров В. Н. Кодекс Достоевского: журнализм как творческая идея писателя // Достоевский и журнализм. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. — С. 17–26.
7. Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1997. — Т. 14. — С. 139–152.
8. Кибальник С. А. «Эпизод с современными позитивистами» в романе Достоевского «Идиот» (из дополнений к комментарию) // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 4. — С. 53–59 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453715571.pdf (15.12.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2506
9. Макаревич О. В. Н. С. Лесков и книги «для народа» (к истории издания сборника «Зеркало жизни истинного ученика Христова») // Русская литература. — 2018. — № 4. — С. 83–90.
10. Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982. — 160 с.
11. Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 37–41.

12. Строганова Е. Н. Салтыков и Достоевский в полемике начала 1860-х годов // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Книга вторая. — СПб.: РХГА, 2016. — С. 544–573.
13. Сытина Ю. Н. «Русь, куда ж несешься ты?»: от «птицы-тройки» до железной дороги (Гоголь, Достоевский и другие) // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 4. — С. 115–139 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544616282.pdf (15.12.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5601
14. Сытина Ю. Н. Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов. — М.: Индрик, 2019. — 392 с.
15. «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. — М.: Жур.-газ. объединение, 1935. — С. 79–308. — (Серия «Литературное наследство»; т. 22/24).
16. Шаулов С. С. Строение и функции «журналистского нарратива» у Достоевского // Достоевский и журнализм. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. — С. 170–178.
17. Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: с приложением новых материалов из нидерландских архивов. — СПб.: Академический проект, 1999. — 654 с.
18. [Фридлиндер Г. М.] <Вводная заметка к комментариям> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1974. — Т. 9. — С. 337–427.

Yuliya N. Sytina

*Moscow State Regional University
(Moscow, Russian Federation)*

yulyasytina@yandex.ru

P. V. Dolgorukov's Lampoon of Odoevsky as the Potential Proto-Text of Keller's Article in *The Idiot* by F. M. Dostoevsky

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90043.

Abstract. The paper suggests that one of the sources of the article in “defense” of “Pavlishchev’s son” against Myshkin in F. M. Dostoevsky’s novel “The Idiot” could have been the “Minister Lanskoj” lampoon by P. V. Dolgorukov. It was published in the émigré periodical *Budushnost’* (“Future”) and contained an extensive addendum about V. F. Odoevsky. The fact that Dostoevsky had demonstrated an interest and was sympathetic to Odoevsky’s personality and views, specifically, during his work on “The Idiot” substantiate this hypothesis. It is further confirmed by similar motifs and techniques in the texts of the two articles, for instance, the author’s position, hyperbole, distortion of facts, satirical attribution of common features to the lampooned persons (i. e., stupidity, worthlessness, wastefulness, depravity, impunity, proclivity for the opposite sex, passion for the European world). Similarities between the articles also include a personal, rather than an ideological, reason for lampooning and quoting I. A. Krylov, A. S. Griboyedov and others. Meanwhile, Myshkin’s and Odoevsky’s reactions to the lampoon are opposite. This allows us to discuss the substantial differences between the character and his possible prototype. P. V. Dolgorukov’s article “Minister Lanskoj” is published as an appendix to this work.

Keywords: prototype, parody, lampoon, F. M. Dostoevsky, V. F. Odoevsky, P. V. Dolgorukov, *The Idiot*, newspaper “Budushnost’” (“Future”), emigrant press

About the author: *Sytina Yuliya N.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian classical literature, Moscow Regional State University (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation)

Received: January 9, 2020

Date of publication: March 31, 2020

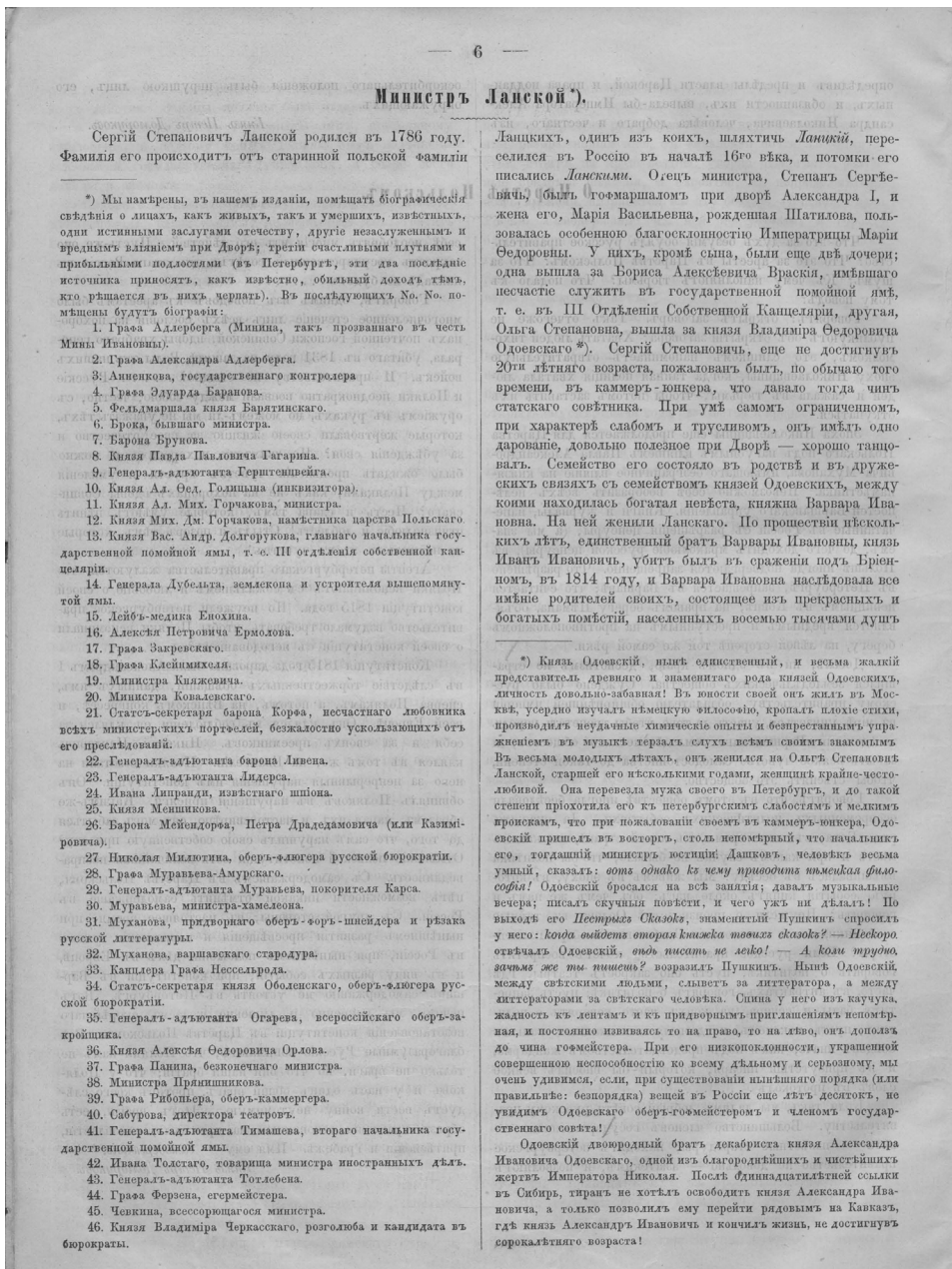
For citation: Sytina Yu. N. P. V. Dolgorukov's Lampoon of Odoevsky as the Potential Proto-Text of Keller's Article in *The Idiot* by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 133–155. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381

References

1. Batalova A. N. The Novel of F. M. Dostoevsky "The Idiot" in Autobiographical and Real-Historical Contexts. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]*, 2012, no. 28 (282), pp. 21–25. (In Russ.)
2. Vatsuro V. E. The Last Story of Lermontov. In: *M. Yu. Lermontov: issledovaniya i materialy [M. Yu. Lermontov: Researches and Materials]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 223–252. (In Russ.)
3. Viktorovich A. V. A Non-Fantastic Character of the «Fantastic Novel "The Idiot"». In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 3–19. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3401 (In Russ.)
4. Esaulov I. A. Revolutionary Democratic Mythology as the Basis of Soviet Period of Russian Literature History. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, no. 5, pp. 191–202. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2492> (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2492 (In Russ.)
5. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. Explanation, Interpretation and Understanding while Studying and Teaching Literature. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]*, 2019, no. 2 (42), pp. 21–25. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Dostoevsky Codex: Journalism as a Writer's Creative Idea. In: *Dostoevskiy i zhurnalizm [Dostoevsky and Journalism]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 17–26. (In Russ.)
7. Levina L. A. Two Princes (Vladimir Fyodorovich Odoevsky as a Prototype of Lev Nikolaevich Myshkin). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 139–152. (In Russ.)
8. Kibal'nik S. A. "An Episode with Modern Positivists" in Dostoevsky's Novel "The Idiot" (of Additions to the Comment). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 53–59. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453715571.pdf (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2506 (In Russ.)
9. Makarevich O. N. S. Leskov i knigi "dlya naroda" (K istorii izdaniya sbornika "Zerkalo zhizni istinnogo uchenika Hristova") [N. Leskov and Books For People (More on the History of the Publication of the Collection "The Mirror of the Life of the True Disciple of Christ")]. In: *Russkaya literature*, 2018, no 4, pp. 83–90.

10. Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy Dostoevskogo* [Creative Principles of Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
11. Nazirov R. G. Vladimir Odoevsky and Dostoevsky. In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let* [Russian Classical Literature: a Comparative Historical Approach. Studies of Different Years]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 37–41. (In Russ.)
12. Stroganova E. N. Saltykov and Dostoevsky in the Polemic of the Early 1860s. In: *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra, antologiya: Kniga vtoraya* [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra, Anthology: Book Two]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2016, pp. 544–573. (In Russ.)
13. Sytina Yu. N. “Rus', Where Are You Racing to?": from a Bird-Troika to a Railway (Gogol, Dostoevsky and Others). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2018, vol. 16, no. 4, pp. 115–139. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1544616282.pdf (accessed on December 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5601 (In Russ.)
14. Sytina Yu. N. *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo v periodike 1830-kh godov* [The Works of Prince V. F. Odoevsky in the Periodicals of the 1830s]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 392 p. (In Russ.)
15. «Tekushchaya khronika i osobyie proisshestviya». *Dnevnik V. F. Odoevskogo 1859–1869 gg.* [“The Current Chronicle and Special Incidents”. The Diary of V. F. Odoevsky 1859–1869]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1935, pp. 79–308. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 22–24). (In Russ.)
16. Shaulov S. S. The Structure and Functions of “Journalistic Narrative” by Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i zhurnalizm* [Dostoevsky and Journalism]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, pp. 170–178. (In Russ.)
17. Shchegolev P. E. *Duel' i smert' Pushkina: s prilozheniem novykh materialov iz niderlandskikh arkhivov* [The Duel and Death of Pushkin: with the Application of New Materials from the Dutch Archives]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 654 p. (In Russ.)
18. Fridlender G. M. Introductory Note to Comments. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1974, vol. 9, pp. 337–427. (In Russ.)

Приложение

Илл. 2. Первая страница статьи «Министръ Ланской» из газеты «Будущность» (1861, № 1)
 Fig. 2. The First Page of the Article "Minister Lansky" from the *Buduschnost* Newspaper 1861, no. 1)

Министр Ланской*)

Сергей Степанович Ланской родился в 1786 году. Фамилия его происходит от старинной польской фамилии Ланцких, один из коих, шляхтич *Ланцкий*, переселился в Россию в начале 16го века, и потомки его писались *Ланскими*. Отец министра, Степан Сергеевич, был гофмаршалом при дворе Александра I, и жена его, Мария Васильевна, рожденная Шатилова, пользовалась особенною благосклонностию Императрицы Марии Федоровны. У них, кроме сына, были еще две дочери; одна вышла за Бориса Алексеевича Враского, имевшего несчастье служить в государственной помойной яме, т. е. в III Отделении Собственной Канцелярии, другая, Ольга Степановна, вышла за князя Владимира Федоровича Одоевского**). Сергей Степанович, еще не достигнув 20^{ти} летнего возраста, пожалован был, по обычаю того времени, в камер-юнкера, что давало тогда чин статского советника. При уме самом ограниченном, при характере слабом и трусливом, он имел одно дарование, довольно полезное при Дворе — хорошо танцевал. Семейство его состояло в родстве и в дружеских связях с семейством князей Одоевских, между коими находилась богатая невеста, княжна Варвара Ивановна. На ней женили Ланского. По прошествии нескольких лет, единственный брат Варвары Ивановны, князь Иван Иванович, убит был в сражении под Бриенном, в 1814 году, и Варвара Ивановна наследовала все имение родителей своих, состоящее из прекрасных и богатых поместий, населенных восемью тысячами душ крестьян. Варвара Ивановна умерла лет пятнадцать тому назад; она была женщина умная и почтенная, весьма любимая и уважаемая всеми своими знакомыми.

Богатство Ланского обратило на него внимание масонов, к числу коих он принадлежал по моде тогдашнего времени. Масонские ложи, при Екатерине II имевшие цель политическую и цель благотворительную вместе, и с большим успехом подвизавшиеся на обоих поприщах, были закрыты Екатериною в девяностых годах прошлого столетия. При Павле о них не могло быть и речи. При Александре они возобновились, но вскоре, по кончине лучших и чистейших своих деятелей, Николая Ивановича Новикова, Ивана Петровича Тургенева, Ивана Владимировича Лопухина, масонские ложи обмельчали и наконец, по запрещении их в последние годы царствования Александра I, и в особенности по воцарении Незабвенного, продолжали существование скрытное, уже не вмешиваясь в политику, и даже избегая ее. Масонство в России преобразилось в общество взаимного вспомоществования и поддержки взаимной; богатые масоны щедро помогали бедным; люди влиятельные, сильные, имеющие связи, усердно покровительствовали своим братьям; хотел ли масон получить какое-либо место, искал ли выиграть процесс, все масоны помогали ему своим влиянием, и эта поддержка, тем более сильная, что оставалась тайною и невидимою, много способствовала карьере Ланского. Он доселе председатель тайной петербургской масонской ложи,

точно так, как недавно умерший Сергей Павлович Фон-Визин был, до самого конца жизни своей, председателем тайной московской масонской ложи. Ланской, от природы ленивый, беспечный и бестолковый, промотал почти все имение жены и детей своих.

Поселясь, после своей свадьбы, в Москве, он, влиянием масонов, избран был там в совестные судьи, и оказался совершенно непонимающим дел. Его назначили губернатором во Владимир: вскоре по губернии пошел хаос. Куда девать бестолкового губернатора? Разумеется, в кладовую, куда сливают все бесполезное — в правительствующий Сенат! И Ланского сделали сенатором. Оказалось, что он вовсе не понимает дел. Его сажают в почетные опекуны петербургского воспитательного дома. Казалось, делать почетным опекуном человека, промотавшего имение жены и детей — противно всем понятиям здравого рассудка, но разве русское правительство действует по наитию здравого рассудка? У нового почетного опекуна пошел ералаш во вверенных ему делах. Тогда, отчасти поддержкою масонов, отчасти покровительством своего родственника, председателя государственного совета князя Чернышева (мать его была Ланская), Сергей Степанович был назначен, 1 января 1850 года, членом государственного совета. Тут он был, конечно, на своем месте, среди всех стариков бездарных и бесполезных, наполняющих эту государственную богадельню. Неспособность Ланского не могла, в Петербурге, остаться без награды. 1 января 1851 года он вступил в чин действительного советника, высшую гражданскую степень в парнике дураков, именуемом табелью о рангах. Кроме того, судьба готовила Ланскому будущность, им вовсе неожиданную.

С 1852 по 1855 год министром внутренних дел находился Дмитрий Гаврилович Бибииков, имевший целью ввести по всей России сельские инвентари, чтобы, по прошествии немногих лет, перейти к полному освобождению крестьян с землею, и вознаграждению помещиков финансовыми мерами. Император Александр будучи Великим Князем, сильно противился освобождению крестьян, и при всяком случае изъявлял особое нерасположение к Бибиикову. Сей последний навлек также на себя ненависть пронырливого князя Орлова и лукавого Дубельта, под именем ленивого и беспечного Орлова самовластно управлявшего тайною полицией. Предшественники Бибиикова в министерстве внутренних дел имели слабость дозволить Дубельту, не только вмешиваться во многие дела этой важной ветви управления, но еще иногда и решать эти дела самовольно. Бибииков, что называется, осадил Орлова и Дубельта, и они, воскипев гневом, всеми силами старались раздуть неудовольствие на него нового Государя, и без того его не любившего. Орлову хотелось иметь министра внутренних дел, который, и по неспособности умственной, и по слабости характера трусливого, безропотно допускал бы вмешательство тайной полиции во все дела, куда ей вздумается запустить свою руку грязную и жадную; сверх того, Орлов, окончивающий уже в то время седьмой десяток лет своих,

полагал, что все люди, недостигшие 60^{ти} летнего возраста — мальчишки неопытные (мнение, в течение последних тридцати лет весьма распространенное при С. П. Бургском дворе). В 1851 году, во время летней поездки на воды графа Льва Перовского, Ланской четыре месяца управлял министерством внутренних дел, оказал свою неспособность, но вместе с тем и угодливость III отделению. Орлов знал, что Ланскому 69 лет от роду; он знал, что Ланской неспособен ни к чему, что Ланской трус, что Ланской промотался и что ему нечем жить: лучше Ланского ему найти было нельзя. Это была пародия басни лягушек, просящих чурбана в цари: тут мы увидели министров, которые стали просить себе у Царя в товарищи чурбана — и получили. Ланской назначен был министром внутренних дел 20 августа 1855 года, через полгода по воцарении Александра II, через полгода после памятного в русских летописях дня, как Россия имела счастье лишиться Незабвенного.

Но с Орловым случилось, что часто бывает с людьми хитрыми и пронырливыми, но имеющими ум ограниченный: эти люди отлично устроят мелкие делишки, но вовсе не умеют сообразить дел важных, а тем более государственных. Он упустил из виду, что намерения Государя могут перемениться, и что тогда Ланской, при Николае бывший приверженцем крепостного состояния, явится эмансипатором, точно так, как при Иоанне Грозном он отправился бы на Красную Площадь варить людей в котлах, и своею рукою подгрел бы уголья под котлы, не из жестокости — он вовсе не жесток — а единственно руководимый теми чувствами, которые, со времени татарского ига и до наших дней, увлекали большую часть русских сановников творить всякие мерзости. Чувства эти: глупость, трусость и желание сохранить свое место***).

Через два года по восшествии своем на престол, Александр II увидел, что без реформ Россия стремится к своей гибели, а что без освобождения крестьян никакие реформы невозможны. Он принялся за дело освобождения, и Ланской открыто стал на стороне эмансипаторов. Эта черта была бы прекрасною и могла бы заслужить Ланскому почетное место в русской истории, если бы он действовал по убеждению или по крайней мере шел одною, прямою дорогою. Но он постоянно подчиняет свои действия влияниям, преобладающим в ту минуту в Зимнем Дворце. А кому не известно, что в нынешнее царствование, в Зимнем Дворце не семь пятниц в неделе, а семь пятниц в каждом дне? Откуда ни подует ветер, в ту сторону тотчас поворачивается старый флюгер Сергей Степанович. Сегодня он подписывает циркуляры о улучшении быта крестьян; завтра циркуляр о содействии винному откупу, хотя бы оружием, опаивать, развращать и грабить крестьян, и благородное русское войско заставляют служить орудием для откупщиков и для чиновной орды в достижении их мерзких целей. Сегодня Ланской предписывает комитетам губернским изыскивать средства к улучшению быта крестьян, а завтра предписывает им сохранение обязательной работы,

вернейшего пути к резне и к пугачевщине; послезавтра запрещает дворянским собраниям, вопреки всем законам, рассуждать о ближайшем и важнейшем из их интересов; наконец, в феврале нынешнего года, изъявляет согласие на одно из подлейших действий тайной полиции: на ссылку Алексея Михайловича Унковского в Вятку и Александра Ивановича Европеуса в Пермь!

Ланской не министр: он чернильница, куда всякий обмакает свое перо, чтобы писать всякую чушь.

Отчего все это происходит?

Оттого, что Ланской ленив, беспечен, глуп и трус. Сверх того, не будь он на службе, ему бы не хватило денег даже на покупку румян, кои он ежедневно употребляет. Теперь он живет в великолепном министерском доме, имеет огромное содержание, сытно ест, множество людей ему кланяются, а заимодавцы не смеют его беспокоить. Как же, после этого, ему не угождать царской дворне, казнокрадам и бюрократам?

А Россия, для наших сановников, что такое?... Дойная корова!

Ей! Господа! Берегитесь и обдумайтесь! Смотрите, чтобы дойная корова вскоре не превратилась для вас в разъяренного быка!

Мы видели, что Ланской, по неспособности быть совестным судьей, назначен был губернатором; по неспособности к должности губернаторской, назначен сенатором; по неспособности быть сенатором, назначен почетным опекуном; по неспособности к должности почетного опекуна назначен членом государственного совета, и в награду за то, что даже в этой государственной деятельности оказался одним из пустейших людей — сделан министром. При такой высокой и совершенной неспособности, мы надеемся вскоре увидеть его государственным канцлером и светлейшим князем...

Еще сорок лет тому назад Грибоедов сказал про одного из подобных людей:

Он дойдет до степеней известных:

У нас ведь любят бессловесных!

*) Мы намерены в нашем издании помещать биографические сведения о лицах, как живых, так и умерших, известных, одни истинными заслугами отечеству, другие незаслуженным и вредным влиянием при Дворе, третьи счастливыми плутнями и прибыльными подлостями (в Петербурге, эти два последние источника приносят, как известно, обильный доход тем, кто решается в них черпать). В последующих № № помещены будут биографии:

1. Графа Адлерберга (Минина, так прозванного в честь Мины Ивановны).
2. Графа Александра Адлерберга.
3. Анненкова, государственного контролера.
4. Графа Эдуарда Баранова.
5. Фельдмаршала князя Барятинского.

6. Брока, бывшего министра.
7. Барона Брунова.
8. Князя Павла Павловича Гагарина.
9. Генерал-адъютанта Герштенцвейга.
10. Князя Ал. Фед. Голицына (инквизитора).
11. Князя Ал. Мих. Горчакова, министра.
12. Князя Мих. Дм. Горчакова, наместника царства Польского.
13. Князя Вас. Андр. Долгорукова, главного начальника государственной помойной ямы, т. е. III отделения собственной канцелярии.
14. Генерала Дубельта, землекопа и устроителя вышеупомянутой ямы.
15. Лейб-медика Енохина.
16. Алексея Петровича Ермолова.
17. Графа Закревского.
18. Графа Клейнмихеля.
19. Министра Княжевича.
20. Министра Ковалевского.
21. Статс-секретаря барона Корфа, несчастного любовника всех министерских портфелей, безжалостно ускользящих от его преследований.
22. Генерал-адъютанта барона Ливена.
23. Генерал-адъютанта Лидерса.
24. Ивана Липранди, известного шпиона.
25. Князя Меншикова.
26. Барона Мейендорфа, Петра Драдедамовича (или Казимировича).
27. Николая Милютина, обер-флюгера русской бюрократии.
28. Графа Муравьева-Амурского.
29. Генерал-адъютанта Муравьева, покорителя Карса.
30. Муравьева, министра-хамелеона.
31. Муханова, придворного обер-фон-шнейдера и резака русской литературы.
32. Муханова, варшавского стародура.
33. Канцлера Графа Нессельрода.
34. Статс-секретаря князя Оболенского, обер-флюгера русской бюрократии.
35. Генерал-адъютанта Огарева, всероссийского обер-закройщика.
36. Князя Алексея Федоровича Орлова.
37. Графа Панина, бесконечного министра.
38. Министра Прянишникова.
39. Графа Рибопьера, обер-камергера.
40. Сабурова, директора театров.
41. Генерал-адъютанта Тимашева, второго начальника государственной помойной ямы.
42. Ивана Толстого, товарища министра иностранных дел.
43. Генерал-адъютанта Тотлебена.
44. Графа Ферзена, егермейстера.
45. Чевкина, всессорющегося министра.
46. Князя Владимира Черкасского, розголюба и кандидата в бюрократы.

**) Князь Одоевский, ныне единственный и весьма жалкий представитель древнего и знаменитого рода князей Одоевских, личность довольно забавная! В юности своей он жил в Москве, усердно изучал немецкую философию, кропал плохие стихи, производил неудачные химические опыты и беспрестанным упражнением в музыке терзал слух своим знакомым. В весьма молодых летах он женился на Ольге Степановне Ланской, старшей его несколькими годами, женщине крайне честолюбивой. Она перевезла мужа своего в Петербург, и до такой степени приохотила его к петербургским слабостям и мелким проидам, что при пожаловании своем в камер-юнкера, Одоевский пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков, человек весьма умный, сказал: *вот однако к чему приводит немецкая философия!* Одоевский бросался на все занятия; давал музыкальные вечера; писал скучные повести, и чего уж не делал! По выходе его *Пестрых сказок*, знаменитый Пушкин спросил у него (я тогда вовсе не был еще знаком с Пушкиным): *когда выйдет вторая книжка твоих сказок?* — *Нескоро*, отвечал Одоевский. *ведь писать не легко!* — *А коли трудно, зачем же ты пишешь?* возразил Пушкин. Ныне Одоевский, между светскими людьми, слывет за литератора, а между литераторами за светского человека. Спиная у него из каучука, жадность к лентам и к придворным приглашениям непомерная, и постоянно извиваясь то направо, то налево, он дополз до чина гофмейстера. При его низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностью ко всему дельному и серьезному, мы очень удивимся, если, при существовании нынешнего порядка (или правильнее: беспорядка) вещей в России еще лет десятков, не увидим Одоевского обер-гофмейстером и членом Государственного совета!

Одоевский двоюродный брат декабриста князя Александра Ивановича Одоевского, одной из благороднейших и чистейших жертв Императора Николая. После одиннадцатилетней ссылки в Сибирь, тиран не хотел освободить князя Александра Ивановича, а только позволил ему перейти рядовым на Кавказ, где князь Александр Иванович и кончил жизнь, не достигнув сорокалетнего возраста!

**) Стародуры, ныне недовольные Ланским, выдумали плохой каламбур. Так как Ланской румянится, они его прозвали *красным министром*.

Публикуется по: Будущность. 1860. № 1. С. 6–8.

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481

УДК 821.161.1+930.25

В. В. Борисова*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Российская Федерация)*

borisova@ufacom.ru

«Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского*

Аннотация. В статье реконструируется жизненный путь первого душеприказчика А. Ф. Куманиной, Александра Тимофеевича Неофитова, на основе введенных в научный оборот мемуарных, эпистолярных, биографических и исторических источников. Это ряд свидетельств из воспоминаний А. М. Достоевского, не выходивших в печати, непубликованное письмо А. Г. Достоевской к Н. Н. Страхову от 18 октября 1881 г. с характеристикой куманинского дела как «несчастливого и заколдованного» (РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 6. Д. 6. Л. 1), материалы знаменитого московского процесса о фальшивомонетчиках и других преступлениях («Клуб червонных валетов. Уголовный процесс». 1877 г.), а также факты из истории Московской академии коммерческих наук, основателем и попечителем которой был Алексей Алексеевич Куманин. А. Т. Неофитов, будучи преподавателем всеобщей истории в этой академии, стал одним из главных членов преступного сообщества, названного «Клуб червонных валетов». Его участие в различных махинациях вокруг куманинского наследства нашло отражение в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Подросток». В результате проведенного исследования делается вывод о том, что в первую очередь из-за мошеннических действий А. Т. Неофитова, проявившего себя как *enfant terrible* в родственном окружении писателя, дело о куманинском наследстве оказалось для романиста не только «несчастливым» и «заколдованным», но и в высшей степени криминальным.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Т. Неофитов, куманинское наследство, «Клуб червонных валетов», «Преступление и наказание», «Подросток»

Об авторе: *Борисова Валентина Васильевна* — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3/а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008).

Дата поступления: 30.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 156–167. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481

Одной из важнейших задач современного достоевсковедения является создание научной биографии Ф. М. Достоевского как фундаментальной основы изучения его литературного наследия. Но, несмотря на имеющиеся источниковедческие исследования, в жизнеописании автора великого «пятикнижия» остаются «темные места», нуждающиеся в прояснении. К ним, в частности, относится роль А. Т. Неофитова в деле о куманинском наследстве, которое В. М. Карепина назвала «несчастливым»¹, а А. Г. Достоевская — «заколдованным» (см. Приложение). Для Достоевского же оно оказалось

роковым: долгая судебная тяжба стоила ему много времени, сил, нервов и средств, ускорив кончину (см.: [Борисова: 60]).

Свод основных фактов о А. Т. Неофитове представлен С. В. Беловым в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» [Белов, 2001], его имя упоминается в комментариях к роману «Преступление и наказание» [Коган: 746–747], [Белов, 2011: 131–132], [Тихомиров: 218–220].

Тем не менее соотнесенные друг с другом мемуарные, эпистолярные, биографические и исторические материалы позволяют более полно раскрыть роль А. Т. Неофитова в махинациях вокруг куманинского наследства: имеется в виду его участие в качестве одного из главных членов в знаменитом преступном сообществе в Москве «Клуб червонных валетов», что нашло отражение не только в «Преступлении и наказании», но и в романе «Подросток».

Александр Тимофеевич Неофитов (род. в 1833 г.) — это лицо из ближайшего окружения семьи Достоевских, сын Елизаветы Егоровны Куманиной, которая была двоюродной племянницей Александра Алексеевича Куманина, мужа Александры Федоровны, родной тетки писателя. Елизавета Егоровна с детства жила в доме Куманиных, ее выдали замуж в 1832 году с небольшим приданым от дяди. Андрей Михайлович Достоевский в своих воспоминаниях отмечает, что у Елизаветы Егоровны *«капиталь и имѣніе было по меньшей мѣрѣ тысячъ во сто!..»*².

В мемуарах и письмах главного биографа рода Достоевских есть и другие сведения о Неофитове — «Сашенькѣ, впослѣдствіи Александрѣ Тимофѣевичѣ», первенце Неофитовых³. С некоторой ревностью и завистью Андрей Михайлович вспоминает, что это *«былъ балованныйшій ребенокъ, крестникъ дяди Александра Алексѣевича, который очень любилъ этого мальчишку, и котораго я всякій праздникъ, въ каникулярное время живши (послѣ смерти отца) у дяди, видалъ на объѣдахъ у дяди. — Тогда какъ всѣ прочія дѣти многочисленныхъ родственниковъ Куманиныхъ на подобные объѣды не допускались, потому что дядя, неимѣвши своихъ дѣтей, какъ то не дружелюбно смотрѣлъ на чужихъ»*⁴.

Последний раз Андрей Михайлович встретился с Александром Неофитовым зимой 1864 г. в доме тетушки в Москве: *«...онъ тогда уже былъ мужчиною лѣтъ подѣ тридцать, былъ коллежскимъ ассессоромъ и преподавателемъ Всеобщей Исторіи <...>. Мы съ нимъ возобновили знакомство, но онъ не понравился мнѣ своимъ фатовствомъ, и я это высказалъ тетушкѣ, хотя Сашенька по прежнему былъ ихъ кумиромъ»*⁵.

С 1856 по 1865 гг. Неофитов, имея гражданский чин 8-го класса, служил профессором всеобщей истории в Московской практической академии коммерческих наук⁶, «главнейшим ревнителем» которой при ее создании был Алексей Алексеевич Куманин⁷, а почетным членом Совета — Александр Алексеевич Куманин.

Несмотря на все благодеяния со стороны богатых «дяди» и «тетушки», именно Неофитов оказался первым фигурантом в деле о куманинском

наследстве и виновником того, что от завещанных Александрой Федоровной Куманиной значительных капиталов в результате мошенничества остались жалкие крохи. В отличие от другого племянника А. А. Куманина, Константин Константинович Куманин, он проявил себя как *enfant terrible*⁸ в знаменитом семействе, что видно из письма А. М. Достоевского сестре Александре: «*Мнѣ говорилъ самъ Константинъ Константиновичъ Куманинъ (бывшій душеприкащикомъ дяди Алекс<андра> Алексѣевича), что если бы при первомъ началъ обратились къ нему, то онъ не допустилъ бы ни копѣйки разстратить изъ капиталовъ тетушки*»⁹. Летом 1865 г., остановившись в Москве, Андрей Михайлович узнал от родных, что «*кумиръ этотъ сидѣлъ уже въ Острогъ за поддѣлку 5^{ми} Государственныхъ Банковыхъ билетовъ*»¹⁰.

О мошенничестве с банковскими билетами много писали в крупных газетах того времени. В «Московских ведомостях», например, материалы «Дела о превращении свидетельств внутреннего 5% с выигрышами займа из настоящего их достоинства в высшие» публиковались в августе-сентябре 1865 г. и в январе 1866 г. с заголовками типа: «Профессор всеобщей истории во главе мошенников».

Так, в «Московских ведомостях» от 10 сентября 1865 г. (№ 197) сообщалось, что «среди главных участников оказался лектор всемирной истории А. Т. Неофитов. В его квартире был произведен обыск, и найдено 13 переделанных свидетельств лотерейного займа». Было упомянуто и имя Александры Федоровны Куманиной: «...из частных лиц более всего пострадала купчиха Куманина, у которой г. Неофитов занял 15 000 руб. под залог трех переделанных свидетельств в 5000 рублей каждое»¹¹.

В суде свое участие в подделке банковских билетов Неофитов объяснил стремлением быстро получить деньги и помочь матери: «Видя затруднительное положение своих дел и дел своей матери, желая по возможности упрочить свое состояние и смотря в то же время на людей, легко обогащающихся недозволенными средствами без всякой ответственности, он, — рассказывает обозреватель процесса, — пришел к мысли воспользоваться легкостью незаконного приобретения и обеспечить себя и семейство матери своей <...>. Таковым представилась переделка свидетельств 5%-го <...> займа из 100-рублевых в 5000-е»¹².

Неофитов лицемерил: его собственное жалованье составляло около 500 рублей ассигнациями в год, мать тоже нужды не знала. Хотя позже, по свидетельству Андрея Михайловича Достоевского, «*бѣдная мать истратила все бывшее у нее имѣніе для спасенія сына, но конечно это не помогло. Она умерла кажется въ нищенскомъ состояніи...*»¹³.

Оказавшись в Бутырской тюрьме, Неофитов продолжил свою преступную деятельность и стал фигурантом громкого дела о «Клубе червонных валетов» как участник шайки фальшивомонетчиков¹⁴. Это дело, следствие по которому велось 7 лет, рассматривалось Московским окружным судом в феврале-марте 1877 года. Преступное сообщество состояло преимущественно

из представителей высших слоев, его члены обвинялись в том, что, действуя группами, совершали различные махинации с целью получения денежных средств. Ход процесса освещался во многих газетах, в том числе очень подробно в газете «Московские ведомости». Материалы дела, включая стенограмму судебного процесса, были впоследствии выпущены отдельным томом [Клуб червонных валетов...].

Неофитов вместе с другими арестантами обеспечил подделку денежных знаков и их поставку за пределы тюрьмы. Банковские билеты подвергались «вытравлению», чтобы изменить номинал, и передавались на волю в грязном белье. На суде было доказано «первенствующее значение» Неофитова в этих преступлениях и «сильное влияние его на окружавших его арестантов и совершенное подчинение их его убеждениям, советам и указаниям» [Клуб червонных валетов...: 98].

Осужденного Неофитова исключили из числа куманинских наследников¹⁵, а душеприказчиком вместо него был назначен Александр Павлович Иванов (муж сестры писателя, Веры Михайловны), который в свою очередь стал жертвой других аферистов из «Клуба червонных валетов», толкнувших его на невыгодные сделки с ценными бумагами. Именно они способствовали окончательному разорению Александры Федоровны Куманиной: «...с помощью Александра Павловича подыскались частные лица, которые взяли всю почти капиталы тетушки изъ 10% подъ залого недвижимых имъній, внесли впередъ проценты за первый годъ и на второмъ же отказались платить проценты, говоря и распространяя слухи, что дураковъ еще въ Москвѣ не мало, которые даютъ чистые денежки подъ залого не стоящие и половины взятой суммы. — Такимъ образомъ тетушка осталась и безъ капиталовъ и безъ процентовъ на которые можно было бы жить»¹⁶.

Одного из мошенников, Гавриила Федоровича Асафова, А. М. Достоевский назвал «адвокатомъ изъ подъ Иверской»¹⁷: «Не успѣлъ я приѣхать и освоиться въ городъ, какъ получилъ письмо отъ неизвѣстной мнѣ личности нѣкоего Г^{на} Асафова. Про личность эту я слышалъ еще бывши въ Москвѣ, что онъ былъ приглашенъ Алекс. Павлов. Ивановымъ завѣдывать и руководить съ юридической точки зрѣнія, дѣлами тетушки Алекс. Федоровны. — Это по рассказамъ былъ, что называется, адвокатъ изъ подъ Иверской. — Онъ то и былъ по слухамъ главнымъ сводникомъ и орудіемъ того, что Ал. Павловичъ Ивановъ рѣшилъ на отдачу капиталовъ тетушки въ частныя руки подъ залого»¹⁸.

Можно предположить, что Г. Ф. Асафов, заверивший среди прочих лиц своей подписью духовное завещание А. Ф. Куманиной в сентябре 1865 г. и соответственно располагавший информацией о ее движимом и недвижимом имуществе, не случайно подговорил неопытного А. П. Иванова к невыгодным сделкам, что подтверждается другим нелицеприятным свидетельством А. М. Достоевского: «...Александръ Павловичъ очень былъ неопытенъ въ денежныхъ дѣлахъ и при томъ очень доверчивъ, — какъ же півкъ

Асафову, знакомому со всѣмъ этимъ, не нагрѣть было руки. И вотъ онъ сосводничалъ Алекс<андру> Павловичу Яковлевыхъ и Лазаревыхъ-Станицевыхъ, доказывая ему что 10% лучше 5%, а что люди эти богачи и имѣнія предложенныя въ залогъ, чуть ли не золотое дно; и что занимая у тетки деньги изъ 10%, они чуть ли не благодѣяніе дѣлаютъ этимъ. Александръ Павловичъ соблазнился и дѣло было сдѣлано»¹⁹.

Позже адвокат В. И. Веселовскій, познакомившись с фальшивыми сведениями, обозначенными в залоговыхъ свидетельствахъ, назвал подробности о сделкахъ с Ивановымъ и Асафовымъ при займе денегъ весьма нехорошими: «Въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ отъ 1го Сентября <1868 г.>, Веселовскій писалъ, что Яковлевъ устрашенный Уголовнымъ преслѣдованіемъ за фальшивыя свѣдѣнія обозначенныя въ залоговыхъ свѣдѣтельствахъ, прискакалъ къ нему Веселовскому, и между прочимъ разказалъ ему подробности о сдѣлкахъ съ Ивановымъ и Асафовымъ при займѣ денегъ, подробности нехорошія, добавляетъ Веселовскій, ежели они вѣрны и правдивы!»²⁰. В деле о «червонныхъ валетахъ» на суде разбирались 13 подобныхъ вовлеченій в невыгодныя сделки.

Нашумевшее уголовное дело с участием Неофитова в наибольшей степени отразилось в романе «Преступление и наказание». На этот источник первой обратила внимание Г. Ф. Коган, связав с ним высказывание Лужина о московской шайке фальшивомонетчиковъ [Коган: 746–747].

Во время встречи с Раскольниковымъ Лужин, подключившись к обсужденію убійства старухи-процентщицы, рассуждает о глобальных измененияхъ в обществѣ, которые подталкиваютъ к нарушенію закона не только представителей низшихъ слоев, но и людей образованных: «...тамъ передовые, по общественному своему положенію, люди фальшивыя бумажки делаютъ; тамъ, в Москвѣ, ловятъ целую компанію поддѣльвателей билетовъ послѣднего займа с лотереей, — и в главныхъ участникахъ одинъ лекторъ всемирной исторіи <...> И если теперь эта старуха процентщица убита однимъ изъ закладчиковъ, то и это, стало быть, былъ человекъ изъ общества болѣе высшаго, — ибо мужики не закладываютъ золотыхъ вещей...» [Достоевскій, 6: 117–118].

С. В. Белов в своемъ комментарии отметил, что современники увидели в этихъ словахъ отраженіе нашумевшей криминальной исторіи [Белов, 2011: 131]. Такъ, в текстѣ романа остались слѣды признанія Неофитова, объяснившего на суде свое участіе в преступномъ замыслѣ: «А что отвѣчалъ в Москвѣ вотъ лекторъ-то вашъ на вопросъ, зачемъ онъ билеты поддѣлывалъ: “Все богатеютъ разными способами, такъ и мнѣ поскорѣй захотѣлось разбогатѣть”» [Достоевскій, 6: 118]. Схожая мотивировка Раскольникова зафиксирована в черновыхъ записяхъ к роману: «Я хотѣлъ обезпечить себя и мать...» [Достоевскій, 7: 166].

Б. Н. Тихомировъ в результатѣ тщательнаго текстологическаго анализа подготовительныхъ материаловъ к «Преступленію и наказанію» установилъ, слѣдующее: они «позволяютъ заключить, что в раннихъ замыслахъ процессъ московскихъ фальшивомонетчиковъ долженъ былъ получить в “Преступленіи и наказаніи” болѣе широкое отраженіе. См.: “Онъ [Раскольниковъ] читаетъ

(видимо, газеты. — Б. Т.) и думает: про Неофитова, про Гаврилова (Коха) и проч.» (Д. Т. 7; 152)» [Тихомиров: 218–220].

На наш взгляд, эпизод с чтением и обсуждением газетных материалов о московском уголовном деле сохранился и в окончательном тексте романа, что видно из беседы Раскольников и Заметова. Она подтверждает то, что писатель был хорошо знаком со всеми обстоятельствами преступления с ценными бумагами, о которых писалось в газетах:

«— Нынче много этих мошенничеств развелось, — сказал Заметов. — Вот недавно еще я читал в “Московских ведомостях”, что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили. Целое общество было. Подделывали билеты» [Достоевский, 6: 126].

Раскольников, демонстрируя свою осведомленность, иронизирует над неопытностью членов шайки («Это дети, бланбеки, а не мошенники!») и в свою очередь, говорит: «...и разменять-то не умели: стал в конторе менять, получил пять тысяч, и руки дрогнули. Четыре пересчитал, а пятую принял не считая, на веру, чтобы только в карман да убежать поскорее. Ну, и возбудил подозрение» [Достоевский, 6: 126].

Здесь имеется в виду реальный случай, который помог разоблачить Неофитова и его сообщников. Раскольников прямо говорит, что узнал об этом из газет: «—О, это уже давно! Я еще месяц назад читал» [Достоевский, 6: 126], [Тихомиров: 236]. В одну из московских контор пришел молодой студент П. Виноградов, предложивший выкупить свидетельство государственного займа в 5000 рублей, но, пересчитывая полученные деньги, он сбился и вызвал у кассира подозрение. Когда студента арестовали, выяснилось, что его наняли за 100 рублей, после чего по цепочке посредников следствие вышло на фальшивомонетчиков, которые переделывали сторублевые билеты в пяти тысячные, обменивая их на настоящие деньги или отправляя подставных лиц разминивать билеты внутреннего займа в частных конторах²¹.

Высмеивая поведение студента, Раскольников рассуждает о том, как бы он повел себя в такой ситуации:

«Я бы не так сделал, — начал он издалека. — Я бы вот как стал менять: пересчитал бы первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; начал бы ее считать, досчитал бы до середины, да и вынул бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свет, да переверотил бы ее и опять на свет — не фальшивая ли? “Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей таким образом наемни потеряла”; и историю бы тут рассказал. А как стал бы третью тысячу считать — нет, позвольте: я, кажется, там, во второй тысяче, седьмую сотню неверно сосчитал, сомнение берет, да бросил бы третью, да опять за вторую, — да этак бы все-то пять. А как кончил бы, из пятой да из второй вынул бы по кредитке, да опять на свет, да опять сомнительно,

“перемените, пожалуйста”, — да до седьмого поту конторщика бы довел, так что он меня как и с рук-то сбуть уж не знал бы! Кончил бы всё наконец, пошел, двери бы отворил — да нет, извините, опять воротился, спросить о чем-нибудь, объяснение какое-нибудь получить, — вот я бы как сделал!» [Достоевский, 6: 127].

Но, как и Раскольников, Неофитов был отправлен в Сибирь. На заседании Московского окружного суда с участием присяжных заседателей 5 марта 1877 г. ему был вынесен приговор о поселении в «места не столь отдаленные» (Западную Сибирь).

История «червонных валетов» отразилась не только в «Преступлении и наказании». В романе «Подросток», начатом в феврале 1874-го и законченном в ноябре 1875 г., с перипетиями шумного московского процесса связана сюжетная линия взаимоотношений Ламберта и Аркадия Долгоорукова:

«Дело в том, что товарищ моего детства Ламберт очень, и даже прямо, мог бы быть причислен к тем мерзким шайкам мелких пройдох, которые общаются взаимно ради того, что называют теперь шантажом и на что подыскивают теперь в своде законов определения и наказания. Шайка, в которой участвовал Ламберт, завелась еще в Москве и уже наделала там довольно проказ (впоследствии она была отчасти обнаружена). Я слышал потом, что в Москве у них, некоторое время, был чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек. Пускались они в свои предприятия и всею шайкою и по частям. Производили же, рядом с самыми грязненькими и нецензурными вещами (о которых, впрочем, известия уже являлись в газетах), — и довольно сложные и даже хитрые предприятия под руководством их шефа. Об некоторых я потом узнал, но не буду передавать подробностей» [Достоевский, 13: 322].

Многократное упоминание о шайке в этом фрагменте записок Подростка не случайно. Выступая с обвинительной речью на последнем заседании Московского окружного суда, помощник прокурора Н. В. Муравьев доказывал, что элитные преступники объединились именно в шайку, назвав себя «червонными валетами» [Клуб червонных валетов...: 183]. Обвинитель отнес их к своеобразному и характерному «типу нравственной порчи, зла и преступления»: «Это преступник, обладающий изящными манерами, хорошо воспитанный, занимающий видное общественное положение, имеющий благородное, нередко аристократическое происхождение» [Клуб червонных валетов...: 184].

И другие свидетельства о преступлениях шайки в Москве («довольно сложные и даже хитрые предприятия») явно связаны с ходом процесса по делу о «червонных валетах» («на что подыскивают теперь в своде законов определения и наказания»), широко освещавшегося в столичных газетах («известия уже являлись в газетах»).

Сама же характеристика руководителя шайки («чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек»), на наш взгляд, перекликается с судебным описанием облика Неофитова: «Неофитов человек более чем средних лет, с продолговатую физиономией, окаймленной черною, местами с проседью бородою, с гладко зачесанными волосами, с спокойными глазами, с степенными манерами. Кажется серьезным человеком, как и подобает быть тюремному старожилу. В его физиономии есть нечто сдержанное» [Клуб червонных валетов...: 163].

И, хотя А. Т. Неофитов как прототип остался на периферии романа «Подросток», нельзя отрицать того, что в течение целого десятилетия он входил в орбиту жизни и творчества Достоевского. Писатель не мог не догадываться о том, что во многом из-за него «дело о куманинском наследстве» оказалось не только «несчастливым» и «заколдованным», но и в высшей степени криминальным, что нашло соответствующее отражение в его произведениях 1860–1870-гг.

Приложение

Письмо А. Г. Достоевской к Н. Н. Страхову от 18 октября 1881 г.

Источник: РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 6. Д. 6. Л. 1.

Публикуется впервые.

18 Окт.
1881 г.

Можете себя представить, многоуважаемый Николай Николаевич, что я все еще в Москву и сама хорошенько не знаю когда отсюда выйду! Это какое-то несчастное, точно заколдованное наследство: думаешь все кончено, все формальности исполнены, можно завтра ехать, — не тут-то было, какая нибудь бездельница и дело затягивается опять на долгое время. На днях я была в Рязани и там блистательно исполнила мои дела: благодаря рекомендательным письмам для меня сделала Опекунство и Суд в три дня то, что обыкновенным порядком идет года полтора. Я не знала как и радоваться и уехала в деревню на пять дней.

Возвращаюсь, иду в Опекунство за бумагами и там мнѣ, съ самымъ любезнымъ видомъ, увѣряютъ что бумаги мои уже отосланы. — Куда? — Въ Петербургъ. — Да кто Васѣ просилъ отсылать туда? — Его Превосходительство очень спѣшили кончить дѣло, мы и выслали ихъ въ тотъ же день въ Двор. Опекунство. Вотъ ужъ медвѣжья услуга! Раздѣль будетъ въ Москву, а бумаги мои уѣхали въ Петербургъ. Теперь пока-то они вернуться сюда, а дѣло только за мной и можетъ пожалуй расклеиться. Ну развѣ это не обидно, развѣ нельзя сойти съ ума отъ всѣхъ этихъ проволочекъ и неожиданностей? Да вотъ хоть бы моя поѣздка въ деревню? Выѣхала въ чудесный осенній день и проѣхала 84 версты до деревни отлично. И вдругъ въ ночь

дѣлается мятель и снѣгу наноситъ страшно¹ много, вотъ въ такую-то погоду² я ѣду осматривать отведенные мнѣ участки; на другой день тоже мятель и сильный морозъ, и наконецъ, возвращаясь, дѣлаю 84 версты вмѣсто сутокъ въ двое сутокъ³. Дорогой останавливаюсь во всѣхъ встрѣчныхъ деревняхъ и съ отчаяніемъ думаю что могу простудить Оею. (Лилю я оставила въ Москвѣ.) Оею я укутала всѣмъ что было теплаго и онъ не мерзъ, но я продрогла до костей. Къ довершенію горя на Окъ развели мостъ и пришлось переѣзжать на паромъ. И вотъ вернулась въ Рязань и стало таять. Надо же быть такому несчастью, что именно пока я была и ѣхала изъ деревни была страшная погода, а раньше и позже отличная. Ну развѣ не заколдованное это наслѣдство! Но не смотря на всѣ мои мученія я очень довольна моей поѣздкой въ деревню. Представьте себѣ, оказалось что на⁴ мою долю отдѣлено 200 десят. строеваго лѣса въ 30 лѣтъ и вдругъ между этими 200 дес. оказалось около 70 дес. омишары, т. е. кочковатаго болота съ мхомъ въ кисть толицинной. А между тѣмъ Шеръ завѣрялъ меня честью, что ни порубокъ, ни омишаръ въ моей части нѣтъ. Указали мнѣ на омишару деревенскіе старики, съ которыми я по душѣ поговорила, и я велѣла везти себя именно въ мою часть и собственными глазами видѣла это болото. Теперь, возвращаясь въ Москву, я потребовала отъ Шера написанія условія, по которому за всякую десятину омишары, которая попадетъ въ моемъ участкѣ, онъ долженъ прирѣзать десятину строеваго лѣса. А такъ какъ я узнала въ деревнѣ про нѣкот. его неблаговидныя дѣла по управленію имѣніемъ, то и заставила его согласиться на мои требованія. Что за подлецы! Не поѣзжай я въ деревню и досталась бы мнѣ эта омишара.

<На поляхъ:> Вы спросите, зачѣмъ я написала Вамъ это письмо? А потому что женщина, какъ существо низшее, не можетъ не быть болтлива и не излить свою душу и т. д. и т. д.

Уважающая Васъ
А. Достоевская.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского»).

¹ См. письмо В. М. Карепиной к А. М. Достоевскому от 28 мая 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 81. Л. 4 об. Ср.: [Ланский: Т. 86, с. 432].

² Достоевский А. М. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 54 (л. 139 об.), где первая цифра дана по нумерации А. М. Достоевского, вторая — по архивной.

¹ Вместо: *страшно* — было: *такъ*

² Вместо: *погоду* — было: *мятель*

³ Вместо: *въ двое суток* — было: *въ два дня*

⁴ Вместо: *на* — было: *въ*

- ³ Там же. С. 53 (л. 139).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 54 (л. 139 об.).
- ⁶ См: Столетие Московской практической академии коммерческих наук. М.: тип. И. Д. Сытина, 1910. С. 731 (А. Т. Неофитов значится в списке преподавателей истории под номером 14). Судя по всему, служил он добросовестно: в 1859 г. ему была объявлена благодарность за составление литографированного курса по истории, 4 декабря 1860 г. — «за составление извлечения изъ исторіи Академіи» (см. об этом: Глебов И. История Московской академии коммерческих наук (1810–1860). М., 1860. С. 620, 637). Составитель «Истории Московской академии коммерческих наук» (М., 1860), ее преподаватель Иван Глебов выразил признательность «достопочтеннымъ товарищамъ своимъ, в том числе и А. Т. Неофитову, за прекрасные извлечения и разработку матеріаловъ» (с. 667–668) для сборника, посвященного 50-летию юбилею Академии, которую Неофитов впоследствии опозорил своим участием в деле фальшивомонетчиков (с. 667–668).
- ⁷ В 1806 г. Алексей Алексеевич Куманин стал основателем, а впоследствии и попечителем Академии, также, как и его сыновья Константин, Валентин и Александр. См. об этом: Глебов И. История Московской академии коммерческих наук (1810–1860). М., 1860. С. 8–9, 16, 18, 27. Здесь же (на стр. 444, 445, 447, 460) представлены сведения о пожертвованиях Куманиных-младших в фонд Академии: («Усвоивъ как-бы по наслѣдству отъ своего родителя, достопамятнаго благодѣтеля Академіи, любовь къ ней, они не переставали обнаруживать свою великодушную заботливость о благѣ заведенія и обильными приношеніями, и личнымъ участіемъ въ трудахъ общества любителей коммерческихъ знаній». — С. 463).
- ⁸ фр.: «ужасный, несносный ребенок / человек».
- ⁹ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1140–1141 (л. 688 об. — 689).
- ¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 54 (л. 139 об.).
- ¹¹ Московские ведомости. 1865. 10 сентября. № 197.
- ¹² Московские ведомости. 1866. 10 января. № 1.
- ¹³ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 54 (л. 139 об.).
- ¹⁴ На XXX Международных чтениях «Достоевский и современность» 22 мая 2016 г. об этом говорил Н. В. Паншев в докладе «Преступные сообщества в России 60–70-х гг. XIX века».
- ¹⁵ Из письма А. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому от 30 сентября 1869 г., переписанного в воспоминаниях: «...я во время пребыванія въ Москвѣ узналъ что вслѣдствіе арестованія Неофитова, по случаю поддѣлки имъ Свидѣтельствъ на 5% билеты, и вслѣдствіе того, что онъ обманулъ и тетюшку на 15 т<ысячъ> рублей, — завѣщаніе переписано, что Неофитовъ вовсе исключенъ изъ числа наслѣдниковъ» (РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1068 (л. 652 об.)).
- ¹⁶ Там же. С. 1026 (л. 632 об.).
- ¹⁷ Такой «аблокат не имеет ничего общего с людьми, аккредитованными судом и институтом присяжных поверенных. Он торгует без патента», часто совершая деяния, не предусмотренные законом (см.: И. Ф. Горбунов. Иверские юристы // Горбунов И. Ф. Очерки о старой Москве. 1881. https://librebook.me/ocherki_o_staroi_moskve/vol2/1). Простонародное прозвище «аблакаты из-под Иверской» получили за то, что поджидали своих клиентов у Иверских ворот в Москве. Здесь «иверские юристы», изгнанные из московских палат, судов и приказов, писали со слов просителей просьбы, отзывы, давали консультации.
- ¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1028 (л. 632–632 об.).
- ¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 56 № 1. С. 1042 (л. 639 об.).
- ²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 1. С. 1048 (л. 642 об.).
- ²¹ См. об этом: Московские ведомости. 1866. 1 января. № 1.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: в 2-х т. — СПб.: Алтейя, 2001. — Т. 2. — 544 с.
2. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. — 4-е изд. — М.: Либроком, 2011. — 240 с.
3. Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 1. — С. 46–68 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (18.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука. — 1972–1990.
5. Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. — М.: тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1877. — 593 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (18.01.2020).
6. Коган Г. В. Примечания // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М., 1970. — С. 746–747. (Серия «Литературные памятники»).
7. Ланский Л. Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 349–564. (Серия «Литературное наследство»; т. 86).
8. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание в современном прочтении: книга-комментарий. — 2-е изд. испр. и доп. — СПб.: Серебряный век, 2016. — 560 с.

Valentina V. Borisova

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)

borisova@ufacom.ru

“Jack of Hearts” A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90013 Dostoevsky.

Abstract. The article reconstructs the life path of Alexander Timofeevich Neofitov, the first legal representative of A. F. Kumanina. The recreation is based on the memorial, epistolary, biographic and historic resources introduced into scientific discourse. They include the testimonies from the unpublished memoirs of A. M. Dostoevsky, an unreleased letter by A. G. Dostoevskaya to N. N. Strakhov dated October 18, 1881, which characterizes the Kumanin case as “wretched and bewitched” (Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 1159. List 6. File 6. Page 1), materials of the well-known Moscow trial of false-coiners, and other criminal cases (“The Jack of Hearts Club. Criminal trial”. 1877). It also comprises the details from the history of Moscow Academy of Commercial Studies, which Aleksei Alekseevich Kumanin had founded and where he served as a trustee. As a professor of World History at the Academy, A. T. Neofitov became one of the key members of the Jack of Hearts Club criminal network. His involvement in various illegal schemes with the Kumanin inheritance was described in Dostoevsky’s novels *Crime and Punishment* and *The Raw Youth*. As a result of the inquiry, we can deduce that due to the fraud conducted by Neofitov, who was the ‘enfant terrible’ among the writer’s relatives, the Kumanin inheritance case turned out to be not only “wretched” and “bewitched”, but highly criminalized.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. T. Neofitov, Kumanin inheritance, Jack of Hearts Club, *Crime and Punishment*, *The Raw Youth*

About the author: *Valentina V. Borisova* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolyutsii 3a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation)

Received: January 30, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Borisova V. V. “Jack of Hearts” A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 156–167. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481 (In Russ.)

References

1. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentariy* [*Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”. Comment*]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)
3. Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 1, pp. 46–68. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (accessed on January 18, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
5. *Klub chervonnykh valetov. Ugolovnyy protsess* [*The Jack Hearts Club. Criminal Trial Process*]. Moscow, tipografiya M. N. Lavrova i Ko Publ., 1877. 593 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (accessed on January 18, 2020). (In Russ.)
6. Kogan G. V. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie* [*Dostoevsky F. M. Crime and Punishment*]. Moscow, 1970, pp. 746–747. (Ser. “Literaturnye pamyatniki”). (In Russ.)
7. Lanskiy L. R. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
8. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie v sovremennom prochtenii: kniga-komentariy* [*“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4461
УДК 821.161.1+930.25+651.931

О. А. Сосновская

*Независимый исследователь
(Сестрорецк, Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

И. С. Андрианова

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

«...Прождав 23 года, невысказано ждать опять 20 лет»: Неизвестная стенограмма о судьбе рязанского имения Достоевских*

Аннотация. В настоящей публикации вводится в научный оборот один из не расшифрованных ранее стенографических документов супруги Ф. М. Достоевского. Это черновик ее письма, содержание которого, согласно нашей расшифровке, связано с наследством, доставшимся семье писателя после смерти богатой московской родственницы А. Ф. Куманиной. Достоевский не успел воспользоваться наследственным имением в селе Спас-Клепики Рязанской губернии — рязанскими землевладельцами стали вдова и дети писателя. На трех страницах А. Г. Достоевская зашифровала сообщение к неизвестному лицу о готовящейся продаже доли ее семьи от имения в Спас-Клепиках и обращение за советом по составлению лесохозяйственного плана. Помимо того, что данный документ записан стенографически, работа с ним была осложнена несколькими обстоятельствами: он случайным образом вложен в папку с письмами Н. А. Дистерло к А. Г. Достоевской; отсутствуют обращение к адресату, датировка и нумерация листов. Изучив письма Ф. Ф. Достоевского к матери, авторы статьи пришли к выводу о датировании чернового письма 1895 годом. Предпринята попытка его атрибуции: показано, что вероятным адресатом является А. Д. Повалишин, управляющий Рязанскими отделениями Дворянского и Крестьянского банков. Расшифрованная стенограмма помогла определить, что содействие в продаже имения оказывал Достоевским граф А. А. Голенищев-Кутузов. Установлено, что упомянутый в стенографическом черновике некий Моншеров — не последний Достоевских, каковым он значится в именном указателе академического Полного собрания сочинений писателя, а рязанский землемер И. П. Моншеров. В ходе исследования проанализированы неопубликованные письма за 1896 г. этого знакомого Достоевских, а также эпистолярные документы из архива А. М. и А. Г. Достоевских, посвященные рязанскому имению, — в результате выявлено, что в 1895 г. была продана одна часть земель, доставшихся семье писателя, получен первый доход с рязанского имения. Беловик письма вдовы Достоевского неизвестен; задача его обнаружения (вероятно, в рязанских архивах) актуальна. Расшифрованный, атрибутированный и датированный черновик этого письма и сохранившиеся письма И. П. Моншера к А. Г. Достоевской являются документами, с помощью которых устанавливаются новые факты о судьбе куманинского наследства после смерти писателя.

Ключевые слова: стенография, А. Г. Достоевская, атрибуция, датировка, архив Достоевских, рязанское имение, И. П. Моншеров, А. Д. Повалишин, А. А. Голенищев-Кутузов

Об авторах: Сосновская Оксана Александровна — независимый исследователь (Сестрорецк, Санкт-Петербург, Российская Федерация); Андрианова Ирина Святославовна — кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 15.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Сосновская О. А., Андрианова И. С. «...Прождав 23 года, невысказано ждать опять 20 лет»: Неизвестная стенограмма о судьбе рязанского имения Достоевских // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 168–183. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4461

В архиве Достоевских до настоящего времени обнаруживаются документы, требующие изучения и научного комментария. Самые любопытные из них включают в себя стенографические записи, сделанные рукой жены писателя А. Г. Достоевской. Одни страницы полностью исписаны стенографическими знаками, другие — частично, перемежаясь с записями, сделанными обычным письмом, на третьих — стенограмма занимает не более одной-двух строк. Эти документы важны не только для изучения биографии и наследия Достоевского, но и для выявления новых данных о жизни и деятельности его семьи после смерти писателя, а также малоизвестных фактов о других выдающихся представителях эпохи.

Работа над расшифровкой стенографических записей А. Г. Достоевской велась в 1950–1970-е гг. ленинградской стенографисткой Ц. М. Пошеманской. Она сумела разобрать и открыть для исследователей многие документы, записанные скорописью¹. Однако в архиве Достоевских остались нерасшифрованные стенограммы: часть из них не была выявлена и внесена в описания рукописей, а остальным не придавалось важного значения².

В числе нерасшифрованных стенограмм — записи на оборотных сторонах листов и чистых листах писем А. Г. Достоевской или ее корреспондентов. Их исследование подобно решению запутанного многоступенчатого ребуса: в первую очередь необходимо расшифровать документ — так сказать, «перевести на русский язык», затем постараться его аргументированно атрибутировать и датировать. Мы уже проводили такие исследования и ввели в научный оборот черновики писем А. Г. Достоевской к М. Н. Галкину-Враскому, В. И. Срезневскому и А. Ф. Кони³.

Предметом данного исследования стали три страницы стенографических записей, вложенные в письма Н. А. Дистерло к А. Г. Достоевской и хранящиеся в рукописном отделе Института русской литературы (ф. 100, № 30060). Их размещение в указанной архивной единице, после письма от 23 апреля 1895 г., случайно. Письма Дистерло и стенографические записи А. Г. Достоевской относятся к одному хронологическому периоду (можно предположить, что по этой причине вдова писателя сложила эти бумаги вместе), но совершенно не связаны по содержанию.

Согласно нашей расшифровке, исследуемый стенографический документ является черновиком письма вдовы Достоевского, в котором она просит совета и помощи у некоего лица (обращение отсутствует) в скорейшей продаже доли имения в селе Спас-Клепики Рязанской губернии. Как известно, Достоевский являлся одним из наследников состоятельных московских

родственников купцов Куманиных. После кончины тетки А. Ф. Куманиной в 1871 г. писатель должен был получить часть ее имения — земельный участок в Рязанской губернии. А. Г. Достоевская вспоминала:

«Наследство после А. Ф. Куманиной досталось нам еще в начале семидесятих годов. Оно состояло из имения в количестве 6000 десятин, находившихся в ста верстах от Рязани, близ поселка Спас-Клепики. На долю четырех братьев Достоевских (которым приходилось уплатить сестрам деньгами) досталась одна треть имения, около двух тысяч десятин; из них на долю Федора Михайловича приходилось 500 десятин» [Достоевская, 2015: 389].

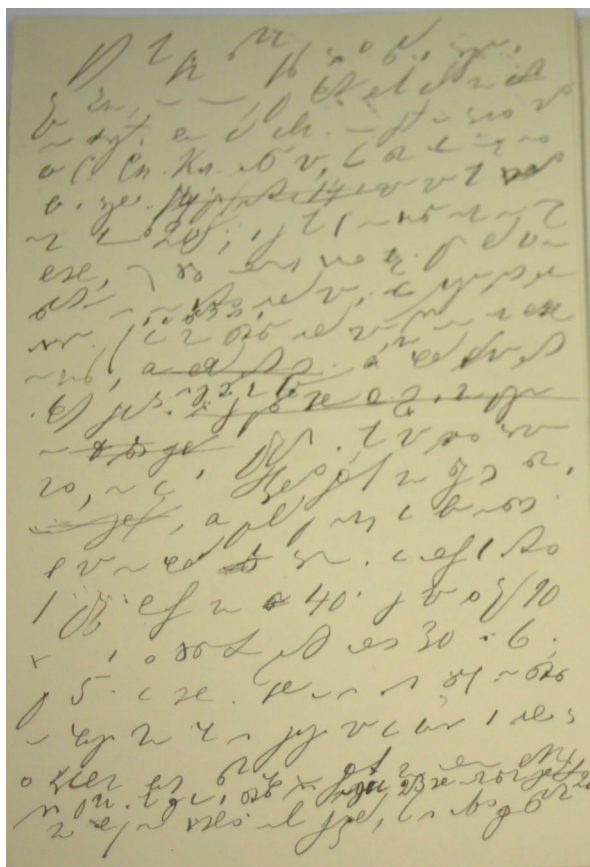
А. Измайлову она призналась, что в последние годы жизни ее муж «мечтал о маленьком имении, которое и обеспечило бы детей, и сделало бы их, как он говорил, почти некоторыми участниками в политической жизни Родины»⁴. Однако раздел собственности между наследниками занял долгие годы⁵ — сам писатель не успел воспользоваться имением, рязанскими землевладельцами стали его вдова и дети, утвержденные в правах наследства 24 марта 1881 г. в соответствии с постановлением суда:

«С. Петербургскій Окружной Судъ <...> опредѣляетъ: къ имуществу умершаго отставнаго подпоручика Фёдора Михайловича Достоевскаго утвердить въ правахъ наслѣдства вдову его Анну Григорьевну Достоевскую, рожденную Сниткину, въ одной четверти (1/4) движимаго и въ одной седьмой (1/7) части недвижимаго имѣнія; дочь его Любовь Фёдоровну Достоевскую въ одной восьмой (1/8) части движимаго и въ одной четырнадцатой (1/14) части недвижимаго имѣнія, и сына его Фёдора Фёдоровича Достоевскаго въ пяти восьмыхъ (5/8) частяхъ движимаго и въ одиннадцати четырнадцатыхъ (11/14) частяхъ недвижимаго имѣнія»⁶.

Состав имущества, доставшегося от покойного Ф. М. Достоевского его семье, Анна Григорьевна описала в своем прошении в Санкт-Петербургскую Дворянскую опеку от мая 1881 г.:

«Имущество это заключается въ имѣніи, находящемся въ Рязанской губерніи, Рязанскаго уѣзда, Спасъ-Клепиковской Волости, 4^ю стана, 5^ю Мироваго участка, въ деревняхъ Гришинъ, Заболоть, Чесмерной, Азаровой, Анниной и Заводской слободъ съ принадлежащими къ нимъ большими льсными дачами, пустошами и разными угодьями. Имѣніе это досталось въ одной двѣнадцатой части моему покойному мужу, отставному подпоручику Фёдору Михайловичу послѣ смерти дворянки Александры Фёдоровны Куманиной и находится въ настоящее время въ общемъ съ прочими наслѣдниками владѣніи. Мужъ мой, Фёдоръ Михайловичъ Достоевскій былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства къ этому имѣнію въ одной двѣнадцатой части Тульским Окружнымъ Судомъ въ 1873 году»⁷.

Исследователи отмечают, что история с куманинским наследством сыграла важную роль в судьбе и творчестве Достоевского, однако в ней остались «темные места», прояснить которые могли бы архивные документы⁸. Так, расшифровка и введение в научный оборот в данной публикации чернового стенографического письма А. Г. Достоевской позволит уточнить судьбу рязанского имения после смерти писателя. Отметим, что оно написано исключительно для личных целей автора, а потому содержит множественные исправления стенографических знаков и их зачеркивания, отрывочные наброски фраз (см., напр., Илл. 1).

Илл. 1. Первая страница застенографированного письма А. Г. Достоевской

Fig. 1. The First Page of a Shorthand Letter by A. G. Dostoevskaya

Прочтение трех страниц такого документа потребовало кропотливой работы и значительных временных затрат — и тем не менее остались отдельные слова и выражения, нерасшифрованные и расшифрованные

предположительно. Однако тот факт, что общее содержание застенографированного письма понятно, побудил нас к его опубликованию:

«Пишу это письмо с тем, чтобы просить у вас совета и указаний и вполне уверена, что вы по всегдашней доброте вашей мне¹⁾ не откажете. Дело вот в чем. Вы знаете, что у нас имеется доля С<ела> Сп<ас->Кл<евики>, наследного имения, того сам<ого>, в котором нас <нрси>.²⁾ Имение это приходится³⁾ нам более 20 лет назад, и за это время не принесло нам никакого дохода, кроме, разумеется, основательного прироста древ<есины>. Пока дети были несовершеннолетние, я не решалась продать имение во избежание каких-либо нареканий. Теперь они в совершенных летах, и⁴⁾ мы бы согласны продать имение, так как оно нам дохода не приносит, а предоставляет нам лишь всегдашнюю заботу⁵⁾. Я же хотела бы получить⁶⁾ покупателей. На это <нрси> явилась у меня мысль, но <нрси> они затрудняются заплатить мне сразу ту сумму⁷⁾, а получать понемногу в течение нескольких лет для меня не представляет⁸⁾ удобства. В настоящее время нашелся один покупатель, дающий мне⁹⁾ 40 тысяч за имение с уплатой 10 и с рассрочкой<?> платежа остальных 30 тысяч на 6 лет, по 5 тысяч в год. Видя, что я на такие условия не согласилась, он предложил мне, чтобы я заложила имение в банк и продала ему с переводом долга с тем, чтобы он заплатил мне остальное <нрси>.

По-моему, на это можно бы и согласиться, так как, прождав 23 года, немислимо ждать опять 20 лет. Так как мне никогда прежде не приходилось ничего закладывать, то я обратилась за советом <л. 9 об.> к граф<у> Голенищеву<-Кутузову>, и он <нрси> иметь его. Очень расположенный к нам человек. Он рассказал мне порядок и уверил, что в случае если имение будет заложено, то это расширит круг покупателей, так как тогда люди и с меньшими средствами будут иметь возможность купить, потратив сравнительно небольшие деньги.

Он посоветовал мне написать вам и обещал с своей стороны сделать все возможное для ускорения дела. Между прочим, он сказал, что мне придется предоставить лесохозяйственный план, но его у меня нет, хотя <нрси>

¹⁾ Далее зачеркнуто: в том

²⁾ Далее зачеркнуто: Но пока прошло 14 лет, и имение

³⁾ Знак исправлен. Точное прочтение затруднено.

⁴⁾ они в совершенных летах и вписано над строкой.

⁵⁾ Вместо: а предоставляет нам лишь всегдашнюю заботу — было: а доставляет лишь хло<поты>

⁶⁾ Далее зачеркнуто: я за последний год стала <нрси> и мне положительно не под силу ездить

⁷⁾ Далее зачеркнуто: и выжидают

⁸⁾ Далее зачеркнуто: особ<ого>

⁹⁾ Далее зачеркнуто: сумму

в порядке. Я давно хотела составить план¹⁾ ради того, чтобы самой знать ценность имения. Приценились покупатели<?> — <нрси> никто из них²⁾ не давал за 400 десятин<?> соснового строевого леса меньше 30 <тысяч> <пропуск в рукописи>, а это выходит по 75 рублей за десятину.

Ездили туда для осмотра места и <нрси> и говорили, что наш лес стоит по 200 рублей за десятину и ценность его тысяч 60–70. К сожалению, они не хотели купить<?>, так как им не <нрси> да и ждать долго <нрси>. Очень бы хотелось самой узнать достоверную стоимость леса. Два года назад <нрси> я условилась с Моншер<овым>, и он хотел мне сделать <пропуск в рукописи> за 200 рублей с моим рабочим. Тут ваш совет, могу ли поручить составление данного плана ему: то есть считаете вы его достаточно<?> <л. 9> ком<петент?>ным³⁾ и способным для совершения подобной работы.

Мне вовсе не хотелось бы, чтобы потом отделение Дворянского банка нашло его работу неправильной и неумелой<?>, и мне пришлось бы составлять вновь 2^й лесохозяйственный план. Вот тут мне и важен ваш добрый совет, как вы мне посоветуете, так я и сделаю.

Если вы найдете возможным поручить ему, то поручите, если же нет, то укажите дать лицу для составления лесохозяйственного плана, а также не откажит<есь?> сосчитать мне, какую цену возьмет назначенное вами лицо, а также, в какое время можно ожидать окончания работы.⁴⁾

С меня 2 года назад просил<и?> <пропуск в рукописи> по 80 к. за десятину, но уступал<и?> и по 70, но это дороже<?> <<Моншерова?>>⁵⁾, но можно и на это согласиться. М<оншерова?> я знаю лет 14 и мне кажется, что он вполне порядочный человек, и я предпочла бы его как старого знакомого, но, конечно, поступлю так, как вы мне укажете.

Граф Голенищев сказал мне, что со времени предоставления лесохозяйственного плана я могу рассчитывать получить ссуду <нрси>. Он же со своей стороны обещал рассмотреть мое ходатайство без очереди. Я в Спас-Клепиках<?> не проживаю<?>, а если начинаю дело о залоге, то хотела бы, чтобы оно не очень залежалось; во-первых, чтобы не упустить покупателя, а во-вторых, у меня намечен 1⁶⁾ дом, который я хотела бы купить за сравнительную цену, и хотела бы начать переговоры,⁷⁾ так как дом от меня может уйти» <л. 8>.

¹⁾ Далее было: с тем, чтобы

²⁾ Далее зачеркнуто: меньше 30 тысяч

³⁾ Далее зачеркнуто: для подобной работы

⁴⁾ Далее зачеркнуто: Как вы мне скажете, так я и поступлю

⁵⁾ Фамилия прочитана предположительно. Возможно, здесь застенографировано слово: меньше

⁶⁾ Далее было: имение

⁷⁾ Далее было: если бы знала, что окончательно получу

На пути к установлению адресата и определению датировки данного документа А. Г. Достоевской обратимся к двум лицам, которые упоминаются в нем. В письме дважды назван граф, чья фамилия застроенографирована с помощью согласных «г», «л», «щ». Это не кто иной, как *Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов* (1848–1913) — талантливый поэт, прозаик, публицист. Известно, что Ф. М. Достоевский и граф были знакомы. Так, писатель присутствовал на собрании членов Славянского благотворительного общества, которое состоялось 4 мая 1880 г. у Голенищева-Кутузова и на котором Достоевский был избран уполномоченным представителем общества для участия в московских торжествах по случаю открытия памятника Пушкину [Летопись: 409], а 19 октября 1880 г., в годовщину основания Царскосельского лицея, Достоевский вместе с Голенищевым-Кутузовым участвовал в Пушкинском литературном утреннике⁹. Сохранилось письмо Голенищева-Кутузова к вдове писателя от 11 марта 1884 г., где он, выразив «благоговейное» почтение к памяти Достоевского, при этом сообщил об отказе от участия в литературном вечере в пользу Старорусской школы его имени¹⁰.

Однако для нас важна не литературная сфера деятельности Голенищева-Кутузова: с 1889 г. по 1895 г. он являлся управляющим Дворянского и Крестьянского поземельных банков. Государственный дворянский банк, созданный для поддержки дворян-землевладельцев, — большая часть которых находилась в затруднительном материальном положении из-за непосильности ипотечных частных долгов и была вынуждена к продаже своих имений по низким ценам, — занимался выдачей для них на льготных условиях ссуд под залог земельной собственности (см.: [Проскуракова: 285]). Устав банка от 12 июня 1890 г. предусматривал возврат ссуд в срок от 11 до 66 лет и 9 месяцев, размер погашения по ссудам на максимальный срок составлял 7,25%, а по ссудам на минимальный срок — 0,5% в год. Заложенное в Государственном Дворянском банке имение или его часть могли быть приобретены новым собственником, при этом льготный кредит сохранялся только при условии, что он являлся потомственным дворянином¹¹.

Подобно многим дворянам-землевладельцам, А. Г. Достоевская, признав, что рязанское имение приносит вместо дохода одни хлопоты, решила продать принадлежащую их семье наследственную часть земли. Но, чтобы не продавать по низкой цене, она хотела сначала заложить имение в банке, предоставив будущим покупателям возможность долгосрочной выплаты денег за него. Из текста письма можно установить, что в этом решении она руководствовалась советом расположенного к их семье управляющего Дворянским банком, который «рассказал <...> порядок и уверил, что в случае, если имение будет заложено, то это расширит круг покупателей, так как тогда люди и с меньшими средствами будут иметь возможность купить, потратив сравнительно небольшие деньги». Факт обращения Анны Григорьевны к Голенищеву-Кутузову с просьбой о содействии в деле залога

и продажи имения подтверждается в письме Федора Федоровича Достоевского к матери от 20 июня 1895 года: *«Какъ видишь, канители много, поэтому му терять время нельзя <...> надо подавать въ Двор<янский> Банкъ, а тамъ даже при содѣйствіи Кутузова, какъ тебѣ сказали 6 недѣль»*¹².

Кроме Голенищева-Кутузова, в исследуемом стенографическом письме А. Г. Достоевской упомянут некий *Моншеров* (эта фамилия обозначена стенографисткой прописью в сокращении «Моншер»). Он значится в именном указателе академического Полного собрания сочинений писателя, без обозначения имени и отчества, как «сонаследник Достоевских»¹³. Составителям было известно только одно письмо с упоминанием фамилии «Моншеров», на основе которого они и сделали этот недостоверный комментарий. 10 января 1880 г. жена писателя сообщала его племяннику А. А. Достоевскому: «Поляков (имеется в виду Б. Б. Поляков, поверенный в «деле о куманинском наследстве». — О. С., И. А.) писал нам, будто Моншеров (то есть не mon cher Шер, а настоящий Моншеров) нашел покупателя на имение, и покупатель дает сто тысяч. Федор Михайлович ответил, что за сто тысяч отдать не согласится, а хочет получить натурою» [Ланский: 495].

Между тем сохранились два письма к А. Г. Достоевской от этого лица за 1896 г. Выясняется, что их автор — рязанский землемер *Иван Павлович Моншеров*, составлявший план земель, принадлежащих семье писателя, и помогавший в поиске покупателя. В письме от 29 февраля 1896 г. он общает:

*«Увѣренъ что продажа Вашего имѣнія чрезъ посредство мое за сумму 40000 рублей вполнѣ удовлетворено Вашему желанію на этотъ счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю надѣяться, что участіе мое въ этомъ дѣлѣ Вами признается не бесполезнымъ, такъ какъ прислать покупателя за эту цѣну было и трудно и крайнѣ хлопотливо, долженъ сознаться, что трудъ и хлопоты эти, я какъ Вамъ извѣстно принялъ на себя не безкорыстно, ибо имѣлъ въ виду получить отъ Васъ вознагражденіе обѣщанное Вами при личномъ нашемъ свиданіи въ г. Рязани...»*¹⁴.

Землемер напоминает о причитающейся оплате за его хлопоты по поиску покупателя имения (5 % с продажной цены¹⁵), указывая на продажу как на дело уже совершенное. Это ограничивает датировку стенографического черновика началом 1896 г., так как в нем идет речь о планируемой, но еще не состоявшейся продаже.

Во втором письме Моншера от 5 декабря 1896 г. названа фамилия возможного покупателя доли имения Достоевских — это некий Герасимов, который *«торговался и болѣе 35 тысячъ не давалъ»*. Землемер *«свозилъ его на мѣсто, указалъ лѣсъ и убѣдилъ что онъ стоитъ дороже»*, *«въ результатъ состоялась сдѣлка за 40 тысячъ»*¹⁶. В анализируемом нами стенографическом черновике Анна Григорьевна указывает ту же цену, которую готов

дать покупатель, фамилия последнего, однако, не называется: «...нашелся один покупатель, дающий <...> 40 тысяч за имение <...> он предложил мне, чтобы я заложила имение в банк и продала ему с переводом долга с тем, чтобы он заплатил мне остальное <нрси>. По-моему, на это можно бы и согласиться, так как, прождав 23 года, немисливо ждать опять 20 лет». Об этом покупателе в августе 1895 г. Ф. Ф. Достоевский сообщает матери следующей: «...я получилъ <...> телеграмму Моншера, въ которой онъ извѣщаетъ меня о серьезномъ покупателѣ и проситъ назначить день, когда онъ можетъ пріѣхать переговорить со мной. <...> Онъ <...> говоритъ, что въ лѣсъ пріѣхалъ купецъ Герасимовъ <...>, проситъ назначить время пріѣхать для переговоровъ <...> и даетъ нашу цѣну, т. е. 40 т. но опять таки въ расрочку»¹⁷. С большой вероятностью можно предполагать, что именно «купец Герасимов» стал покупателем части наследного имения Достоевских, однако утверждать этого нельзя: прямых архивных свидетельств нами не обнаружено.

Установлению адресата и датировки исследуемой стенограммы вдовы Достоевского способствовали два письма Ф. Ф. Достоевского, где несколько раз вместе с Моншером упоминается и фамилия этого лица. 22 мая 1895 г. сын уведомлял Анну Григорьевну: «Я не поѣхалъ въ Рязань самъ, какъ тебѣ писалъ т. к. получилъ письмо отъ Повалишина — эдакая неожиданность, гдѣ онъ выражаетъ согласіе на то, чтобы мы пригласили Моншера. Поэтому я сегодня же напишу Моншеру, чтобы онъ поѣхалъ и составилъ этотъ планъ. Долженъ сказать, что я не совсѣмъ точно понимаю, что именно долженъ составить Моншеровъ: планъ лѣса или планъ лѣснаго хозяйства или и это и другое вмѣстѣ. Я думаю что это само собою одно изъ другаго вытекаетъ. Хорошо бы было, если бы ты мнѣ обо всемъ еще разъ подробно написала, чтобы я какъ нибудь не впалъ въ ошибку. <...> Рассчитываю, какъ только получу отъ Моншера извѣщеніе что планъ готовъ, сейчасъ же съѣздить въ Рязань къ Повалишину, съ нимъ хорошенько перетолкую что и какъ нужно»¹⁸.

20 июня 1895 г. Ф. Ф. Достоевский подробно описал матери результаты своей встречи с рязанскими знакомыми: «Я былъ тамъ, видѣлъ Повалишина и Моншера, переговорилъ съ ними <...> они оба одобряютъ нашъ планъ, т. е. сначала заложить, а затѣмъ продавать. Говорятъ что это весьма часто практикуется, т. к. наши купцы вообще боятся и не любятъ сразу выкладывать большіе куши. <...> Повалишинъ объяснилъ мнѣ все что требуется для залога»¹⁹.

Речь в письмах Ф. Ф. Достоевского идет об Александре Дмитриевиче Повалишине (1844–1899) — юристе, историке, земском деятеле, проживавшем в Рязани и с 1890 г. управлявшем Рязанскими отделениями Дворянского и Крестьянского банков. Именно ему адресовала свое стенографическое послание А. Г. Достоевская, где сообщала, что за помощью к нему ей посоветовал обратиться Голенищев-Кутузов. А. А. Голенищев-Кутузов,

возглавлявший крупнейшие по активам государственные банки в Санкт-Петербурге, не мог не знать, кто управляет Рязанскими отделениями Дворянского и Крестьянского банков. Кроме того, А. Д. Повалишин «постоянно был вызываем в Петербург в качестве опытного управляющего для совещаний по делам банка» [Проходцов: 47], что предполагает вероятность и личного знакомства между ними.

С Повалишиным А. Г. Достоевская была знакома с 1881 года, когда она обращалась к нему с просьбой о ведении дела по разделу рязанских земель между наследниками. В письме от 20 июня 1881 г. к А. М. Достоевскому Анна Григорьевна сообщала: «...адвокатъ этотъ, Повалишинъ, родственникъ Побѣдоносцева и мнѣ неудобно съ нимъ торговаться сколько онъ возьметъ за веденіе этого дѣла»²⁰. В дальнейшей переписке с А. М. Достоевским, касающейся вопроса затянувшегося раздела имения, неоднократно упоминается фамилия адвоката. В письме от 1 ноября 1882 г. к А. М. Достоевскому находим: «...я и хочу просить Васъ теперь же сдѣлать довѣренность на имя Г^{на} Повалишина на предметъ ввода во владѣніе, раздѣла и такъ далѣе»²¹; в феврале 1887 г. Анна Григорьевна пишет: «...А. Д. Повалишинъ по случаю утраты довѣренности, данной мнѣ моимъ опекуномъ, К. П. Побѣдоносцевымъ, не могъ своевременно совершить между нами раздѣла и откладывалъ его, полагая, что время терпитъ. Теперь довѣренность эта нашлась и Повалишинъ рассчитываетъ совершить раздѣлъ въ самомъ непродолжительномъ времени»; в письме от 27 ноября 1887 г. вдова сообщает, что «отослала бумаги въ Рязань къ Повалишину съ тѣмъ чтобы онъ утвердилъ нашъ раздѣльный актъ у Рязанскаго Старшаго Нотаріуса, ввелъ насъ во владѣніе каждаго отдѣльно и прислалъ документы обратно», добавляя что ее «чрезвычайно тяготитъ, что дѣло <...> затянулось такъ на долго; но что тутъ будете дѣлать, всѣ эти необходимыя формальности берутъ страшно много времени»²². Вероятно, успешное сотрудничество с Повалишиным по различным вопросам в деле о наследстве способствовало очередному обращению Анны Григорьевны за помощью и советом знакомого ей высокопоставленного представителя рязанского земства.

Анализ описанных в стенограмме обстоятельств дела о залоге и продаже части имения и их соотнесение с проанализированными нами фактами из писем Ф. Ф. Достоевского за май-июнь 1895 г. позволяют установить время стенографирования чернового письма к А. Д. Повалишину — это 1895 г., точнее период до мая 1895 г. Беловик этого письма неизвестен; задача его обнаружения (вероятно, в рязанских архивах) актуальна.

Расшифрованный текст стенографического черновика А. Г. Достоевской, а также письма И. П. Моншера и Ф. Ф. Достоевского помогают в разъяснении судьбы рязанского имения после смерти писателя. Современные исследователи полагают, что вдова отказалась от наследства²³, чем «закончилось для Достоевского “куманинское дело”, оставившее существенный след в судьбе писателя» [Борисова, 2018: 37]. Однако это утверждение

нуждается в уточнении. Выходит, что Анна Григорьевна действительно после смерти мужа передала В. М. Ивановой причитающуюся ей по наследству денежную выплату, но от доли наследного имущества не отказывалась. В недатированном письме В. М. Ивановой к брату Н. М. Достоевскому она отметила, что Анна Григорьевна «отдала <...> свою часть по наследству...»²⁴. В этом же письме В. М. Иванова пишет и о встрече с братом А. М. Достоевским, которому она сообщила о выплате А. Г. Достоевской. Свою часть причитающейся сестрам суммы выплатил и он — это известно из его письма к вдове брата от 15 мая 1886 г.:

«...я мѣсяць тому назадъ по просьбѣ сестеръ Варвары Михайловны и Вѣры Михайловны, расчитался съ ними уплатя обѣимъ 867 р. 52 коп., за часть имѣнія доставшагося на мою долю въ Рязанской Губерніи, и находящуюся въ смѣжности съ Вашимъ имѣніемъ»²⁵.

Исследованные документы подтверждают, что продолжительная, запутанная, трагичная история куманинского наследства не закончилась сразу после смерти Ф. М. Достоевского. Часть своей доли рязанского имущества вдова и сын писателя продали в 1895 г. К вопросу продажи земель семья Достоевских, испытывая финансовые затруднения, вновь возвращалась в 1905 г. В письме от 25 февраля 1905 г. Ф. Ф. Достоевский пишет: «...попрошу и тебя помочь мнѣ <...> въ продажѣ Клюкова Рога... <...>. Прошу сдѣлать это убѣдительно, такъ какъ мнѣ это крайне важно, быть можетъ продамъ, а быть можетъ воспользуюсь этой землей<,> иначе меня очень стануть преслѣдовать за долги»²⁶. А 5 июня того же года он добавляет: «Покупателей 3, <...> надѣюсь возможно не продешевить, но повторяю тебѣ что продать теперѣ необходимо, я вынужденъ на это, я не вижу возможности иначе найти деньги...»²⁷. Состоялась ли продажа еще какой-либо части имущества — документально установить не удалось.

Расшифрованный и проанализированный нами стенографический черновик письма, написанного рукой А. Г. Достоевской в 1895 г. и адресованного А. Д. Повалишину, не дает ответы на все вопросы относительно судьбы куманинского наследства после смерти писателя, но он определенно уменьшает их количество. Очевидно, что чем дальше, с течением времени, исследователи уходят от эпохи Достоевского и его стенографистки, тем сложнее работа со стенограммами, написанными по устаревшей системе, — и в будущем этот документ мог бы остаться неизвестным.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01075 а2 («Стенографические записи А. Г. Достоевской: Новые материалы и исследования»).

- 1 Подробнее о работе Ц. М. Пошеманской по расшифровке стенографических записей жены Достоевского, ее вкладе в изучение наследия писателя см.: [Андрианова], [Андрианова, Сосновская, 2018], [Андрианова, Сосновская, 2019b]. Попытка критического анализа расшифровок Ц. М. Пошеманской предпринята нами в работе: [Сосновская, Андрианова].
- 2 Исследователи творчества Ф. М. Достоевского и архивисты (М. П. Алексеев, Б. Н. Капелюш, Е. И. Кийко, В. С. Нечаева, С. В. Житомирская) предоставили Ц. М. Пошеманской для расшифровки большую часть стенографических документов жены писателя из рукописных отделов Государственной публичной библиотеки (ныне — Российской государственной библиотеки) и Института русской литературы.
- 3 См.: [Андрианова, Сосновская, 2019a], [Андрианова, Сосновская, 2020].
- 4 Цит. по: [Белов: 152].
- 5 См. об этом, напр.: [Борисова, 2018, 2019], [Юхнович].
- 6 Дело С.-Петербургской Дворянской опеки по опекунству над малолетними детьми умершего подпоручика Ф. М. Достоевского // РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Ед. хр. 3141. Л. 13 об. За предоставление этого документа авторы благодарят Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич.
- 7 Там же. Л. 7 об.
- 8 См.: [Борисова, 2018].
- 9 См.: Новое время. 1880. 21 окт. № 1670, также: [Волгин: 489–490].
- 10 РГАЛИ. Ф. 212.1.175. Оpubл.: [Из архива Достоевского...: 6–7].
- 11 Устав Государственного дворянского земельного банка, утвержденный 12 июня 1890 г. СПб., 1890. 65 с.
- 12 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 338–338 об.
- 13 См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1990. Т. 30. Кн. 2. С. 273.
- 14 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30165. Л. 1–1 об.
- 15 «...нами обещана Моншерову премия в 5 % с продажной цены» (Достоевский Ф. Ф. Письмо к Достоевской А. Г. От августа 1895 г. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 346).
- 16 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30165. Л. 4 об.
- 17 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 343 об. — 344 об.
- 18 Там же. Л. 313–314.
- 19 Там же. Л. 335–335 об.
- 20 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 56. Л. 20.
- 21 Там же. Л. 45.
- 22 Там же. Л. 75 об.
- 23 См., напр.: [Юхнович: 181], [Борисова, 2019: 62].
- 24 ОР РГБ. Ф. 93. III. 12. 59. Л. 8.
- 25 РО ИРЛИ. Ф. 56. № 56. Л. 57.
- 26 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30364. Л. 543–543 об.
- 27 Там же. Л. 547.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Я связана с ней против ее желания». О расшифровке Ц. М. Пошеманской стенографического дневника А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 2. — С. 70–89 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601
2. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Стенографическая система Анны Достоевской: проблема дешифровки // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 1. — С. 43–67

- [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521
3. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Неизвестные стенограммы жены Ф. М. Достоевского, или Из истории одного автографа Л. Н. Толстого // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 1. — С. 119–135 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980194.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3902 (a)
  4. Андрианова И. С., Сосновская О. А., Ц. М. Пошеманская: профессиональный путь стенографистки и исследовательницы Достоевского // *Достоевский и мировая культура: петербургский альманах*. — СПб., 2019. — С. 266–275 (b).
  5. Андрианова И. С., Сосновская О. А. Неизвестная стенограмма А. Г. Достоевской о пожаре в старорусской школе // *Достоевский и современность: материалы XXXIV Международных Старорусских чтений 2019 года* / отв. ред. С. Л. Шараков. — Великий Новгород, 2020. — С. 3–11.
  6. Белов С. В. Жена писателя. Последняя любовь Ф. М. Достоевского. — М.: Комкнига, 2010. — 206 с.
  7. Борисова В. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 1. — С. 32–42 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481
  8. Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 1. — С. 46–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786
  9. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. — М.: АСТ, 2017. — 780 с.
  10. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., коммент. И. С. Андриановой, Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
  11. Из архива Достоевского: письма русских писателей / ред. и вступ. ст. Н. К. Пиксанова. — М.; Петроград: Госиздат, 1923. — 138 с.
  12. [Ланский] Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) (публ. Л. Р. Ланского) // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 349–564. (Сер. Литературное наследство; 86)
  13. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. / ред. Н. Ф. Буданова и Г. М. Фридендер; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Академический проект, 1999. — Т. 3. — 614 с.
  14. Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. — М.: РОССПЭН, 2002. — 517 с.
  15. Проходцов И. И. А. Д. Повалишин. — Рязань: Тип. Губ. правл., 1900. — 62 с.
  16. Сосновская О. А., Андрианова И. С. Неизвестные стенографические записи в дневнике А. Г. Достоевской, или Что не расшифровала Ц. М. Пошеманская // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 140–156 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1571224592.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4202
  17. Юхнович Ю. В. «Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А. Г. Достоевской // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 4. — С. 176–184 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3785

Oksana A. Sosnovskaya

independent researcher
(Sestroretsk, Saint Petersburg, Russian Federation)

sosna2679@yandex.ru

Irina S. Andrianova

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

yarysheva@yandex.ru

“...After Waiting 23 Years, It Is Unthinkable to Wait Again for 20 Years”: An Unknown Transcript on the Fate of the Dostoevsky Family’s Ryazan Estate

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 17–34–01075–OGN a2.

Abstract. This publication introduces into scientific circulation one of the previously untranscribed shorthand documents of the wife of F. M. Dostoevsky. According to our transcript, the contents of this draft of her letter is related to the inheritance that the writer’s family received after the death of a rich Moscow relative, A. F. Kumanina. Dostoevsky did not have the time to use the inherited estate in the village of Spas-Klepiki of the Ryazan province, and the writer’s widow and children became the owners of the Ryazan estate. On these three pages, A. G. Dostoevskaya encrypted a message to an unknown person about the upcoming sale of her family’s share of the estate in Spas-Klepiki and a request for advice on drawing up a forestry plan. In addition to the fact that this document is written in shorthand, the work with it was complicated by several circumstances: it was randomly enclosed in a folder with letters from N. A. Disterlo to A. G. Dostoevskaya; there is no evocation of the addressee or date. After studying the letters of F. F. Dostoevsky to his mother, the authors of the article concluded that the draft letter was dated 1895. An attempt is made to attribute it: it is demonstrated that the likely addressee is A. D. Povalishin, the manager of the Ryazan branches of the Noble and Peasant Banks. The transcript helped determine that count A. A. Golenishchev-Kutuzov provided assistance in the sale of the estate. It was established that a certain Monsherov, mentioned in the verbatim draft, is not a joint heir of Dostoevsky, as he is listed in the nominal index of the Complete Academic Works of the writer, but the Ryazan surveyor I. P. Monsherov. The study analyzes unpublished letters from 1896 by this acquaintance of Dostoevsky’s widow, as well as epistolary documents from the archive of Andrei and Anna Dostoevsky, which are related to the Ryazan estate. Examination reveals that one parcel of the land inherited by the writer’s family was sold, and the first income from the Ryazan estate was received in 1895. The fair copy of the letter written by Dostoevsky’s widow has not been recovered; the task of locating it (likely in the Ryazan archives) remains relevant. The transcribed, attributed and dated draft of this letter and the surviving letters of I. P. Monsherov to A. G. Dostoevsky are the documents that establish new facts about the fate of Kumanina’s inheritance after the writer’s death.

Keywords: shorthand, Anna Dostoevskaya, attribution, dating, Dostoevsky archive, Ryazan estate, I. P. Monsherov, A. D. Povalishin, A. A. Golenishchev-Kutuzov

About the authors: *Sosnovskaya Oksana A.* — independent researcher (Sestroretsk, Saint Petersburg, Russian Federation); *Andrianova Irina S.* — PhD in Philology, Head of Web-laboratory of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: January 15, 2019

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Sosnovskaya O. A., Andrianova I. S. “...After Waiting 23 Years, It Is Unthinkable to Wait Again for 20 Years”: An Unknown Transcript on the Fate of the Dostoevsky Family’s Ryazan Estate. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 168–183. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4461 (In Russ.)

References

1. Andrianova I. S. “I am Devoted to Her Against Her Will”: On the Decipherment of the Stenographic Diary of Anna Dostoevskaya by Ceciliya Poshemanskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 2, pp. 70–89. Available at: http://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532688551.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3601 (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. The Stenographic System of Anna Dostoevskaya: The Problem of Decryption. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 43–67. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1526546792.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3521 (In Russ.)
3. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Unknown Transcripts of Fedor Dostoevsky’s Wife, or On the History of One Lev Tolstoy’s Manuscript. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 1, pp. 119–135. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980194.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3902 (In Russ.) (a)
4. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Ceciliya Poshemanskaya: Professional Path of a Stenographer and Researcher of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: peterburgskiy al'manah*, 2019, pp. 266–275. (In Russ.) (b)
5. Andrianova I. S., Sosnovskaya O. A. Unknown Transcript of A. G. Dostoevskaya About the Fire in the School of Staraya Russa. In: *Dostoevskiy i sovremennoost': materialy XXXIV Mezhdunarodnyh Starorusskikh chteniy 2019 goda*. Velikiy Novgorod, 2020, pp. 3–11 (In Russ.).
6. Belov S. V. *Zhena pisatelya: Poslednyaya lyubov' F. M. Dostoevskogo [The Writer’s Wife: F. M. Dostoevsky’s Last Love]*. Moscow, Komkniga Publ., 2010. 206 p. (In Russ.)
7. Borisova V. V. “The Kumanin Heritage Case” in Life and Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 32–42. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481 (In Russ.)
8. Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 1, pp. 46–69. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
9. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo [The Last Year of Dostoevsky]*. Moscow, AST Publ., 2017. 780 p. (In Russ.)
10. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
11. *Iz arhiva Dostoevskogo: pis'ma russkikh pisateley [From the Dostoevsky Archive: Letters of Russian Writers]*. Moscow, Petrograd, Gosizdat Publ., 1923. 138 p. (In Russ.)

12. [Lanskiy] Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya* [*F. M. Dostoevsky. New Materials and Studies*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86) (In Russ.)
13. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 3, 615 p. (In Russ.)
14. Proskuryakova N. A. *Zemel'nye banki Rossiyskoy Federatsii* [*Land Banks of the Russian Empire*]. Moscow: ROSSPEN, 2002, 517 p. (In Russ.)
15. Prohodtsov I. I. A. D. *Povalishin*. Ryazan', Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1900. 62 p. (In Russ.)
16. Sosnovskaya O. A., Andrianova I. S. The Unknown Shorthand Notes in the Diary of Anna Dostoevskaya, or What Didn't Ceciliya Poshemanskaya Manage to Decipher. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 3, pp. 140–156. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1571224592.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4202 (In Russ.)
17. Yukhnovich Yu. V. The “Kumanin Case” in Anna Dostoevskaya's Memoirs and Letters. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 4, pp. 176–184. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (accessed on January 12, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3785 (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4542

УДК 82.161.1.09"18"+930.253+17.81.31

Л. В. Алексеева

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

lempi@mail.ru

Актуальные проблемы публикации переписки Ф. М. Достоевского и его корреспондентов*

Аннотация. В статье представлен обзор эдиционных принципов публикации эпистолярного наследия Ф. М. Достоевского. Их анализ позволяет говорить об эволюции целей и задач исследователей, готовивших к публикации переписку Достоевского и его корреспондентов, и в то же время выявляет проблемы, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться исследователи на протяжении более 130 лет изучения эпистолярного наследия писателя. Литературная ценность писем Достоевского была осознана сразу после его смерти. Они вызывали интерес как биографический источник и в то же время как часть литературного наследия писателя. Уже в 1880-е гг. было опубликовано значительное количество писем к А. Е. Врангелю, А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову, И. С. Аксакову и др. Особое внимание было уделено переписке Достоевского с читателями, писателями, редакторами, журналистами. Первые публикации писем Достоевского, не преследуя научных целей, знакомили с письмами как с частью творческого наследия писателя. Уже тогда возникло множество проблем, связанных с систематизацией переписки, поиском автографов, утраченными или найденными письмами, принципами издания эпистолярных источников. В 1920–1930-е гг. исследователи, по-прежнему уделяя основное внимание письмам Достоевского, обратились и к письмам его адресатов, которые стали осознаваться как неотъемлемая часть переписки: были выделены корпуса писем отдельных корреспондентов, сформированы некоторые эпистолярные циклы, появились первые опыты публикации двухсторонней переписки, началось постепенное освоение ее историко-культурного и комментаторского потенциала. Наметившиеся тенденции получили свое развитие в дальнейшем. На первое место вышли такие принципы, как полнота представления переписки, точность воспроизведения рукописного текста, научно-критический подход к их изучению и публикации. Несмотря на значительные успехи исследователей, многие проблемы публикации переписки Достоевского, например, выстраивание цельной композиции писем, остаются актуальными до сих пор. В настоящее время издание эпистолярного наследия писателя и писем его корреспондентов выдвигает задачу публикации полного комментированного свода переписки как в печатной, так и в электронной форме. Электронная форма публикации имеет свои преимущества, расширяя способы представления рукописного материала и, в свою очередь, возможности исследователей для дальнейшего изучения эпистолярного наследия Достоевского, жизни и творчества писателя в целом.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, эпистолярное наследие, переписка, корреспондент, адресат, адресант, атрибуция, диалог, эпистолярные циклы

Об авторе: Алексеева Любовь Викторовна — кандидат филологических наук, специалист Web-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 17.01.2020

Дата публикации: 31.03.2020

Для цитирования: Алексеева Л. В. Актуальные проблемы публикации переписки Ф. М. Достоевского и его корреспондентов // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 184–224. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4542

Письма являются одним из самых ценных, но не бесспорных с точки зрения исторической достоверности источников, с помощью которых можно выстроить подлинную биографию личности. После избавления от условной литературной риторики, свойственной эпистолярному жанру в первые десятилетия XIX в., он становится «отражением всей широты умственных и нравственных интересов эпохи <...> насыщенной свежими красками и отзвуками живой жизни ее *летописью*» (курсив мой. — Л. А.) [Фридлендер, 1985: 6]¹. Если говорить об эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского, то «как у всякого писателя, — по замечанию Г. М. Фридлендера, — письма Достоевского — не только его исповедь, подробный, писавшийся непосредственно им самим, день за днем рассказ о себе, о событиях и людях, его окружавших, но вместе с тем и неотъемлемая часть его творческого наследия» [Фридлендер, 1985: 5].

Эпистолярное наследие Достоевского охватывает обширный, пятидесятилетний, период его жизни — с 1832 по 1881 гг., начиная с небольшой приписки на письме его матери М. Ф. Достоевской мужу М. А. Достоевскому, подписанной каждым из детей: Федором, Михаилом, Варварой и Андреем², — и заканчивая собственноручно написанным письмом Н. А. Любимову от 26 января 1881 г.³, а также продиктованным жене писателя А. Г. Достоевской 28 января 1881 г. ответом на письмо Е. Н. Гейден⁴. Эпистолярное наследие Достоевского и его корреспондентов включает письма не только самого писателя, которые в силу непрекращающегося интереса к его личности оказались в наибольшей степени изучены, но и адресованные к нему письма, авторы которых входили в ближайшее окружение писателя (родственники, близкие друзья) или были связаны с его писательской, журнальной, издательской деятельностью, деятельностью Литературного фонда: читатели, подписчики, сотрудники журналов, книгопродавцы, издатели, священники и т. п.⁵

Внимание исследователей, обращавшихся к эпистолярному наследию писателя, было сосредоточено на изучении его писем: поиск автографов рукописей, составление и уточнение списков утраченных и найденных писем, атрибуция, датировка, выстраивание хронологической последовательности писем, расшифровка рукописных источников, подготовка комментариев к ним. Однако целостная картина переписки не может быть составлена на основании писем, представляющих только одну сторону эпистолярного диалога. Она складывается, когда в наличии у исследователя оказываются не только письма адресанта, но и ответные письма адресата. Письма корреспондентов писателя к нему также являются ценным источником, в котором упоминаются, порой цитируются или пересказываются письма Достоевского, проясняются факты его биографии, мировоззренческие принципы, события, связанные с журнальной деятельностью, творческая история произведений и т. п.

Об издании переписки Достоевского вместе с письмами его корреспондентов в будущем неоднократно говорили исследователи. Эта задача была осознана сразу после смерти писателя, когда появились первые публикации его писем и переписки. Особое значение имела переписка Достоевского с русскими писателями и журналистами⁶. Письма корреспондентов к Достоевскому широко привлекались А. С. Долининым к комментированию в изданном им четырехтомнике писем писателя⁷. Отрывки из адресованных Достоевскому писем приводились и в книге о его жизни и творчестве Л. П. Гроссмана [Гроссман].

О возможности издания переписки Достоевского и его корреспондентов «в будущем» писал Г. М. Фридлиндер: «Вероятно, в будущем возникнет потребность в издании полного научно-критического свода переписки Достоевского, куда войдут вместе с его письмами письма всех корреспондентов писателя (такой свод переписки вошел в состав большого академического издания Сочинений Пушкина)» [Фридлиндер, 1985: 25]. Переписка Пушкина была издана в 13–16-м томах Полного собрания его сочинений (т. 13: 1815–1827; т. 14: 1828–1831; т. 15: 1832–1834; т. 16: 1835–1837)⁸. Письма были опубликованы в современной орфографии с отступлением в некоторых случаях от норм с целью сохранения «живого языка Пушкина»⁹. Однако особую ценность с точки зрения принципов воспроизведения текста (сохранение авторской орфографии и пунктуации) имеет трехтомное издание писем Пушкина, вышедшее ранее, в 1926–1935 гг.¹⁰ В отличие от Большого академического собрания сочинений оно снабжено обширным комментаторским аппаратом.

Несмотря на имеющийся опыт подготовки двусторонней переписки и распространенность такого рода изданий (например, переписка Екатерины II с французскими просветителями XVIII в.¹¹), публикация полного свода переписки Достоевского с корреспондентами до настоящего времени не осуществлялась. Такая задача ставится в современном издании Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации (см.: [Захаров, 1994, 1995]), охватывающего, помимо художественного творчества писателя, не только его личную переписку, но и редакционные архивы «Времени» (1860–1863), «Эпохи» (1864–1865), «Гражданина» (1873–1874), «Дневника Писателя» (1876–1881) [Захаров, 2009b: 14].

Первые газетно-журнальные публикации писем Достоевского состоялись в 1881–1882 гг.: серия его писем к Л. А. Ожигиной, Н. Л. Озмидову, А. Ф. Благонравову, студентам Московского университета вышла в нескольких номерах московских газет «Русь» и «Новое время» за 1881 г., в последней в 1882 г. также были изданы 2 письма К. И. Маслянникову; в «Историческом вестнике» — были частично опубликованы 2 письма Вс. С. Соловьеву (1881, № 4), в «Московских ведомостях» (1881, № 31) — письмо В. М. Каченовскому, в газете «Неделя» (1882, 3 янв.) — несколько писем Достоевского к брату Михаилу.

В 1883 г. в первом томе посмертного Полного собрания сочинений Достоевского была дана публикация ценной части его переписки — 147 писем к отцу, братьям Андрею и Михаилу, А. Е. Врангелю, А. Н. Майкову, Н. Н. Страху, И. С. Аксакову и др. [Биография...].

В последующие годы в журналах «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский вестник», «Северный вестник», «Красный архив», «Московский сборник», «Нива», «Былое», газетах «Новое время», «Биржевые ведомости» и др. были опубликованы письма Достоевского к А. П., В. М., С. А. Ивановым, В. Ф. Пуцыковичу, С. А. Юрьеву, Д. С., В. Д. Констант, К. П. Победоносцеву, П. А. Исаеву, М. А. Александрову, А. А. Краевскому, Е. П. Ковалевскому, Н. А. Любимову, А. Г. Достоевской, Н. Н. Страху и другим адресатам¹².

Особое значение в эпистолярном наследии писателя имеют его письма к жене А. Г. Достоевской. Она полагала, что письма мужа к ней представляют «собой чрезвычайный интерес» и могли бы быть напечатаны «отдельною книгою»¹³. Условие публикации этих писем было обозначено самой Анной Григорьевной: *«Изъ числа ихъ должны быть исключены всѣ особенно интимныя, касающіеся только меня лично. <...> Желательно чтобы письма были напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ цѣликомъ (кромя исключенныхъ моими дѣтьми)»*¹⁴. Подготовленные А. Г. Достоевской письма были изданы Н. Ф. Бельчиковым в 1926 г. [Письма Ф. М. Достоевского...]. Позже исследователи признали их «единственным в своем роде литературным памятником жене» [Белов, Туниманов: 354].

Особая заслуга по разысканию, изучению и публикации переписки писателя принадлежит А. С. Долинину. В подготовленном им сборнике «Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы» (1922) с небольшими комментариями было опубликовано 21 неизданное письмо Достоевского к разным лицам из архивов Пушкинского Дома, Публичной библиотеки (ныне — Российской национальной библиотеки) и Академии наук¹⁵. Так, например, из материалов Пушкинского Дома в сборнике представлены 11 не вошедших в издание 1883 г. писем к А. Н. Майкову, а также 2 письма Достоевского к неатрибутированным на тот момент корреспондентам — А. Д. Путяте и Н. А. Любимову¹⁶. Автограф письма Достоевского Любимову от 16 ноября 1866 г. не был известен Долинину, поэтому оно было опубликовано не полностью по хранившейся в архиве А. Н. Майкова копии отрывка из письма без указания имени адресата в обращении к нему¹⁷. Во второй сборник вошли переписка Достоевского с А. П. Суловой, письма к матери М. Ф. Достоевской, Кашиным, И. С. Тургеневу, пропущенные ранее места в письмах А. Н. Майкову и письма корреспондентов писателя к нему (письма А. Н. Майкова за 1860–1870-х гг., С. Д. Яновского, П. Исаева, редакции «Русского вестника»)¹⁸. Письма Достоевского Тургеневу, представленные в этом сборнике, были обнаружены французским славистом Андре Мазоном (André Mazon) в парижском архиве наследников Полины Виардо и еще в 1921 г.

опубликованы им в авторской орфографии и пунктуации (с некоторыми неточностями прочтения) в журнале «Revue des Études Slaves» [Mazon]. Однако до 1924 г., по свидетельству И. С. Зильберштейна, эти письма не были известны отечественным исследователям¹⁹. Н. К. Пиксанов, опубликовавший в 1923 г. в сборнике «Из архива Достоевского. Письма русских писателей» одно сохранившееся в архиве А. Г. Достоевской письмо Достоевского к Тургеневу и 16 писем Тургенева к нему, высказал лишь предположение о существовании писем Достоевского к писателю в парижском архиве Виардо и отметил, что ни одно из них ранее не появлялось в печати [Из архива Достоевского...: 16–17]. Позднее была предпринята попытка собрать воедино всю сохранившуюся переписку Достоевского с Тургеневым [Ф. М. Достоевский..., 1928], но, по свидетельству исследователей, «далеко не вся переписка дошла до наших дней» [Зильберштейн, 1928: 10].

В вышедшем в 1923 г. под редакцией Н. К. Пиксанова сборнике была опубликована часть переписки Достоевского с писателями из фондов Централархива в Москве (И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, Н. А. Некрасовым, А. Н. Островским, А. Н. Плещеевым, Я. П. Полонским, Н. Г. Помяловским, М. Е. Салтыковым-Щедриным, И. С. Тургеневым) [Из архива Достоевского...]. Издание знакомит читателя не только с письмами Достоевского, но и с ответными письмами видных литературных деятелей, хотя это лишь фрагменты переписки. Кроме того, сборник содержит многочисленные иллюстрации — факсимильные копии автографов, давая тем самым читателю возможность увидеть почерк Достоевского и других писателей и оценить сложность текстологической работы по подготовке к публикации писем разных лиц. Текст писем передан в новой орфографии (с сохранением особенностей написания слов) и авторской пунктуации, с передачей в квадратных скобках зачеркнутых в рукописи мест, непроставленных дат и недописанных окончаний.

В 1927 г. благодаря В. С. Нечаевой в печати появились не изданные до того времени письма (с примечаниями и вступительными заметками) из архива родственников писателя — Е. М. Достоевской, племянницы Ф. М. Достоевского (фрагмент переписки Достоевского со старшим братом Михаилом, письма которого ранее не были известны, письма Ф. М. Достоевского к жене брата, Эмилии Федоровне), из архива М. И. Владиславлева, мужа дочери М. Достоевского, в числе которых — письма Федора Достоевского к нему, из архива Ивановых — адресованные писателем своим племянницам, Софье Александровне и Нине Александровне Ивановым [Нечаева, 1927]. Эти письма чрезвычайно важны для понимания родственных отношений Достоевских — раскрывают душевное состояние братьев в период заключения и ссылки писателя, проясняют характер отношений Ф. М. Достоевского к семье брата («мучительные денежные расчеты, горячее желание и невозможность помочь нуждавшейся женщине» [Нечаева, 1927: 103]).

В 1935 г. публикация писем М. М. Достоевского к брату была дополнена Долининым в сборнике «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования»²⁰, куда вошли еще 43 письма кон. 1850-х — 1 пол. 1860-х гг., освещающие важный период жизни Достоевского — годы ссылки и первое время после возвращения в Россию из-за границы. Также в сборнике была опубликована большая часть писем к Достоевскому А. Н. Плещеева (22 письма), которые затрагивают события литературной и общественной жизни того времени. В числе подготовленных Долининым следует упомянуть и публикацию в сборнике «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению» 22 писем Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому²¹, взаимоотношениям и идейной близости которых посвящена вступительная статья исследователя [Долинин, 1940]. (Позднее, в 1970–1980-е гг., были опубликованы еще несколько писем Страхова к Достоевскому периода их сотрудничества в еженедельнике «Гражданин» — см.: [Гайнцева], [Гальперина, Бюград].)

Одновременно с появлением в печати сборников с публикациями избранной корреспонденции Достоевского, в 1928–1959 гг. под редакцией Долинина, с предисловием и примечаниями исследователя, вышли четыре тома писем и деловых бумаг писателя (932 текста)²². В «Предисловии редактора» А. С. Долинин отметил, что «из неопубликованного литературного наследия Достоевского обстоит до сих пор особенно неблагоприятно с его письмами», положение которых «гораздо хуже положения автографов — планов и вариантов его художественных произведений» [Долинин, 1928: 1]. Исследователь обозначил актуальную проблему изучения и публикации эпистолярного наследия писателя — затрудненность поиска рукописных подлинников ввиду рассредоточенности их по разным архивам и частным коллекциям. Несмотря на то, что в первые послереволюционные годы архив писателя и материалы некоторых частных коллекций перешли во владение государством (см. подробнее: [Андрианова, 2013: 35–40]), на момент выхода первых томов не все письма Достоевского оказались доступны исследователю и поэтому были помещены позднее в четвертый том издания. Кроме того, 25 писем 1839–1865 гг., рукописные автографы которых принадлежали Централхиву, по желанию архива, были исключены из общей хронологической последовательности и опубликованы в качестве приложения с предисловием П. Н. Сакулина в конце второго тома²³. По этим причинам в издании нарушилась хронологическая последовательность публикации эпистолярных источников.

Большая часть писем была подготовлена на основе рукописных подлинников, в случае отсутствия или недоступности автографов исследователь обращался к их спискам, копиям или предыдущим публикациям. При сверке оригиналов писем или списков, сделанных с них исследователем, с уже известными публикациями в некоторых случаях выявлялись фрагменты, пропущенные по разным причинам в более ранних изданиях²⁴.

Тексты писем воспроизведены в авторской орфографии (и в основном соответствуют правилам нового, пореформенного, правописания) и пунктуации. Очевидные ошибки или описки автора исправлены и оговорены в примечаниях (напр., в т. 1 на с. 41 в письме № 6 написание «у папиньке» исправлено на «у папиньки»). Если в пределах одного письма орфография и пунктуация автора колеблется, то при публикации текста она сохранена с соответствующей оговоркой. Ошибки, допущенные автором с точки зрения норм дореформенной орфографии (например, случаи ошибочного написания ѣ / е) также отмечены в примечаниях (в т. 1, с. 39, письмо № 2: к слову «уведомте» дано примечание о том, что в подлиннике оно имеет написание «увѣдомитѣ»). Авторские вставки над строкой или на полях внесены в соответствующее место в тексте письма с оговоркой; исправления рукой автора переданы в окончательном варианте также с оговоркой в сноске; подчеркивания слов отражены курсивом; неразобранные слова отмечены многоточием; зачеркнутые автором письма места заключены в квадратные скобки [ ]. Конъектурные чтения редактора (окончания слов, часто встречающиеся сокращения, недописанные названия, имена и фамилии), дата и место написания письма, указанные редактором в начале письма, заключены в угловые скобки < >²⁵. В некоторых случаях встречаются отступления от обозначенных самим редактором принципов воспроизведения писем в авторской орфографии и пунктуации.

Значительная работа была проведена А. С. Долининым над составлением биографического, историко-культурного и реального комментария к письмам. Благодаря привлечению в работе над комментарием эпистолярных источников, исторической, мемуарной литературы, материалов периодической печати, письма Достоевского были введены в широкий историко-культурный контекст. Также А. С. Долинин ввел в научный оборот письма корреспондентов писателя, приводя выдержки и делая ссылки на них в комментариях к изданию и параллельно публикуя избранные письма в сборниках научных материалов, редактором которых он являлся. При некоторых недочетах, упущениях и пропусках²⁶ издание отличается развернутым научно-критическим аппаратом, достаточно широким охватом рукописных материалов и научным подходом в передаче автографов писем. Четырехтомное собрание в течение долгого времени служило основным источником для изучения переписки Ф. М. Достоевского.

В результате масштабной исследовательской работы А. С. Долинина по выявлению, разысканию рукописных автографов писем, подготовке их к публикации и комментированию был сделан значительный шаг вперед на пути к научному изучению эпистолярного наследия Достоевского и признанию писем его корреспондентов важной частью творческого наследия писателя.

Предпринятая в 1950-е гг. В. С. Нечаевой работа по систематизации и описанию хранящихся в архивах России рукописей Ф. М. Достоевского

[Нечаева, 1957], включая его эпистолярное наследие и письма корреспондентов к нему, была призвана помочь исследователям сориентироваться в разрозненных по архивам рукописных материалах и существующих публикациях писем. Тем не менее описание писем, разделенных Нечаевой на две большие группы (письма Достоевского и письма корреспондентов) и выстроенных в каждом из двух разделов в алфавитном порядке по корреспондентам с соблюдением хронологии переписки, не давало определенного представления о содержании фондов какого-либо отдельно взятого архива. Отчасти эта проблема была решена в отношении архива Института русской литературы (Пушкинский Дом), когда в 1957 г. было подготовлено описание, систематизирующее автографы Достоевского, при некоторых пропусках, из фондов его Рукописного отдела (РО ИРЛИ) [Бюллетени...]. Помимо рукописей художественных произведений, статей, очерков, альбомных записей, предметов с дарственными надписями, официальных документов и деловых бумаг, в него вошли письма Достоевского и корреспондентов к нему. Исключение составили письма (около 50) разных лиц и учреждений периода издания «Дневника писателя» и адресованные в книжную торговлю Достоевского.

В последующие десятилетия, 1970–1990 гг., научное изучение писем Достоевского продолжилось: обнаружилось неизвестные автографы, одновременно с подготовкой нового академического Полного собрания сочинений Достоевского появились отдельные научные публикации неизвестных и неопубликованных ранее писем²⁷.

В то же время возросло внимание исследователей к письмам корреспондентов писателя, которые все больше осознаются как неотъемлемая часть его переписки. «Систематическое опубликование» писем, адресованных Достоевскому, было поставлено в «одну из очередных научных задач» [Фридлендер, 1971: 251].

В 1971 г. к 150-летию со дня рождения писателя и 90-летию со дня его смерти Институт русской литературы (Пушкинский Дом) подготовил сборник статей, исследований и материалов под редакцией В. Г. Базанова, Г. М. Фридлендера «Достоевский и его время». В раздел «Материалов и сообщений» этого сборника, помимо мемуарных и документальных источников к биографии писателя, вошли впервые опубликованное письмо Достоевского к В. М. Каченовскому (на основе фотокопии подлинника, хранившегося в архиве научной библиотеки Вильнюсского государственного университета [Капелюш]), и неизданные письма корреспондентов писателя к нему [Неизданные письма...], подготовленные коллективом редакции планировавшегося к изданию Полного собрания сочинений Достоевского. Это корреспонденция 1860-х гг.: Н. С. Крыжановской, 4 письма А. С. Ушакова, письма Достоевского к которым неизвестны, А. Д. Путяты, 5 писем П. Н. Горского; а также письма 1870-х гг.: читателя «Дневника Писателя» Гребцова, Н. Н. Салова, служащего Окружного суда, подписавшегося инициалами «М. А.», имя

которого до сих пор не установлено, 2 письма О. Ф. Миллера. Письма опубликованы по подлинникам из архива РО ИРЛИ, за исключением письма А. С. Ушакова из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), сопровождаены краткими текстологическими, биографическими справками и комментариями.

Продолжением серии публикаций, запланированной Редакцией академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского и начатой в сборнике «Достоевский и его время», стала регулярная публикация текстов неизданных писем к Достоевскому с комментариями в сборниках серии Института русской литературы (Пушкинский Дом) «Достоевский. Материалы и исследования»²⁸, наряду с другими документами и материалами к биографии писателя, исследованиями, обзорами и статьями об актуальных проблемах изучения его творчества (см.: [Фридлендер, 1974: 3]). За это время, начиная с 1974 г., были опубликованы неизвестные письма адресатов Достоевского не только за 1860–1870-х гг., но и более раннего периода, 1840–1850-х гг., письма которого сохранились в наименьшей степени.

Так, в 3 выпуске серии вышел ряд писем к Достоевскому А. Е. Врангеля, принимавшего особое участие в жизни писателя в ссылке. Из 16 известных писем Врангеля в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 212.1.63) Т. И. Орнатской, подготовившей публикацию, выбраны 12 писем, охватывающих 1856–1867 гг. — период после возвращения писателя с каторги до отъезда за границу. Одно из писем (№ 5: «Дорогой Федор Михайлович, не был я у Вас потому...»)²⁹, не датированных самим автором письма, опубликовано исследователем с датой 29 февраля 1860 г. на основании почтового штемпеля. Однако содержащееся в письме указание его автором на день недели, в который оно было написано (воскресенье), дало право исследователям позднее передатировать письмо 28 февраля, которое приходилось на этот день недели (см.: [Летопись..., т. 1: 284]). Также ошибочно датировано 23 апреля (5 мая) 1865 г. письмо № 7 («Душевно благодарю Вас, добрейший мой друг...»)³⁰ в результате неверного прочтения цифры 8 в дате³¹. Эта же дата указана и в других источниках³². На основании сравнения этого начертания с начертанием цифры 8 в написании года «1865», где оно не вызывает сомнения, письмо следует датировать 8 мая, как это было ранее сделано В. С. Нечаевой [Нечаева, 1957: 350]. Опубликованный в сборнике ряд писем Е. А. Врангеля, представляющий большую часть его переписки с Достоевским, выступает в качестве своеобразного комментария к письмам самого писателя. Поэтому публикация в форме эпистолярного диалога переписки Достоевского с Врангелем, длившейся два десятилетия, наряду с перепиской с другими корреспондентами, входит в актуальные задачи современного изучения и подготовки к публикации эпистолярного наследия Достоевского. Следует отметить и публикацию в 4 выпуске 12 писем к Достоевскому (с уточнением датировок)

поэта, переводчика, историка литературы П. И. Вейнберга, общение и переписка с которым — в основном в связи с участием обоих в деятельности Литературного фонда, по поводу литературных чтений и вечеров — начались по возвращении писателя из ссылки в Петербург и длились до конца 1880 г. [Степанова]. 12 писем Вейнберга и 3 известных письма Достоевского к нему могут быть объединены и опубликованы как один эпистолярный цикл.

В числе корреспондентов Достоевского, письма которых принадлежат раннему периоду переписки (до 1867 г.) и представлены в серии «Достоевский. Материалы и исследования», следует упомянуть семипалатинского офицера А. И. Бахирева (т. 2); сотрудника журнала «Время» в 1861–1863 гг., литератора Ф. Н. Берга (т. 5); брата писателя, М. М. Достоевского, переписка с которым дополнена 2 письмами — от 5 декабря 1841 г. и за июнь 1862 г.; Е. Коробьину (1859), Е. Н. Ахматову (1861), Ф. М. Толстого (1861), Н. С. Кашкина (1861), Н. П. Барсова (1862), В. В. Крестовского (1863), Ф. И. Лобысевича (1864), М. Л. Златковского (1864), Н. А. Потехина (1865) (т. 9); Е. И. Капустину (т. 10) и др. Однако в основном в серии представлены письма 1870–1880-х гг., когда издавались газета-журнал «Гражданин» и «Дневник Писателя» и переписка Достоевского с корреспондентами была наиболее многочисленна. Исследователей привлекали живые отклики читателей, лиц, сотрудничавших с журналами Достоевского, литераторов, деятелей культуры и искусства и т. д.

Серия публикаций писем корреспондентов также появилась в журнале «Вопросы литературы» за 1971 г. Среди них — письма читателей, полученные Достоевским за годы издания «Дневника Писателя» [Волгин, 1971], фрагменты писем корреспондентов периода издания журналов Достоевских «Время», «Эпоха»: письма сотрудника журнала «Эпоха» А. А. Головачева, ответные письма Достоевского к которому не сохранились (однако письма Головачева важны именно тем, что по ним мы можем косвенно судить о содержании несохранившихся писем Достоевского к своему корреспонденту); письма кредитора П. А. Попова, А. В. Зименко, редактора «С.-Петербургских ведомостей» В. Ф. Корша, беллетриста, драматурга Н. А. Чаева и др.; письма, связанные с деятельностью еженедельника «Гражданин», письма читателей и начинающих литераторов [Ланский, 1971: 202–203].

В 1972 г. были опубликованы 7 писем И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому 1864–1881 гг. [Волгин, 1972]. Несмотря на то, что знакомство двух литераторов состоялось в 1860-е гг. и между журналом братьев Достоевских «Время» и газетой Аксакова «День» шла полемика, общение между ними посредством переписки в основном началось в 1880 г. после «Пушкинской речи» Достоевского. Ранее в печати появились только 4 письма Достоевского к Аксакову, которые были предоставлены для публикации самим Аксаковым³³. Два из них — от 3 и 18 декабря 1880 г. — известны лишь по тексту первой публикации в издании 1883 г., два других — 28 августа и 4 ноября 1880 г. — хранятся в РО ИРЛИ (Ф. 3. Оп. 4. № 190). Автографы остальных

писем (по предположению И. С. Аксакова, всего им было получено около 6 писем) не найдены. Н. Перлина в 1975 г. высказывала предположение, что неизвестные автографы Достоевского 1867 и 1880 г., как и оригиналы двух опубликованных писем, следует искать в самарском архиве Аксаковых, откуда и поступила значительная часть писем И. С. Аксакова [Перлина: 45–46]. Поиск Н. Перлиной самарского архива не дал результатов. Поэтому публикация переписки с И. С. Аксаковым в полном объеме так и не была осуществлена, а разыскание остальной ее части остается актуальной задачей. В своем исследовании Н. Перлина обозначила и другие направления поисков некоторых автографов Достоевского, упомянутых в переписке составителей «Биографии...» 1883 г. (см. подробнее: [Перлина]).

Результаты изучения эпистолярного наследия Достоевского за годы, прошедшие со времени выхода четырехтомного собрания писем проанализированы в работе И. С. Зильберштейна «Новонайденные и забытые письма Достоевского». В его обзоре приводится перечень писем (с указанием места их публикации), автографы которых были обнаружены в различных архивах, в том числе зарубежных (из Народного музея и Чехословацкой библиотеки в Праге, из библиотек Манчестерского и Вильнюсского университетов). И. С. Зильберштейн, как и А. С. Долинин, признавал адресованную писателю корреспонденцию ценным источником сведений об утраченных или найденных письмах Достоевского, которые могли упоминаться или цитироваться его корреспондентами [Зильберштейн, 1973: 117]. Исследователь ввел в научный оборот 10 писем, пропущенных Долининым, два из которых — В. Н. и П. М. Третьяковым от 13 и 14 июня 1880 г. — были уже опубликованы в 1951 г.³⁴, но не упомянуты и в «Описании...» В. С. Нечаевой. И. С. Зильберштейн также опубликовал сверенные по подлинникам (с отсылкой к архиву, но без указания архивных шифров, которые уточнены нами. — Л. А.) 6 писем П. М. и В. Н. Третьяковых (из Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи и Российской государственной библиотеки³⁵); 2 письма Н. А. Любимова (из ОР РГБ³⁶ и Музея-квартиры А. Б. Гольденвейзера в Москве³⁷); письмо С. М. Лобода (из ОР РГБ³⁸) и записку Достоевского к ней (из Гос. музея им. К. А. Федина в Саратове³⁹); 2 записки к М. А. Александрову (из Государственного литературного музея⁴⁰); 2 письма к К. К. Романову (место хранения писем исследователю не были известны⁴¹); черновой автограф неизвестного предсмертного письма Достоевского от 28 января 1881 г., продиктованного им А. Г. Достоевской в ответ на письмо Е. Н. Гейден⁴² (хотя ранее последним по хронологии публиковалось письмо Достоевского к Н. А. Любимову от 26 января 1881 г., собственноручно им написанное⁴³). Датировку и адресата предсмертного письма, воспроизводящего историю болезни писателя накануне смерти, устанавливают на основании пометы А. Г. Достоевской (Д30; 30; 395). Несмотря на высказанные предположения о том, что данная записка отражает состояние Достоевского днем ранее, 27 января (см.: [Волгин, 2010:

530–531]), когда писатель диктовал ответ, который неизвестен, еще на одно письмо от С. П. Хитрово и С. А. Толстой (см.: [Летопись, т. 3: 544, 546]) и что эта записка как раз могла быть ответом на него, исследователи не опровергают атрибуцию этого документа и публикуют его как последнее письмо Достоевского к Е. Н. Гейден от 28 января 1881 г. [Зильберштейн, 1973: 147], (ДЗ0; 30.; 242–243)⁴⁴.

И. С. Зильберштейн снова обозначил актуальную проблему поиска в зарубежных архивах и частных коллекциях автографов Достоевского, среди которых могут оказаться неизвестные, утраченные письма. Основываясь на том факте, что письмо Ф. М. Достоевского к В. М. Карепиной от 12 ноября 1859 г., опубликованное А. С. Долининым в 1928 г. по подлиннику, хранившемуся на тот момент в Историческом музее в Москве (ныне — Государственный исторический музей, ГИМ), позднее было передано в Россию в дар Музею Ф. М. Достоевского частным лицом из Франции, Зильберштейн предположил, что в частные собрания за рубежом могли попасть и до сих пор там оставаться и другие, «невьявленные, неописанные и неопубликованные», рукописи Достоевского [Зильберштейн, 1973: 141, 146].

Значительных результатов исследователь достиг в 1966 г., осуществив поиск автографов во Франции. В частном собрании в Ницце им было обнаружено еще одно письмо Ф. М. Достоевского и автограф дарственной надписи писателя на своей фотографии. Письмо, адресованное неизвестному лицу с обращением «Милостивый государь», датируется 3 июня 1848 г. и имеет ценность по нескольким причинам. Ранее было известно лишь одно письмо за этот год — к Е. П. Майковой от 14 мая 1848 г.⁴⁵ Помимо этого, в письме содержится указание на существование «листка» нигде еще не опубликованного рассказа Достоевского, отправленного неизвестному адресату, что дает надежду на разыскание этого раннего автографа начинающего писателя. Вторая находка исследователя во Франции — автограф дарственной надписи Достоевского от 16 декабря 1880 г. на своей фотографии из собрания Я. Ф. Сахара в Париже, которое после смерти коллекционера перешло к его дочери, Норе Яковлевне. Впоследствии она продала фотографию с автографом Достоевского (вместе с автографом Тургенева) в частную коллекцию, а остальную часть собрания передала в РГАЛИ. Автограф письма неизвестному лицу в 1970 г. был выставлен на аукцион в Отеле Друо («Drouot») и приобретен «заокеанским коллекционером», а автограф на фотографии в 1967 г. попал на аукцион в Марбурге («Stargardt»). Факсимильная копия письма, полученная ученым у частного коллекционера в Ницце, сейчас хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и доступна исследователям⁴⁶. Судьба двух автографов, найденных во Франции, остается невыясненной до конца (см. подробнее: [Зильберштейн, 1973: 144, 146]). Однако с конца 1960-х гг. автографы Достоевского неоднократно появлялись на зарубежных аукционах: «Drouot», «Sotheby's», «Stargardt», «Christie's» и др.

Некоторая часть автографов Достоевского оказалась в зарубежных архивах и библиотеках. В Национальной библиотеке Франции (Bibliothèque Nationale de France) хранятся письма Достоевского к И. С. Тургеневу⁴⁷, которые в 1921 г. были обнаружены ученым-славистом А. Мазоном (см. упомянутую ранее публикацию: [Mazon]). В библиотеке Манчестерского университета находится письмо Достоевского лицу без обращения от 5 декабря 1863 г., фотокопия подлинника которого хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁸. Имя адресата этого письма — Вильгельм Вольфсон, — ранее публиковавшегося как письмо неизвестному лицу⁴⁹, было сообщено исследовательницей О. В. Гроссман [Тихомиров: 87]. В Музее национальной письменности в Праге (Památník národního písemnictví) хранятся письма Достоевского Н. П. Вагнеру⁵⁰. Автограф письма Ф. М. Достоевского к В. М. Каченовскому от 25 ноября 1880 г., опубликованного Б. Н. Капелюш по архивной фотокопии из РО ИРЛИ⁵¹, находится в научной библиотеке Вильнюсского государственного университета. Опубликованное Н. Будановой в 1992 г. по фотокопии подлинника в журнале «Русская литература» неизвестное ранее письмо Достоевского к Н. Н. Страхову от 17 апреля 1873 г. [Буданова] хранится в Музее Изабеллы Стюарт Гарднер (Isabella Stewart Gardner Museum) в Бостоне (США). 6 писем Ф. М. Достоевского к В. Ф. Пуцыковичу (5 автографов Достоевского и 1 архивная копия письма рукой Пуцыковича) находятся в фонде Достоевского Берлинской государственной библиотеки (Staatsbibliothek zu Berlin. Slg Darmst. 2m 1846, 5, Dostoevskij), которая приобрела архив издателя, публициста после его смерти, но долгое время он не изучался отечественными исследователями [Отливанчик, 2010: 430].

Поиск подлинников писем в зарубежных архивах, на аукционах, в частных коллекциях остается актуальной задачей исследований, пока до сих пор не решена проблема неизвестных, утраченных автографов, а в переписке Достоевского с корреспондентами сохраняются лакуны. По мере решения этой проблемы становится возможным составление эпистолярных циклов, конечная цель которого — создание и подготовка к публикации полного свода переписки.

Единичные попытки издания двусторонней переписки уже предпринимались: публикация отдельных сюжетов переписки с Н. А. Некрасовым, А. Н. Островским, Я. П. Полонским в сборнике 1923 г. под ред. Н. К. Пиксанова, переписки с Ап. Сусловой, А. Н. Майковым в сборнике 1924 г. под ред. А. С. Долинина, издание в 1928 г. переписки с И. С. Тургеневым [Ф. М. Достоевский, 1928...].

В 1976 г. опубликована переписка Ф. М. Достоевского с женой Анной Григорьевной [Ф. М. Достоевский..., 1976]. Издание содержит всего 239 писем: 164 письма Достоевского, которые появились ранее в сборнике 1926 г. (см.: [Письма Ф. М. Достоевского...]) и в четырехтомном издании под редакцией А. С. Долинина, и 75 писем А. Г. Достоевской, которые, за исключением

нескольких, опубликованы впервые. Письма переданы в современной орфографии с соблюдением «орфографических и синтаксических особенностей подлинников», по возможности с восстановленным зачеркнутым текстом и с некоторыми купюрами (см. подробнее: [Ф. М. Достоевский..., 1976: 389]). Выстроенная в хронологическом порядке переписка образует единый эпистолярный цикл, в котором письма Достоевского дополняются и уточняются содержанием писем Анны Григорьевны. Вместе они составляют «семейную хронику» — «важное, незаменимое подспорье будущим создателям летописи жизни и творчества и научной биографии Достоевского» [Белов, Туниманов: 353].

Однако первоочередной задачей исследователей, обращавшихся к переписке Ф. М. Достоевского с корреспондентами, было стремление максимально изучить автографы писателя, разыскать утраченные и неизвестные письма.

В процессе подготовки 30-томного Полного собрания сочинений писателя опубликован новый корпус писем Достоевского⁵². Издание преследовало цель — «дать полный, критически проверенный свод писем великого писателя как части его литературного наследия» [Фридлиндер, 1985: 25]. В нем представлены письма — личные, официальные, коллективные — и деловые бумаги Достоевского. Письма корреспондентов писателя упоминаются или цитируются в примечаниях с необходимыми отсылками к месту хранения автографа или, если оно неизвестно, к первой публикации письма. По возможности устранены неточности и недочеты предыдущих публикаций, выстроен хронологический порядок известных на момент издания автографов. Корпус публикуемых текстов был дополнен новыми письмами и документами. В него вошли, помимо личных писем Достоевского к отдельным лицам, совместные с братьями или самостоятельные приписки на некоторых письмах, письма в редакции газет, журналов, в организации, официальные письма и деловые бумаги. Всего опубликовано 925 текстов личных писем, 15 коллективных и 43 официальных письма, включая деловые бумаги. Перечень недоступных для публикации писем — несохранившихся или найденных — оговаривается в конце каждого тома (379 номеров). Письма приведены по подлинникам с указанием первой публикации, в случае отсутствия подлинника — по микрофильмам, фото- и ксерокопиям или по первым публикациям. В отличие от предыдущего издания писем в примечании к письмам даны более подробные ссылки на места их хранения.

Письма и документы воспроизведены полностью, без сокращений. При передаче рукописного текста XIX в. использована современная орфография с сохранением особенностей подлинника, влияющих на произношение слов. Отражены колебания орфографии, в случае если они повторяются неоднократно. Буквенные описки исправлены без оговорок, авторская правка текста — исправления, зачеркивания, вставки — отображены с помощью

системы редакторских сносок. Недописанные слова или сокращения, кроме общепринятых, расписаны в угловых редакторских скобках. Частично восстановлены зачеркнутые записи. В редакторских скобках знаком вопроса обозначены сомнительные прочтения, а сокращением <нрзб.> — непочитанные слова и фразы с указанием их количества (цифрой). Подчеркнутые Достоевским слова приведены курсивом, но при передаче названий газет, журналов и т. п. курсив заменен на кавычки. Другие авторские пометы — соединительные линии, отчеркивания, авторские, диакритические знаки — не нашли отражения при передаче текста письма. Пунктуация также приведена в соответствие с современными нормами: согласно правилам грамматики расставлены запятые, исключены тире после точки в конце предложений, интонационные тире и другие эмоционально-выразительные знаки⁵³.

Публикация писем Достоевского по текстологическим принципам, подчиненным пореформенным правилам орфографии и пунктуации, имеет ряд существенных недостатков. Следование этим принципам породило неточности воспроизведения и понимания авторского текста. В результате были унифицированы формы мужского и женского рода в прилагательных и местоимениях множественного числа. Отсутствие орфографического выражения различий между падежами и родами вызывает трудности в грамматическом и смысловом различении. Лишена смысловозначительной функции сравнительная степень прилагательных (наприм., синей — синѣй). Унификация «і» и «и», «о» и «е» (после шипящих), «ѣ» и «е» приводит к сложности понимания смысла, который хотел донести автор (см.: [Ильин]). Но самое главное, произошла утрата важного смыслового значения, которое писатель придавал заглавной букве: она «выявляет иерархические отношения в тексте — создает иерархию понятий» [Захаров, 1995: 10]. «Упразднение в двадцатые годы заглавного написания религиозной лексики привело к утрате нюансов смысла, игры значениями слов: заглавная буква не только знак культуры и истории языка, но метафизика текста» [Захаров, 2009b: 6]. В особенности потеря смысла, заложенного автором, коснулась написания слова «Бог» и другой лексики, отражающей православный дух писателя. Для Достоевского употребление заглавной буквы было факультативным и не ограничивалось принятыми орфографическими нормами, а подчинялось задачам автора [Захаров, 1994: 355], [Захаров, 1995: 10]. Кроме орфографии, оказалась затронута и пунктуация Достоевского — «интонационная», «интуитивная» [Захаров, 1995: 9]. Расстановка знаков по правилам грамматики там, где они отсутствуют в подлиннике, и, наоборот, исключение характерных для эпистолярного стиля эмоционально-выразительных знаков привели к неавторским изменениям авторского ритма, интонации.

Особую ценность в издании имеют биографический, историко-культурный и реальный комментарий, при подготовке которого были использова-

ны материалы четырехтомного собрания А. С. Долинина, дан справочный аппарат, включающий указатель имен, встречающихся в письмах, и адресатов Достоевского, с биографическими сведениями о каждом из них. При всей содержательности комментарии нуждаются в пересмотре, как нуждаются в пересмотре и уточнениях некоторые датировки, перечень опубликованных писем и документов, текстологические справки об источниках.

На основе данного собрания сочинений Достоевского в 1988–1996 гг. было издано Малое академическое собрание сочинений в 15 томах. В последний том собрания вошли наиболее значительные, с точки зрения редакторов, письма (247 текстов)⁵⁴, отобранные из общего состава писем 30-томного собрания. К письмам даны примечания в сокращенном виде (без текстологических справок, сведений о публикациях, обоснований датировок). В конце тома имеется краткий указатель упоминаемых в письмах имен без биографических справок, которые доступны в 30-томном собрании. Текстологические принципы, которыми руководствовалась редколлегия предыдущего собрания, не были пересмотрены при подготовке малого собрания, и письма опубликованы без необходимых исправлений.

В 1990-е гг. была проведена работа по уточнению датировок, исправлениям существующих недочетов, поиску новых сведений об утраченных или найденных письмах, результаты которой вошли в три тома «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», опубликованные вскоре после выхода завершающих томов 30-томного Полного собрания сочинений и 15-томного малого академического собрания. «Летопись...» «представляет собой строго выверенный хронологический свод дошедших до нашего времени и выявленных к моменту ее выхода в свет печатных и архивных данных о писателе» [Летопись..., т. 1: 7–8]. Как отмечают редакторы, по сравнению с другими подобного рода изданиями, эту «Летопись...» отличает подробное «раскрытие содержания переписки» Достоевского, продиктованное задачей не только показать его «жизнь и труды», но и раскрыть личность писателя изнутри. Освещая жизнь и творчество Достоевского по дням, «Летопись...» одновременно создавала и хронику переписки, пересказывая, цитируя и приводя обширные фрагменты писем не только Достоевского, но и его корреспондентов. Упоминания писем сопровождаются архивными отсылками и указанием на источник их публикации, дополнениями сведений о них и уточнениями датировок. Эти исправления, обоснованные и подтвержденные, следует учитывать в последующих публикациях писем и при подготовке общего свода переписки Достоевского.

Новым этапом в издании наследия Достоевского стало Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации («Канонические тексты»)⁵⁵, которое выходит с 1995 г. в Петрозаводском государственном университете под редакцией В. Н. Захарова, который обосновал текстологические принципы аутентичных изданий русской классики [Захаров, 1995], [Захаров, 2007]. Это едва ли не единственное издание, где

последовательно реализуется публикация текстов в авторской орфографии и пунктуации. Кроме публикации литературного наследия писателя, предполагается издание рукописей и записных книжек и тетрадей, издание полной переписки Достоевского, включающей и письма корреспондентов, редакционных архивов «Времени», «Эпохи», «Гражданина», «Дневника Писателя».

В 2003–2007 гг. в издательстве «Воскресенье» под редакцией В. Н. Захарова вышло 18-томное Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского⁵⁶. В двух томах (четырёх книгах) собрания сочинений (2004–2005) было опубликовано 927 личных писем, 31 официальное и деловое письмо и документ, 20 коллективных писем, в качестве приложения опубликованы 52 письма брата Михаила к Ф. М. Достоевскому. В отличие от предыдущих собраний сочинений Достоевского это издание основано на иных текстологических принципах. При передаче текстов писем сохранены характерные и смысловые особенности орфографии, «буква и дух слова Достоевского» [Захаров, 2009b: 19]: например, обращения «маминька», «папинька», «Николинька» и т. п., падежные окончания (в добром здоровьи, в отчаяньи), отдельное написание «сей час», «тот час», удвоенные буквы (литтература), слитные / отдельные написания наречий (до-нельзя), местоимений (кое-с кем), служебных частей речи, вводных слов и словосочетаний (может-быть), глагольная форма «цаловать», варианты написания названия города Семипалатинск / Семиполатинск и др. Передана прописная и строчная буква Достоевского. В полной мере сохранены особенности авторской пунктуации, в том числе тире после точки в конце фраз, эмоционально-выразительные знаки и др. В отличие от предыдущих, в этом издании редакторскими пометами обозначены имеющиеся в письме маргиналии. Обновлены справочный аппарат, комментарии к письмам, которые включают, помимо текстологической справки, информацию о первой публикации, краткие пояснительные замечания к содержанию письма. К сожалению, в издании фактически отсутствует реальный и историко-литературный комментарий.

В последние полвека большое внимание уделяется изучению адресованных писателю писем, которые все более осознаются как неотъемлемая часть переписки Достоевского. Установление текста письма (расшифровка рукописи, изучение редакций письма при наличии), его происхождения (атрибуция, датировка, место написания) с целью определения подлинности источника входят в задачи внешней критики [Кобак: 144]. Внутренняя критика ставит задачи определения достоверности содержащихся в письмах сведений и установления эпистолярных отношений корреспондентов, которые, по мнению исследователей, важны для анализа переписки, потому что объясняют причину ее возникновения. Обязательным условием для этого является необходимость анализа отдельных писем только внутри эпистолярного комплекса [Кобак: 145–146].

Так, в 2005 г. вышел в свет сборник трудов Н. Т. Ашимбаевой «Достоевский. Контекст творчества и времени». Еще в 1984 г. исследовательница, которая в течение многих лет занималась проблемами творчества Достоевского в широком историко-культурном контексте, впервые опубликовала и прокомментировала письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому периода 1860–1870-х гг. [Ашимбаева, 1984]. В сборнике они публикуются с дополнениями и исправлениями, обновленным и расширенным справочным аппаратом и вступительной статьей, в которой исследовательница раскрывает значимость общения двух единомышленников, длившегося с 1840-х гг., и их переписки для изучения жизни и творчества обоих писателей [Ашимбаева, 2005].

Одним из главных направлений исследований стали разыскания неизвестных, утраченных автографов Достоевского с целью восполнить пробелы в хронологической последовательности писем, восстановить связь между событиями, дополнить список имен корреспондентов, внести исправления в тексты, опубликованные не по первоисточнику и поставить новые проблемы. Под пристальным вниманием исследователей оказались архивы, как зарубежные, так и отечественные, частные коллекции, библиотеки и аукционы.

В 2005 г. коллекция Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге пополнилась автографом письма Ф. М. Достоевского из Семипалатинска к П. Е. Анненковой от 18 октября 1855 г. [Ашимбаева, Тихомиров]. Хотя письмо впервые с неточностями было опубликовано в «Русском вестнике» за 1888 г. (№ 4), его автограф считался утраченным и впоследствии письмо воспроизводилось по тексту первой публикации. В конце 1860-х гг. его подлинник был обнаружен петербургским коллекционером М. Д. Роммом [Зильберштейн, 1973: 116], который на долгое время стал обладателем найденного документа. Несмотря на то, что в 30-томном собрании сочинений письмо было опубликовано уже по подлиннику (Д30; 28₁: 195–196), он не утратил своей текстологической ценности. После перемещения автографа в коллекцию Музея стало возможным более точное воспроизведение текста письма. Публикация письма с необходимыми исправлениями, с сохранением авторской пунктуации и некоторых особенностей авторской орфографии и отражением авторской правки была осуществлена Н. Т. Ашимбаевой и Б. Н. Тихомировым в 2008 г. в альманахе «Достоевский и мировая культура» [Ашимбаева, Тихомиров: 185–187]. Исследователями представлена не только научная публикация письма, но и раскрыто значение этого документа, история его публикации, попадания в частную коллекцию и приобретения Музеем. В целом, следует отметить, что подобные публикации эпистолярных источников в последние десятилетия стали носить научно-исследовательский характер и уже не ограничиваются публикацией текста документа и комментарием его содержания.

В 2009 г. в архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), на который ранее не обращали внимание исследователи, занимавшиеся поиском автографов писателя, В. Н. Захаровым была обнаружена копия неизвестного письма Достоевского Семену Николаевичу Цвету от 14 марта 1877 г. [Захаров, 2009а]. Благодаря этой находке не только было опубликовано неизвестное письмо, но и удалось верно прочесть помету Достоевского на сохранившемся конверте от письма неустановленного лица (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29952) и атрибутировать конверт неизвестного письма С. Н. Цвету (см. подробнее: [Захаров, 2009а]). Обнаруженное письмо Достоевского было реакцией писателя на письмо С. Н. Цвета с рассказом о переписке с английским политиком В. Гладстоном (см. также: [Захаров, 2012]).

В основанном в 2013 г. журнале «Неизвестный Достоевский» (№1/2 вышел в 2014 г.), публикуются новые материалы и исследования, связанные с биографией и творчеством Ф. М. Достоевского и его окружением, например, новые факты, гипотезы, неизвестные, неопубликованные архивные документы, письма, исследования, связанные с атрибуцией анонимных писем, хронологической атрибуцией, расшифровкой непрочитанных записей в автографах и т. п.⁵⁷ С этого времени в журнале появился ряд статей, затрагивающих актуальные проблемы изучения и публикации эпистолярного наследия Достоевского и писем его корреспондентов. Многие из них подготовлены при поддержке фонда Российских фундаментальных исследований (РФФИ).

В частности, удалось проследить судьбу некоторых автографов Достоевского, выставившихся на зарубежных аукционах [Храмах]. Было уточнено местонахождение подлинника письма Ф. М. Достоевского к Пуцыковичу от 18 июля 1880 г., который после продажи в 1990 г. на аукционе в Марбурге оказался в Архиве рукописей Британской национальной библиотеки, хотя до сих пор его местонахождение было неизвестно⁵⁸. Установлено, что письмо Достоевского к неизвестному адресату от 3 июня 1848 г., о котором шла речь в упомянутой статье И. С. Зильберштейна [Зильберштейн, 1973: 143], после продажи коллекционеру на аукционе «Drouot» вновь было выставлено на аукцион «Christie's» в Нью-Йорке 17 декабря 1983 г. Выяснился факт продажи письма Ф. М. Достоевского А. Н. Курносовой от 15 января 1880 г. на аукционе «Sotheby's» 11 марта 1990 г. Кроме того, благодаря этим разысканиям удалось обнаружить размещенную на странице аукциона «Christie's» фотокопию второго листа письма Ф. М. Достоевского к Н. П. Вагнеру от 7 января 1876 г., автограф которого хранился в коллекции Альбина Шрама [Храмах: 38, 39]. Ранее письмо публиковалось в 30-томном собрании сочинений по факсимиле первого листа из каталога аукциона «Sotheby's» от 25 мая 1983 г. На аукцион «Christie's» письмо попало 25 июня 1997 г. В результате стала возможной полная публикация письма, включая недостающий фрагмент [Вяль, Сосновская].

Отношения Ф. М. Достоевского и известного апологета спиритизма Н. П. Вагнера нашли отражение в их сохранившейся переписке⁵⁹. Общение между ними на тему спиритизма, нового увлечения русского общества, которым заинтересовался и Достоевский, было непродолжительным — период 1875–1877 гг. Предпринятые в 2015 г. исследование [Сосновская, 2015] и публикация писем Достоевского к спириту, включая письмо от 7 января 1876 г., и ранее не публиковавшейся переписки Вагнера с А. Г. Достоевской [Вяль, Захарова, Сосновская] позволили по-новому взглянуть на его взаимоотношения с писателем.

Проблемы утраченных писем Достоевского касается и А. В. Отливанчик, который выяснил судьбу высланных в редакцию «Русского обозрения» писем Ф. М. Достоевского к В. Ф. Пуцыковичу [Отливанчик, 2018].

Недавней значительной находкой является автограф Ф. М. Достоевского от 16 ноября 1878 г. Великому князю Александру Александровичу (будущему Императору Александру III), обнаруженный Е. Д. Маскевич и Б. Н. Тихомировым в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) [Маскевич, Тихомиров]. Публикуя в текущем номере журнала текст этого письма, известного ранее по черновому автографу и по документу, квалифицировавшемуся как копия письма, сделанная рукой А. Г. Достоевской, исследователи приводят ряд разночтений между ними и выдвигают гипотезу о том, что «копия» является текстом, предварительно продиктованным Достоевским жене.

В «Неизвестном Достоевском» публикуются и тексты отдельных писем корреспондентов к писателю. Так, в журнале впервые полностью опубликовано письмо земского врача В. И. Никольского Достоевскому в поддержку «Дневника Писателя», письмо-отклик на Пушкинскую речь [Вяль]. В статье, сопровождающей публикацию письма, предпринята попытка составить биографию почитателя Достоевского [Панюкова, 2015]. Представлены комментированные публикации письма мемуариста П. А. Матвеева по поводу еженедельника «Гражданин» [Алексеева, Вяль, 2016] (оценка значения забытых воспоминаний П. А. Матвеева дана в статье В. Н. Захарова [Захаров, 2016]), нескольких писем Н. Д. Фонвизиной [Алексеева, Вяль, 2015], [Андрианова, Вяль] — одной из немногих корреспондентов Ф. М. Достоевского во время его пребывания на каторге. Из писем Фонвизиной к Достоевскому опубликован черновой автограф письма от 8 ноября 1853 г. [Андрианова, Вяль]. Письмо вместе с обнаруженным В. Н. Захаровым автографом письма Достоевского к ней за февраль 1854 г. (ОР РГБ. Ф. 319.6.42), (Д18; 15₁: 121–123) составляет блок их переписки (ранее оно публиковалось по тексту первой публикации 1892 г. — Д30; 28₁: 175–177).

Помимо отдельных писем, в журнале представлены полные комментированные корпуса писем, образующие эпистолярные циклы, например, переписка Ф. М. Достоевского с В. Ф. Пуцыковичем [Зинкова, Солопова, 2016b], В. П. Мещерским, [Вяль, Зинкова], [Викторович, Панюкова]. Публикации

писем также сопровождаются исследовательскими статьями [Зинкова, Солопова, 2016а], [Панюкова, 2017].

В рамках журнала публикуются отдельные исследования, касающиеся различных проблем изучения писем Достоевского и его корреспондентов, редакционной переписки. В статьях И. С. Андриановой затронута проблема цензурных исправлений А. Г. Достоевской писем мужа к ней, сделаны уточнения первоначального текста писем [Андрианова, 2014], а переписка между писателем и его женой рассмотрена как эпистолярный роман [Андрианова, 2015]. Корреспонденту Достоевского, священнику П. Уловичу, фамилия которого в известных источниках воспроизводилась с ошибкой, посвящена статья Н. Шиловой с публикацией его письма, благодаря которому и обнаружилась неточность [Шилова]. И. О. Прохоров сообщил неизвестные сведения о корреспондентке Достоевского О. А. Антиповой (в замуж. Корсакевич), которая, как выяснил исследователь, являлась племянницей известного дирижера, пианиста, композитора К. Н. Лядова [Прохоров].

Редакционная переписка нуждается в критическом анализе, комментировании, атрибуции и датировке. Так, И. С. Андрианова в одной из статей обращается к письмам А. В. Зименко к Ф. М. Достоевскому, анализ которых с привлечением архивных и мемуарных свидетельств посвящает читателя в особенности редакционной работы в журналах «Время» и «Эпоха» [Андрианова, 2018]. Изучение писем к Ф. М. Достоевскому его кредиторов — издателя, общественного деятеля Л. Ф. Пантелеева и промышленника, исследователя Русского Севера В. Н. Латкина — в соотнесении с материалами приходно-расходных редакционных книг, воспоминаний одного из кредиторов позволяет уточнить обстоятельства долговых обязательств писателя в 1860-е гг. и личных взаимоотношений с двумя кредиторами [Сосновская, 2019].

С проблемой публикации переписки тесно связана актуальная проблема атрибуции писем анонимных, псевдонимных корреспондентов писателя и установления имен неизвестных адресатов писем Достоевского, эта проблема поставлена в статье Л. В. Алексеевой [Алексеева, 2014] (см. также: [Алексеева, 2015]). В ней обозначены трудности, с которыми сталкивается исследователь, преследуя задачу атрибутировать письмо. В приложении к статье опубликованы тексты писем, нуждающихся в атрибуции или атрибутированных на момент публикации⁶⁰. Примеры некоторых исследований показывают, что проблема атрибуции источников постепенно решается [Алексеева, 2016], [Андрианова, 2016, 2017а, б], [Панюкова, 2018].

Предметом рассмотрения все чаще оказывается переписка между собой лиц из окружения писателя. Эпистолярные свидетельства современников зачастую являются источником новых сведений о биографии и рукописном наследии писателя (см., напр.: [Индзинская])⁶¹.

Следует говорить о том, что исследователи пришли к пониманию необходимости изучения эпистолярного наследия Достоевского в неразрывной

связи с письмами его адресатов и в контексте переписки корреспондентов писателя между собой.

В целом качество текстологических исследований последних лет вышло на более высокий уровень. Благодаря современным технологиям, исследователи имеют доступ к сайтам и электронным ресурсам российских и зарубежных архивов (так обнаруживаются утраченные и неизвестные автографы писателя). В архивах можно ознакомиться с оригиналами рукописей (или с его микрофильмированными копиями) или получить необходимую цифровую фотокопию в хорошем разрешении. У исследователей появилась возможность критического подхода к существующим публикациям писем, текстологического анализа, пересмотра атрибуций и датировок, исправления неточностей, допущенных в предыдущих исследованиях.

Критический анализ публикаций эпистолярного наследия Достоевского и писем его корреспондентов показал необходимость нового комментированного издания в электронной и печатной форме, представляющего публикацию полного свода переписки Достоевского, включая письма его адресатов, редакционную переписку «Времени», «Эпохи», «Гражданина», «Дневника Писателя» в авторской орфографии и пунктуации. В отношении эпистолярного наследия Достоевского такое издание еще не осуществлено.

Постепенная реализация электронного издания переписки Ф. М. Достоевского и его корреспондентов 1832–1881 гг. в авторской орфографии и пунктуации осуществляется на платформе интернет-портала Института филологии Петрозаводского государственного университета — PHILOLOG.RU (<http://philolog.petsu.ru/>)⁶². Одним из направлений работы по подготовке этого издания является систематизация всех известных на данный момент автографов писем Достоевского и адресованных ему писем, уточнение датировок, существующих атрибуций, выявление неатрибутированных писем и выяснение имен некоторых анонимных, неизвестных корреспондентов Достоевского. На странице «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов» (<http://philolog.petsu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>) размещены тексты избранных писем 1837–1881 гг., текстологически подготовленные на основе фотокопий подлинников писем из архивов. В процессе подготовки писем к публикации были определены и апробированы текстологические принципы аутентичного воспроизведения рукописного источника.

На данном этапе подготовки к публикации полного свода переписки Ф. М. Достоевского с корреспондентами особое внимание уделено письмам 1832–1867 гг. Письма этого периода тематически могут быть объединены по группам. Так, в 1830–1840-е гг. — это в основном общение с родными: переписка с родителями, братом, с А. А. и А. Ф. Куманиными, сестрой Варварой. На это время приходится начало литературной деятельности Достоевского (переписка с А. В. Старчевским, А. А. Краевским, общение с А. У. Порецким, А. Н. и В. Н. Майковыми), участие в кружке Петрашевского, заключение

в Петропавловской крепости (переписка с братьями А. М. и М. М. Достоевскими); после каторги с 1854 г. по 1859 гг. в Омске, Семипалатинске, Твери Достоевский ведет переписку с женами декабристов Н. Д. Фонвизиной и П. Е. Анненковой, а также с А. Е. Врангелем, Е. И. Якушкиным, Д. С. и В. Д. Констант, Ч. Ч. Валихановым, Э. И. Тотлебенем, с первой женой М. Д. Исаевой и др). В 1860-е гг. письма связаны с редакционно-издательской деятельностью журналов братьев Достоевских «Время», «Эпоха» (корреспонденты Н. Н. Страхов, Я. П. Полонский, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, А. П. Милюков, Н. А. Некрасов, А. У. Порецкий и др.), Литературного фонда (Б. И. Утин, Н. М. Щепкин, И. Н. Березин, Е. П. Ковалевский), личными отношениями с А. И. Шуберт, А. П. Сусловой, А. В. Корвин-Круковской, сыном первой жены М. Д. Исаевой. Во второй половине 1860-х гг. начинается общение с будущей женой А. Г. Сниткиной, после женитьбы на которой он вместе с ней в апреле 1867 г. уезжает за границу. Большинство писем корреспондентов этого периода малоизучены и ранее не публиковались, поэтому публикация переписки этого периода в полном объеме проясняет не только факты биографии, творческой истории, журнальной деятельности Достоевского, его взаимоотношений с корреспондентами, но многие явления, события общественно-политической и культурной жизни России, отразившиеся в письмах.

Неотъемлемой частью работы по подготовке к публикации полного свода переписки стало выстраивание цельной композиции писем Достоевского и его адресатов. Выполнение этой задачи осложнено тем, что переписка 1832–1867 гг. дошла до нашего времени не в полном объеме (см.: [Захаров, 2014] и др.).

Текстологическая подготовка текста писем к публикации связана с проблемой расшифровки рукописей (в особенности писем корреспондентов), вызванной разным уровнем сложности почерков авторов писем или степенью сохранности автографа. Отчасти по этой причине многие письма до сих пор не публиковались или были опубликованы с неточностями.

Подготовка к публикации писем 1832–1867 гг. предполагает не только воспроизведение текстов писем в авторской орфографии и пунктуации, но и составление научно-справочного аппарата к ним. При подготовке современного научно-справочного аппарата к письмам, включающего биографический, историко-культурный, реальный комментарий, текстологические справки и биографические сведения о корреспондентах, необходим комплексный подход, учитывающий существующие исследования в области изучения эпистолярного наследия писателя. Требуется привлечение эпистолярных, мемуарных источников, периодической печати XIX в., справочников, энциклопедий, научных статей и публикаций и др. Многие письма корреспондентов Достоевского, среди которых почитатели его творчества, читатели журналов братьев Достоевских, начинающие литераторы и т. п.,

не знакомые лично с писателем, ранее не публиковались и не комментировались.

Электронное издание писем на портале PHILOLOG.RU⁶³ позволило решить проблемы публикации свода переписки Достоевского с корреспондентами. Такое издание предлагает несколько вариантов представления переписки, в зависимости от целей исследователя: в виде эпистолярных циклов, объединяющих переписку с каждым из корреспондентов на протяжении всей жизни писателя и выстроенных по их фамилиям в алфавитном порядке; в виде хронологической последовательности писем — эпистолярной хроники жизни Достоевского, своеобразным комментарием к письмам которого выступают ответы его адресатов; или в виде эпистолярных циклов, сгруппированных по условно выделенным периодам жизни писателя. Электронная форма публикации свода переписки Достоевского и его корреспондентов, как представляется, отвечает потребностям исследователей и расширяет возможности дальнейшего изучения жизни и творчества писателя.

Таким образом, предложенный обзор публикаций писем Ф. М. Достоевского и его корреспондентов за 130-летнюю историю изучения эпистолярного наследия писателя и критический анализ эдиционных принципов издания переписки позволяет говорить об эволюции целей и задач исследователей и выявляет проблемы, с которыми они сталкивались в процессе подготовки к публикации писем. Если в 1880-е гг. письма Достоевского вызвали интерес как биографический источник и исследователи в первую очередь ставили задачу представить наиболее значимую часть переписки, при этом публикации не носили научного характера, то позднее перед исследователями возникла задача собрать и подготовить к публикации все письма Достоевского как часть его творческого наследия. Выполнение этой задачи было осложнено рядом проблем. В изучении эпистолярного наследия Достоевского появился научно-критический подход к письмам. Постепенно письма корреспондентов писателя стали рассматриваться и публиковаться как неотъемлемая часть его переписки. В настоящее время существует необходимость публикации полного комментированного свода переписки Достоевского, включающего письма и писателя, и его адресатов, издание которого ранее не предпринималось.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-34-01056-ОГН а2 «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов (1832–1867). Подготовка к публикации. Комментарии».

1 Об истории эпистолярного жанра в России см., напр.: Гроссман Л. П. Культура писем в эпоху Пушкина // Гроссман Л. П. Письма женщин к Пушкину. М., 1928. С. 7–23; Казанский Б. В. Письма Пушкина // Литературный критик. 1937. № 2. С. 90–105; Левкович Я. Л. Письма // Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 525–534; Степанов Н. Дружеское

- письмо начала XIX века // Степанов Н. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 66–90; Лаппо-Данилевский К. Ю. Дружеское литературное письмо: Специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27: Пути развития русской литературы XVIII века. СПб.: Наука, 2013. С. 121–153.
- 2 См.: Письмо М. Ф. Достоевской М. А. Достоевскому. От 29 июня 1832 г. // ОР РГБ. Ф. 93. П.4.16. Л. 2 об.
  - 3 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к Н. А. Любимову. От 26 января 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 160. Т. 1. Л. 55. 2 л.
  - 4 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к Е. Н. Гейден. От 28 января 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 93. П.5.11. 1 л. Впервые опубликовано в 86 томе серии «Литературное наследство» [Зильберштейн, 1973: 146–147].
  - 5 См., напр., классификацию писем Ф. М. Достоевского, предложенную в статье Н. В. Шевцовой [Шевцова], посвященной эпистолярному наследию писателя.
  - 6 См. издание: [Из архива Достоевского].
  - 7 Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.; Л., 1928–1959.
  - 8 Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837–1937: в 16 т. / ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
  - 9 О принципах издания переписки А. С. Пушкина см. подробнее: Домгер Л. Л., Модзалевский Л. Б. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 13: Переписка, 1815–1827. С. 415–418. См. также: От редакции <1> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1: Лицейские стихотворения. С. XI.
  - 10 Пушкин А. С. Письма, 1815–1825 / ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1. XLVIII, 539 с.; Пушкин А. С. Письма, 1826–1830 / ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 2. IV, 578 с.; Пушкин А. С. Письма, 1831–1833 / ред. и примеч. Л. Б. Модзалевского. М.; Л.: Academia, 1935, XIV. 719 с. Дополнением к трехтомнику служит издание 1969 г.: Пушкин: Письма последних лет, 1834–1837 / АН СССР. Ин-т рус. лит (Пушкин. дом); отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. 528 с.
  - 11 См., напр.: Вопросы Дидро и ответы Екатерины Второй [о состоянии России]. (1773) / примеч. П. И. Бартенева // Русский архив. 1880. Кн. 3. Вып. 6. С. 1–29; Екатерина и Даламбер. Новооткрытая переписка Даламбера с Екатериной и другими лицами / предисл. Д. Кобеко // Исторический вестник. 1884. Т. 16. № 4. С. 107–142; № 5. С. 283–299; Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год: [в 2 ч.] / [ред. и сост. Ф. М. Вольтер]; пер. с французского Иван Фабиян. М.: В Вольной тип. Гария и К°, 1803. Ч. 1. 171, [1] с., Ч. 2. [4], 171 с.
  - 12 См. перечень публикаций: [Белов: 42–52].
  - 13 См.: Записная тетрадь А. Г. Достоевской с заголовком «Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской на случай ее смерти или тяжкой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы», 1902–1911 // РГАЛИ. Ф. 212.1.224. Л. 21 (с. 23). См. также: [Бельчиков: IV–V].
  - 14 РГАЛИ. Ф. 212.1.224. Л. 21–21 об. (с. 23–24).
  - 15 См. в этом сборнике публикации Б. Л. Модзалевского, Н. Козмина, М. Л. Гофмана, Д. И. Абрамовича, А. Лященко (Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. первый / под ред. А. С. Долинина. СПб.: Мысль, 1922. С. 379–474).
  - 16 Кроме указанных, из архива Пушкинского Дома были опубликованы письма А. В. Стар-

- чевскому, П. А. Давыдову, А. П. Милюкову, Л. А. и О. А. Милюковым, П. А. Исаеву, Я. П. Полонскому, П. Е. Гусевой; из материалов Публичной библиотеки (ныне — Российской национальной библиотеки) — Ч. Ч. Валиханову, В. П. Каченовскому; из Академии наук (в настоящее время находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома) — письма И. А. Гончарову.
- 17 Письмо Ф. М. Достоевского к <Н. А. Любимову>. От 16 ноября 1866 г. Копия отрывка из письма // РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16648. 1 л.
  - 18 См.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. второй / под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 261–269, 309–420.
  - 19 Там же. С. 311.
  - 20 Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / АН СССР, Ин-т русской литературы; под ред. А. С. Долинина. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935. С. 431–502, 505–579.
  - 21 См.: Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 255–280. Ранее письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому публиковались в 1924 г.: Страхов Н. Н. Письма к Ф. М. Достоевскому / предисл. и примеч. К. Ч. [Чуковского К. И.] // Русский современник. 1924. № 1. С. 195–206.
  - 22 См.: Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.; Л., 1928–1959.
  - 23 См.: Из архива Ф. М. Достоевского. Неизданные письма 1829–1865 гг. / вступ. ст. П. Н. Сакулина // Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. Т. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 522–617.
  - 24 Однако в отношении некоторых писем возникла обратная ситуация: в письмах к А. Г. Достоевской, В. Ф. Пуцыковичу, К. П. Победоносцеву, опубликованных ранее, в этом издании появились никак не обозначенные пропуски (см.: [Зильберштейн, 1973: 115]). Восстановленные на основе более ранних публикаций фрагменты этих писем, которые были пропущены в 4-томном издании Долинина, см.: [Гольдштейн: 113–118].
  - 25 Подробнее о принципах воспроизведения текста автографов см.: [Долинин, 1928: 35–36].
  - 26 Отзывы и критические замечания об этом издании см.: [Комарович: 270–280], [Зильберштейн, 1973: 114–118], [Фридлендер, 1985: 21–22]. См. дополн.: Ф. М. Достоевский: библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем, 1917–1965 / Гос. лит. музей, Музей-квартира Ф. М. Достоевского. М.: Книга, 1968. С. 31.
  - 27 См. комментированные публикации писем Ф. М. Достоевского к Н. Ф. Юшкову от 5 февраля 1876 г. [Красовский], В. М. Каченовскому от 25 ноября 1880 г. [Капелюш], М. М. Достоевскому за ноябрь 1844 г. (Вестник ЛГУ. 1972. № 2. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 155), Н. Н. Страхову от 27 сентября 1873 г. [Коган] (см. также: Алексеева Г. Автограф Достоевского // Советская культура. 1979. 20 февр.), от 17 апреля 1873 г. [Буданова], Н. А. Любимову от 25 мая 1879 г. [Битюгова, Якубович].
  - 28 См.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., СПб.: Наука, НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 1974–2019. Т. 1–22 (продолжающееся издание).
  - 29 См.: [Орнатская: 272–273]. См. также: РГАЛИ. Ф. 212.1.63. Л. 12–13.
  - 30 Там же.
  - 31 См.: РГАЛИ. Ф. 212.1.63. Л. 8.
  - 32 См., напр.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 282. С. 418. (Д30; 282; 418). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с использованием сокращения Д30, указанием тома (нижним индексом — полутома) и страницы. См. также: [Летопись..., т. 2: 25].
  - 33 Впервые опубликованы в 1883 г.: [Биография..., отд. III: 344–350].
  - 34 Два письма впервые были опубликованы в первом издании 1951 г. книги А. П. Боткиной

- «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» (см.: [Боткина: 239–240]).
- 35 См.: Письма П. М. Третьякова к Ф. М. Достоевскому. От 31 марта 1872 г., 15 апреля 1872 г., 10 июня 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.9.65. 6 л.; Письмо В. Н. Третьяковой к Ф. М. Достоевскому. От 22 июня 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 93.П.9.67. 3 л. (1 конв.).
- 36 См.: Письмо Н. А. Любимова к Ф. М. Достоевскому. От 7 ноября 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 93. П.6.33. Л. 1–2.
- 37 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к Н. А. Любимову. От 16 ноября 1866 г. // Музей-квартира А. Б. Гольденвейзера (ГЦММК). Инв. № 56. 1 л. Ранее было опубликовано Долининым не по автографу, а по копии отрывка письма из собрания А. Н. Майкова (РО ИРЛИ. Ф. 168. № 16648).
- 38 См.: Письмо С. М. Лобода к Ф. М. Достоевскому. От 9 апреля 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 93. П.6.30. Л. 6–7.
- 39 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к С. М. Лобода. От 10 апреля 1874 г. // Государственный музей им. К. А. Федина в Саратове (ГМФ). № 10074. 1 л.
- 40 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к М. А. Александрову. Без даты. <От 16 сентября 1873 г.> // ГЛМ. Ф. 75. Оф. 4810/01; Письмо Ф. М. Достоевского к М. А. Александрову. От 3 марта <1877> // ГЛМ. Ф. 75. Оф. 4810/02.
- 41 Письма хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ): Письма Ф. М. Достоевского к К. К. Романову. От 15 марта 1879 г., 21 марта 1879 г. // ГА РФ. Ф. 660.2.336. 4 л. (1 конв.)
- 42 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к Е. Н. Гейден. От 28 января 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 93. П.5.11. 1 л.
- 43 См.: Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 4. С. 224.
- 44 См. также: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. С. 649; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 16₂. С. 259.
- 45 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к Е. П. Майковой. От 14 мая 1848 г. // РО ИРЛИ. Ф. 166. № 8890. 2 л.
- 46 См.: Письмо Ф. М. Достоевского неизвестному лицу. От 3 июня 1848 г. Факсимильная копия // ОР РГБ. Ф. 93.П.14.59. 1 л. На архивной обложке письмо ошибочно датировано 3 июля 1848 г. на основе неточного прочтения почерка Достоевского.
- 47 Bibliotheque Nationale. Service photographique, Paris. Departement des manuscripts. Slave 81: Tourguéniev. Manuscrits parisiens VIII. Correspondance. Mazon. 107. D. 66. Pp. 121–136.
- 48 University MS. Vox 'RU', Blue 30.9.e. Фотокопия письма: ОР РНБ. Ф. 1115. № 10.
- 49 Впервые опубликовано: [Simmons: 64–65].
- 50 Впервые письма опубликованы: Sbornik Narodního Muzea v Praze. 1962. Sv. 7. Cis. 4. S. 220–221.
- 51 См.: Письмо Ф. М. Достоевского к В. М. Каченовскому. От 25 ноября 1880 г. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 348. См. упомянутую ранее публикацию Б. Н. Капелюш.
- 52 См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985–1990. Т. 28₁–30₂.
- 53 О принципах публикации писем в Д30 см. подробнее: [Фридлиндер, 1985: 22–24].
- 54 Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15. 864 с.
- 55 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995–2015. Т. I–XI (продолжающееся издание).
- 56 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2007. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с использованием сокращения Д18, указанием тома (нижним индексом — полутома) и страницы.
- 57 Электронный научный журнал «Неизвестный Достоевский» [Электронный ресурс].

- URL: <http://unknown-dostoevsky.ru/>
- 58 Ранее местонахождение подлинника письма не было известно, и оно публиковалось (ДЗ0; 30₁: 199–200) по тексту первой публикации, как оказалось, не полной и с неточностями. Позднее пропущенный фрагмент был восстановлен по фотокопии подлинника, присланной в РО ИРЛИ, и опубликован в 10 выпуске серии «Достоевский. Материалы и исследования». Но местонахождение автографа продолжало оставаться невыясненным (см.: [Храмых: 38]).
- 59 В 1862 г. Ф. Каутманом были опубликованы шесть ранее неизвестных писем Достоевского Вагнеру: Достоевский Ф. М. Письма к Н. П. Вагнеру / публ. Ф. Каутмана // Sbornik Národního muzea v Praze. Acta Musei Nationalis Pragae. Sv. VII. 1962, öis. 4.
- 60 См. приложение: <http://unknown-dostoevsky.ru/info/page.php?id=472>
- 61 В 1973 г. в 86 томе «Литературного наследия» было опубликовано исследование Л. Р. Ланского, посвященное неизданной переписке современников о Достоевском [Ланский, 1973].
- 62 См. электронную публикацию писем в разделе «Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов»: <http://philolog.petsu.ru/fmdost/letters/lettersdost.htm>. Предыдущая версия страницы доступна по электронной ссылке: <http://philolog.petsu.ru/fmdost/letters.htm>.
- 63 См. предыдущую ссылку.

Список литературы

1. Алексеева Л. В. Анонимные письма в архиве Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2014. — № 1/2. — С. 51–65 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1437403293.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.4
2. Алексеева Л. В. Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского: проблемы атрибуции и систематизации его переписки // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2015. — № 2 (79). — С. 165–173.
3. Алексеева Л. В. Кто скрывается за псевдонимом «Х.»? // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 2. — С. 45–53 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476778545.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2724
4. [Алексеева Л. В., Вяль Е. Н.] Из писем Н. Д. Фонвизиной (1850–1853). Письмо Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18–22 мая 1850 года / подгот. текста Е. Н. Вяль, примеч. Л. В. Алексеевой // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 2. — С. 54–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2465
5. [Алексеева Л. В., Вяль Е. Н.] Письмо П. А. Матвеева к Ф. М. Достоевскому / подгот. текста Е. Н. Вяль, примеч. Л. В. Алексеевой // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 1. — С. 71–78 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461325969.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2622
6. Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта: монография. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 192 с.
7. Андрианова И. С. Письма Достоевского к жене: проблема цензурных исправлений // Неизвестный Достоевский. — 2014. — № 1/2. — С. 66–72 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438162137.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.5

8. Андрианова И. С. Эпистолярный роман Ф. М. и А. Г. Достоевских // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 1. — С. 3–11 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438251005.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2
9. Андрианова И. С. Духовная поэтецца «Иг. П. А.»: Атрибуция письма одной неизвестной корреспондентки Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2016. — № 4. — С. 85–107 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481746473.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2921
10. Андрианова И. С. «Сочинительница» из провинции: Атрибуция письма корреспондентки Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2017. — № 1. — С. 120–142 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493208991.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3041 (a)
11. Андрианова И. С. «Друг писателей» М. А. Языков и Ф. М. Достоевский: взаимоотношения в письмах, атрибуция, комментарий // *Неизвестный Достоевский*. — 2017. — № 2. — С. 23–58 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1501230224.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3141 (b)
12. Андрианова И. С. Из редакционной переписки «Времени» и «Эпоха»: братья Достоевские, А. В. Зименко, И. А. Салов // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 3. — С. 180–194 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541588823.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3721
13. [Андрианова И. С., Вяль Е. Н.] Письмо Н. Д. Фонвизиной к Ф. М. Достоевскому от 8 ноября 1853 года / публ. И. С. Андриановой, Е. Н. Вяль // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 2. — С. 70–76 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754993.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.20
14. Ашимбаева Н. Т. А. Н. Майков. Письма к Ф. М. Достоевскому // *Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1982*. — Л.: Наука, 1984. — С. 60–98.
15. Ашимбаева Н. Т. А. Майков. Письма к Достоевскому. 1867—1879 // Ашимбаева Н. Т. Достоевский. Контекст творчества и времени. — СПб., 2005. — С. 91–101.
16. Ашимбаева Н. Т., Тихомиров Б. Н. Письмо Достоевского П. Е. Анненковой из Семипалатинска. Новое поступление в петербургский музей Достоевского // *Достоевский и мировая культура. Альманах № 24*. — СПб.: Серебряный век, 2008. — С. 181–187.
17. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. — 755 с.
18. Белов С. В., Туниманов В. А. Переписка Достоевского с женой // Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка / изд. подгот. С. В. Белов, В. А. Туниманов. — Л.: Наука, 1976. — С. 353–388.
19. Бельчиков Н. Предисловие // Письма Ф. М. Достоевского к жене / общ. ред. В. Ф. Перверзева. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. — С. III–XIV.
20. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. — 332, 375, 122, V с. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1)
21. Битюгова И. А., Якубович И. Д. Неизвестное письмо Достоевского к Н. А. Любимову, посвященное «Братьям Карамазовым» // *Русская литература*. — 1990. — № 1. — С. 177–181.
22. Буданова Н. Ф. Неизвестное письмо Ф. М. Достоевского к Н. Н. Страхову // *Русская литература*. — 1992. — № 1. — С. 113–155.

23. Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Л. М. Добровольский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — Вып. VII. — 181 с. (Бюллетени Рукописного отдела)
24. [Викторович В. А., Панюкова Т. В.] Примечания к переписке Ф. М. Достоевского и В. П. Мещерского / примеч. В. А. Викторовича, Т. В. Панюковой // *Неизвестный Достоевский*. — 2017. — № 1. — С. 59–119 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492779062.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3101
25. [Волгин И.] Письма читателей к Ф. М. Достоевскому / вступ. ст., публ. и коммент. И. Волгина // *Вопросы литературы*. — 1971. — № 9. — С. 173–196.
26. [Волгин И. Л.] Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / публ., вступ. ст., коммент. И. Л. Волгина // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. — М.: Изд-во АН СССР, 1972. — Т. XXXI. Вып. 4. — С. 349–362.
27. Волгин И. Последний год Достоевского: исторические записки. — М.: АСТ: Зебра Е, 2010. — 736 с. (Знаки времен)
28. [Вяль Е. Н.] Письмо читателя (В. И. Никольский Ф. М. Достоевскому) / подгот. текста Е. Н. Вяль // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 1. — С. 104–105 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1441028046.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j100.art.2015.2441
29. [Вяль Е. Н., Захарова О. В., Сосновская О. А.] Ф. М. Достоевский, Н. П. Вагнер, А. Г. Достоевская: переписка / подгот. текстов и публ. Е. Н. Вяль, О. В. Захаровой, О. А. Сосновской // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 2. — С. 14–36 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754240.pdf (30.11.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.20
30. [Вяль Е. Н., Зинкова В. С.] Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский. Переписка (1872–1880) / подгот. текста Е. Н. Вяль, В. С. Зинковой // *Неизвестный Достоевский*. — 2017. — № 1. — С. 35–58 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492780937.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3081
31. [Вяль Е. Н., Сосновская О. А.] Письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Вагнеру от 7 января 1876 года / подгот. текста Е. Н. Вяль, примеч. О. А. Сосновской // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 2. — С. 3–4 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754143.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2461
32. Гайнцева Э. Г. Неопубликованные письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому // *Вопросы русской литературы*. — Львов, 1972. — Вып. 2. — С. 93–96.
33. [Гальперина Р. Г., Боград Г. Л.] Письма Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому / публ. Р. Г. Гальпериной, Г. Л. Боград // *Русская литература*. — 1984. — № 2. — С. 164–166.
34. Гольдштейн Д. Переделка писем Достоевского // *Новый журнал / The New Review*. — Нью-Йорк, 1961. — Кн. 65. — С. 111–120.
35. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 382 с.
36. Долинин А. С. Предисловие редактора // *Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т.* — Т. 1. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. — С. 1–36.
37. Долинин А. С. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов // *Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению* / под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. — М.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 238–254.
38. Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / ред. и примеч. А. С. Долинина. — М.; Л.: Гос. изд-во, Academia, ГИХЛ, 1928–1959.
39. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.

40. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. — Л.: Наука, Ленинград. отд-е, 1988–1996.
41. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. — М.: Воскресенье, 2003–2007.
42. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995–2015. Т. I–XI (продолжающееся издание).
43. Ильин И. А. О русском правописании // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. — Париж: Изд. Русского Обще-Воинского Союза, 1956. — Т. 2. — С. 434–437 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/167 (10.12.2019).
44. Индзинская А. В. Ф. М. Достоевский в переписке Е. А. Штакеншнейдер с Я. П. Полонским // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 4. — С. 139–158 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576783860.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4341
45. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // *Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров*. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. — С. 355–359.
46. Захаров В. Н. Подлинный Достоевский // *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты*. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — Т. 1. — С. 5–13.
47. Захаров В. Н. Буква и дух русской классики // *Слово: православный образовательный портал / Веб-студия Православные.Ру; гл. ред. игумен Августин (Заярный)*. — [СПб., 2007] [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37409.php> (17.12.2019).
48. Захаров В. Н. «Нас, что ни говори, еще очень мало»: неизвестное письмо Достоевского // *Литературная газета*. — 2009. — № 24. — 10 июня. — С. 15 [Электронный ресурс]. — URL: <https://lgz.ru/article/N24--6228---2009-06-10-/%c2%ab...Nas,-chto-ni-govori,-%d0%b5sht%d1%91-och%d0%b5ny-malo%c2%bb9169/> (17.12.2019) (a)
49. Захаров В. Н. Текстология как технология // *Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского*. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. — Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». — С. 3–26. (b)
50. Захаров В. Н. Из архива Достоевского: Уильям Гладстон и Семен Николаевич Цвет // *Достоевский и мировая культура. Альманах*. — 2012. — № 29. — С. 9–24.
51. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского сороковых годов? // *Знание. Понимание. Умение*. — Москва. — 2014. — № 3. — С. 287–296 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/3/Zakharov_What-Happened-Dostoyevskys-Archive-1840/ (17.12.2019).
52. Захаров В. Н. Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом // *Неизвестный Достоевский*. — 2016. — № 1. — С. 58–70 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461750377.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2621
53. Зильберштейн И. С. О переписке Достоевского и Тургенева // *Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка / под ред., с введ., примеч. И. С. Зильберштейна, предисл. Н. Ф. Бельчикова*. — Л.: Academia, 1928. — С. 3–18.
54. [Зильберштейн И. С.] Новонайденные и забытые письма Достоевского / статья и публ. И. С. Зильберштейна // *Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования*. — М.: Наука, 1973. — С. 114–152. (Литературное наследство; т. 86)
55. Зинкова В. С., Солопова А. И. «Надежда на вась однихъ!..» (Переписка Ф. М. Достоевского с В. Ф. Пущыковичем: полный комментированный корпус писем) // *Неизвестный Достоевский*. — 2016. — № 4. — С. 108–118 [Электронный ресурс]. — URL:

- http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881 (a)
56. [Зинкова В. С., Солопова А. И.] Переписка Ф. М. Достоевского и В. Ф. Пуцыковича (1873–1880) / подгот. текста и примеч. В. С. Зинковой, А. И. Солоповой // *Неизвестный Достоевский*. — 2016. — № 4. — С. 119–273 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482240857.pdf (15.01.2020). (b)
  57. Из архива Достоевского. Письма русских писателей / ред. и вступ. Н. К. Пиксанова, коммент. Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. — 140 с.
  58. Капелюш Б. Н. Неопубликованное письмо Достоевского к В. М. Каченовскому // *Достоевский и его время*. — Л.: Наука, 1971. — С. 248–249.
  59. Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Сер. 2. — 2012. — Вып. 2. — С. 142–148.
  60. Коган Г. Ф. Ф. М. Достоевский. Неопубликованное письмо к Н. Н. Страхову // *Достоевский. Материалы и исследования*. — Л.: Наука, 1980. — Т. 4. — С. 3–6.
  61. Комарович В. Л. Литературное наследие Достоевского в годы революции // *Литературное наследство*. Т. 15. — М.: Журнально-газетное объединение, 1934. — С. 258–281.
  62. Красовский Ю. А. Казанский корреспондент Ф. М. Достоевского (Неопубликованное письмо к Н. Ф. Юшкову) // *Встречи с прошлым*. Вып. 1. — М.: Сов. Россия, 1971. — С. 47–50. То же: М.: Сов. Россия, 1983. — Вып. 1. — С. 41–43 [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_1876_pismo_ushkovu.shtml (17.12.2019).
  63. Ланский Л. Утраченные письма Достоевского // *Вопросы литературы*. — 1971. — № 11. — С. 196–222.
  64. [Ланский Л. Р.] Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / статья, публ., коммент. Л. Р. Ланского // *Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования*. — М.: Наука, 1973. — С. 349–564. (Литературное наследство; т. 86)
  65. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т.* / ред. Н. Ф. Буданова, Г. М. Фридендер. — СПб.: Академический проект, 1999.
  66. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Неизвестный автограф Ф. М. Достоевского (Письмо Цесаревичу Наследнику Александру Александровичу) // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 1. — С. 5–12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587653605.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4401
  67. Неизданные письма к Достоевскому / публ. Б. Ю. Улановской, Е. М. Хмелевской, Т. И. Орнатской, И. М. Юдиной и В. А. Туниманова // *Достоевский и его время*. — Л.: Наука, 1971. — С. 250–279.
  68. [Нечаева В. С.] Неизданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских 1847–1880 г. (Из семейных архивов) / подг. В. С. Нечаевой // *Искусство. Журнал Государственной академии художественных наук*. — М.: ГАХН, 1927. — Т. 3. — Вып. 1. — С. 99–146.
  69. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 589 с.
  70. [Орнатская Т. И.] Письма А. Е. Врангеля к Достоевскому / публ. Т. И. Орнатской // *Достоевский. Материалы и исследования*. — Л.: Наука, 1978. — Т. 3. — С. 258–285.
  71. Отливанчик А. В. Достоевский в неизданной корреспонденции В. Ф. Пуцыковича 1899–1911 гг. // *Достоевский. Материалы и исследования*. — СПб.: Наука, 2010. — Т. 19. — С. 429–442.
  72. Отливанчик А. В. Письма Ф. М. Достоевского В. Ф. Пуцыковичу: История несостоявшейся публикации в «Русском Обозрении» // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. —

- № 4. — С. 154–175 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741504.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3782
73. Панюкова Т. В. «Публика, читатели — другое дело: они всегда меня поддерживали» // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 1. — С. 106–121 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438336456.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.5
74. Панюкова Т. В. «Жизнь глядитъ свѣтлѣ...»: Отношения В. П. Мещерского и Ф. М. Достоевского в контексте их переписки // *Неизвестный Достоевский*. — 2017. — № 1. — С. 18–34 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493209768.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3082
75. Панюкова Т. В. И скрытое стало явным: С. Ф. Калугин, корреспондент Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 4. — С. 94–153 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737911.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621
76. Перлина Н. Первая посмертная биография Ф. М. Достоевского — анализ источников // *Russian Language Journal / Русский язык*. — 1975. — Vol. 29. — No. 102. — Pp. 42–56 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.jstor.org/stable/43668350?seq=1#metadata_info_tab_contents (14.01.2020).
77. Письма Ф. М. Достоевского к жене / предисл. и примеч. Н. Ф. Бельчикова; общ. ред. В. Ф. Переверзева. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. — 366 с.
78. Прохоров И. О. Достоевский и Лядовы (Письмо в редакцию) // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 3. — С. 195–203 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541165523.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3722
79. Сосновская О. А. Достоевский и Вагнер: биография в переписке // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 2. — С. 5–13 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455212234.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2462
80. Сосновская О. А. Мемуарист Л. Ф. Пантелеев — издатель и кредитор Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 4. — С. 159–172 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758307.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4321
81. [Степанова Г. В.] Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому / публ. Г. В. Степановой // *Достоевский. Материалы и исследования*. — Л.: Наука, 1978. — Т. 4. — С. 239–253.
82. Тихомиров Б. Н. Адреса Достоевского в Петербурге: Критический анализ источников и экспертиза краеведческих публикаций // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 1. — С. 38–103 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf (30.11.2019) DOI: 10.15393/j10.art.2015.1
83. Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка / изд. подгот. С. В. Белов, В. А. Туниманов. — Л.: Наука, 1976. — 483 с.
84. Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка / под ред., с введ., примеч. И. С. Зильберштейна, предисл. Н. Ф. Бельчикова. — Л.: Academia, 1928. — 200 с.
85. Фридлиндер Г. М. Неизданные письма к Достоевскому // *Достоевский и его время*. — Л.: Наука, 1971. — С. 250–251.
86. Фридлиндер Г. М. Предисловие редактора // *Достоевский. Материалы и исследования*. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 3–4.
87. Фридлиндер Г. М. Письма Достоевского // *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т.* — Л.: Наука, 1985. — Т. 28₁. — С. 5–26.

88. Храмых А. В. Рукописи Достоевского на зарубежных аукционах // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 2. — С. 37–43 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754558.pdf (29.11.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2463
89. Шевцова Н. В. Эпистолярное наследие // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников; науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. — С. 401–410. (Серия: Достоевский и русская культура)
90. Шилова Н. Л. Полесский священник Петр Улович — корреспондент Ф. М. Достоевского (с публикацией письма и комментариев к нему) // Неизвестный Достоевский. — 2017. — № 4. — С. 78–89 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514284558.pdf (15.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3301
91. Mazon A. Quelques lettres de Dostoevskij à Turgenev // Revue des études slaves. — Vol. 1. — Fascicule 1–2. — 1921. — Pp. 117–137 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1921_num_1_1_1006 (29.11.2019).
92. Simmons J. S. G. F. M. Dostoevsky and A. K. Tolstoy: Two Letters // Oxford Slavonic Papers. — Oxford, 1959 — Vol. IX. — Pp. 64–71.

Lyubov V. Alekseeva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

lempi@mail.ru

Topical Issues in Publishing the Letters of F. M. Dostoevsky and His Correspondents

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 17-34-01056-OGN a2.

Abstract. The article provides an overview of the editorial principles in publishing F.M. Dostoevsky's epistolary heritage. An analysis of these principles allows to discuss the evolution of goals and objectives of the researchers involved in the preparation of Dostoevsky's and his correspondents' letters for publication. At the same time, this review reveals the problems that the researchers have encountered and continue to face for over 130 years of studies of the writer's epistolary heritage. The literary value of Dostoevsky's letters was recognized immediately after his death. They aroused interest both as a biographical source and as part of the writer's literary heritage. A significant number of letters to A. E. Wrangel, A. N. Maykov, N. N. Strakhov, I. S. Aksakov and others were published as early as in the 1880s. Particular attention was heeded to Dostoevsky's correspondence with readers, writers, editors, and journalists. The first publications of Dostoevsky's letters did not pursue any scientific goals and presented them as part of the writer's creative heritage. Many problems associated with the systematization of correspondence, search for manuscript autographs, lost or undiscovered letters, principles of publication of epistolary sources have already emerged at that time. In the 1920–1930s, the researchers, still focusing on Dostoevsky's letters, turned to his addressees' letters, which began to be recognized as an integral part of the correspondence. The corps of letters of certain correspondents were set apart, specific epistolary cycles were formed, mutual correspondence began to be published, and a gradual mastering of its historical, cultural and commentary potential commenced. The emerging trends were subsequently developed. Principles that included the completeness of presentation of correspondence, precision of reproduction of handwritten text, and a scientific and critical approach to the study and publication of the letters came to the fore. Despite the significant successes achieved by the researchers, many problems of publishing Dostoevsky's correspondence are still relevant, for example, structuring the letters in an integral manner. At present, the publication of the writer's

epistolary heritage and the letters of his correspondents sets the task of publishing a complete annotated code of correspondence both in print and in an electronic form. The electronic publication format has certain advantages, as it expands the number of manuscript material presentation modes and, in turn, the chance for researchers to further study Dostoevsky's epistolary heritage and the writer's life and work as a whole.

Keywords: F. M. Dostoevsky, epistolary heritage, correspondence, correspondent, addressee, sender, attribution, dialogue, epistolary cycles

About the author: Alekseeva Lyubov V. — PhD in Philology, Master of Arts of Web-Laboratory of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation)

Received: January 17, 2020

Date of publication: March 31, 2020

For citation: Alekseeva L. V. Topical Issues in Publishing the Letters of F. M. Dostoevsky and his Correspondents. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 184–224. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4542 (In Russ.)

References

1. Alekseeva L. V. Anonymous Letters in the Dostoevsky Archive. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2014, no. 1/2, pp. 51–65. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1437403293.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.4 (In Russ.)
2. Alekseeva L. V. Fedor Dostoevsky's Epistolary Heritage: Attribution and Systematization Problems of His Correspondence. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation]*, 2015, no. 2 (79), pp. 165–173.
3. Alekseeva L. V. Who Is Behind the Pseudonym "X."? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 2, pp. 45–53. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476778545.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2724 (In Russ.)
4. Alekseeva L. V., Vyal E. N. From N. D. Fonvizina's Letters (1850–1853). N. D. Fonvizina's Letter of May 18–22, 1850 to I. A. Fonvizin. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 2, pp. 54–69. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2465 (In Russ.)
5. Alekseeva L. V., Vyal E. N. P. A. Matveev's Letter of 25 March 1873 to F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 1, pp. 71–78. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461325969.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2622 (In Russ.)
6. Andrianova I. S. «Muzey pamyati F. M. Dostoevskogo»: istoriya i perspektivy proekta [*The Museum of Memory of F. M. Dostoevsky*]: History and the Prospects of the Project. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
7. Andrianova I. S. Dostoevsky's Letters to His Wife: the Problem of Censorial Corrections. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2014, no. 1/2, pp. 66–72. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438162137.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.5 (In Russ.)
8. Andrianova I. S. The Epistolary Novel of Fedor and Anna Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 1, pp. 3–11. Available at:

- dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438251005.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.5 (In Russ.)
9. Andrianova I. S. A Spiritual Poetess “Ig. P. A.”: Attribution of the Letter of One Unknown Correspondent of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 4, pp. 85–107. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481746473.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.29 (In Russ.)
  10. Andrianova I. S. “A Female Author” from the Country: Attribution of the Letter of Dostoevsky’s Correspondent. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 1, pp. 120–142. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493208991.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3041 (In Russ.) (a)
  11. Andrianova I. S. “A Friend of Writers” Mikhail Yazykov and Fedor Dostoevsky: History of Relationship in Letters, Attribution, Commentary. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 2, pp. 23–58. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1501230224.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3141 (In Russ.) (b)
  12. Andrianova I. S. From Editorial Correspondence Between “Vremya” and “Epokha”: The Brothers Dostoevskys, Ardalion Zimenko, Iliya Salov. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 180–194. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541588823.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3721 (In Russ.)
  13. Andrianova I. S., Vyal E. N. N. D. Fonvizina’s Letter of 8 November 1853 to F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 2, pp. 70–76. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754993.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2466 (In Russ.)
  14. Ashimbaeva N. T. A. N. Maykov. The Letters to F. M. Dostoevsky. In: *Pamyatniki kul’tury. Novye otkrytiya: Ezhegodnik 1982 [Monuments of Culture. New Discoveries: 1982 Yearbook]*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 60–98. (In Russ.)
  15. Ashimbaeva N. T. A. Maykov. The Letters to Dostoevsky of 1867–1879. In: *Ashimbaeva N. T. Dostoevskiy. Kontekst tvorchestva i vremeni [Ashimbaeva N. T. Dostoevsky. The Context of Creative Work and Time]*. St. Petersburg, 2005, pp. 91–101. (In Russ.)
  16. Ashimbaeva N. T., Tikhomirov B. N. Dostoevsky’s Letter to P. E. Annenkova from Semipalatinsk. New Supply to St. Petersburg Museum of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura. Al’manakh [Dostoevsky and World culture. Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2008, no. 24, pp. 181–187. (In Russ.)
  17. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy. Ukazatel’ proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nyom na russkom yazyke, 1844–2004 gody. [F. M. Dostoevsky. Index of F. M. Dostoevsky’s Works and Writings on Him in the Russian Language, 1844–2004s]*. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)
  18. Belov S. V., Tunimanov V. A. Dostoevsky’s Correspondence with His Wife. In: *F. M. Dostoevskiy. A. G. Dostoevskaya. Perepiska [F. M. Dostoevsky. A. G. Dostoevskaya. Correspondence]*. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 353–388. (In Russ.)
  19. Belchikov N. Preface. In: *Pis’ma F. M. Dostoevskogo k zhene [F. M. Dostoevsky’s Letters to His Wife]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1926, pp. 3–14. (In Russ.)
  20. *Biografiya, pis’ma i zametki iz zapisnoy knizhki F. M. Dostoevskogo. S portretom F. M. Dostoevskogo i prilozheniyami [Biography, Letters and Notes from the Notebook by Fedor Dostoevsky. With*

- a Portrait of F. M. Dostoevsky and Applications*]. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1883. 834 p. (In Russ.)
21. Bituyugova I. A., Yakubovich I. D. Dostoevsky's Unknown Letter to N. A. Lubimov, Dedicated to "The Brothers Karamazov". In: *Russkaya literatura*, 1990, no. 1, pp. 177–181. (In Russ.)
  22. Budanova N. F. F. M. Dostoevsky's Unknown Letter to N. N. Strakhov. In: *Russkaya literatura*, 1990, no. 1, pp. 113–155. (In Russ.)
  23. *Byulleteni rukopishnogo otdela Pushkinskogo Doma* [*Bulletins of the Manuscript Department of Pushkin House*]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, issue 7. 181 p. (In Russ.)
  24. Viktorovich V., Panyukova T. Notes on the Correspondence Between Fedor Dostoevsky and Vladimir Meshchersky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2017, no. 1, pp. 59–119. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492779062.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3101 (In Russ.)
  25. Volgin I. Readers' Letters to F. M. Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 1971, no. 9, pp. 173–196. (In Russ.)
  26. Volgin I. L. I. S. Aksakov's Letters to F. M. Dostoevsky. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [*Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. The Department of Literature and Language*]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1972, vol. 21, issue 4, pp. 349–362. (In Russ.)
  27. Volgin I. *Posledniy god Dostoevskogo: Istoricheskie zapiski* [*The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes*]. Moscow, AST: Zebra E Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
  28. Vyal E. N. A Reader's Letter (Vasily Nikolsky to Fedor Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 1, pp. 104–105. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1441028046.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j100.art.2015.2441 (In Russ.)
  29. Vyal E. N., Zakharova O. V., Sosnovskaya O. A. Fedor Dostoevsky, Nicolai Wagner, Anna Dostoevskaya: Correspondence. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 14–36. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754240.pdf (accessed on November 30, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.20 (In Russ.)
  30. Vyal E. N., Zinkova V. S. F. M. Dostoevsky, V. P. Meshchersky. Correspondence (1872–1880). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2017, no. 1, pp. 35–58. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492780937.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3081 (In Russ.)
  31. Vyal E. N., Sosnovskaya O. A. F. M. Dostoevsky's Letter of 7 January 1876 to N. P. Wagner. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 3–4. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754143.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2461 (In Russ.)
  32. Gayntseva E. G. N. N. Strakhov's Unpublished Letters to F. M. Dostoevsky. In: *Voprosy russkoy literatury*. Lviv, 1972, issue 2, pp. 93–96. (In Russ.)
  33. Galperina R. G., Bograd G. L. N. N. Strakhov's Letters to F. M. Dostoevsky. In: *Russkaya literatura*, 1984, no. 2, pp. 164–166. (In Russ.)
  34. Goldstein D. Rework of Dostoevsky's Letters. In: *Novyy zhurnal* [*The New Review*]. New York, 1961, book 65, pp. 111–120. (In Russ.)
  35. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: Biografiya v datakh i dokumentakh* [*Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)

36. Dolinin A. S. Editor's Note. In: *Dostoevskiy F. M. Pis'ma: v 4 tomakh* [Dostoevsky F. M. Letters: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928, pp. 1–36. (In Russ.)
37. Dolinin A. S. F. M. Dostoevsky and N. N. Strakhov. In: *Shestidesyatye gody. Materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu* [The Sixtieth. Materials on Literature History and Social Movement]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 238–254. (In Russ.)
38. Dostoevskiy F. M. *Pis'ma: v 4 tomakh* [Letters: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Academia, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1928–1959. (In Russ.)
39. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
40. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [The Complete Works: in 15 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1988–1996. (In Russ.)
41. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [The Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2007. (In Russ.)
42. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1995–2015, vol. 1–11. 688 p. (the proceeding edition) (In Russ.)
43. Ilyin I. On Russian Spelling. In: *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 godov* [Our Tasks. The Articles of 1948–1954]. Paris, Izdatel'stvo Russkago Obshche-Voinskago Soyuz, 1956, vol 2, pp. 434–437. Available at: http://www.odinblago.ru/nashi_zadachi_2/167 (accessed on December 17, 2019). (In Russ.)
44. Indzinskaya A. V. Fedor Dostoevsky in the Correspondence of Elena Stackenschneider with Jakov Polonsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 139–158. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576783860.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4341 (In Russ.)
45. Zakharov V. N. The Canonical Dostoevsky's Text. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [New Aspects in Studying of Dostoevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 355–359. (In Russ.)
46. Zakharov V. N. True Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 5–13. (In Russ.)
47. Zakharov V. N. The Letter and Spirit of Russian Classics. In: *Slovo: pravoslavnyy obrazovatel'nyy portal* [Slovo: Orthodox Educational Portal]. St. Petersburg, 2007. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37409.php> (accessed on December 17, 2019). (In Russ.)
48. Zakharov V. N. "There Are Still Few of Us": An Unknown Letter from Dostoevsky. In: *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 2009, no. 24, 10 June, p. 15. Available at: <https://lgz.ru/article/N24--6228---2009-06-10-/%c2%ab...Nas,-chto-ni-govori,-%d0%b5sht%d1%91-och%d0%b5ny-malo%c2%bb9169/> (accessed on December 17, 2019). (In Russ.) (a)
49. Zakharov V. N. Textology as a Technology. *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [The Problems of Fedor Dostoevsky's Textology]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1, pp. 3–26. (b)
50. Zakharov V. N. From the Dostoevsky's Archive: William Gladstone and Semen Nikolaevich Tsvet. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh* [Dostoevsky and World culture. Almanac], 2012, no. 29, pp. 9–24. (In Russ.)

51. Zakharov V. N. Where Did Dostoevsky's Archive of the 1840s Disappear? In: *Znanie, ponimanie, umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2014, no. 3, pp. 287–296. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/3/Zakharov_What-Happened-Dostoyevskys-Archive-1840/ (accessed on December 17, 2019). (In Russ.)
52. Zakharov V. N. From the Forgotten Memoirs. P. Matveev About F. Dostoevsky, N. Strakhov, L. Tolstoy. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 1, pp. 58–70. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461750377.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2621 (In Russ.)
53. Zilberstein I. S. About the Correspondence Between Dostoevsky and Turgenev. In: *F. M. Dostoevskiy i I. S. Turgenev. Perepiska [F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev. Correspondence]*. Leningrad, Academia Publ., 1928, pp. 3–18. (In Russ.)
54. Zilberstein I. S. Newfound and Forgotten Letters of Dostoevsky. In: *Fedor Dostoevskiy. Novye Materialy i issledovaniya [Fedor Dostoevsky. New Materials and Studies]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 114–152 (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86) (In Russ.)
55. Zinkova V. S., Solopova A. I. "I Rely on You!.." (Correspondence of F. M. Dostoevsky with V. F. Putykovich: Complete Corpus of Letters with Commentaries). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 4, pp. 108–118. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881 (In Russ.) (a)
56. Zinkova V. S., Solopova A. I. Correspondence of Fedor Dostoevsky and V. F. Putykovich (1873–1880). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 4, pp. 119–273. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1482240857.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881 (In Russ.) (b)
57. *Iz arkhiva Dostoevskogo. Pis'ma russkikh pisateley [From Dostoevsky's Archive. The Letters of Russian Writers]*. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 140 p.
58. Kapelyush B. N. Dostoevsky's Unpublished Letter to V. M. Kachenovsky. In: *Dostoevskiy i ego vremya [Dostoevsky and His Time]*. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 248–249. (In Russ.)
59. Kobak I. V. Letters as a Historical Source: The Problems and Methods of Study. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 2]*, 2012, issue 2, pp. 142–148. (In Russ.)
60. Kogan G. F. F. M. Dostoevsky. An Unpublished Letter to N. N. Strakhov. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1980, issue 4, pp. 3–6. (In Russ.)
61. Komarov V. L. Dostoevsky's Literary Heritage in the Years of Revolution. In: *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934, vol. 15, pp. 885–904. (In Russ.)
62. Krasovskiy Yu. A. The Kazan Correspondent of F. M. Dostoevsky (An Unpublished Letter to N. F. Yushkov). In: *Vstrechi s proshlym [Meetings with the Past]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983, issue 1, pp. 41–43. Available at: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_1876_pismo_ushkovu.shtml (accessed on December 17, 2019). (In Russ.)
63. Lanskiy L. Lost Letters of Dostoevsky. In: *Voprosy literatury*, 1971, no. 11, pp. 196–222. (In Russ.)
64. Lanskiy L. R. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of Contemporaries (1837–1881). In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–564. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)

65. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. (In Russ.)
66. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. An Unknown Autograph of F. M. Dostoevsky (The Letter to Successor Tsesarevich Alexander Alexandrovich). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 5–12. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587653605.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4401 (In Russ.)
67. Unpublished Letters to Dostoevsky / publ. by B. Yu. Ulanovskaya, E. M. Khmelevskaya, T. I. Ornatskaya, I. M. Yudina, and V. A. Tunimanov. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 250–279. (In Russ.)
68. Nechaeva V. N. Unpublished Letters of Fedor M. and Mikhail M. Dostoevsky of 1847–1880 (From the Family Archives). In: *Iskusstvo. Zhurnal Gosudarstvennoy akademii khudozhestvennykh nauk* [Art. Journal of the State Academy of Fine Arts]. Moscow, State Academy of Fine Arts Publ., 1927, vol 3, issue 1, pp. 99–146. (In Russ.)
69. [Nechaeva V. S.] *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
70. Ornatskaya T. A. E. Wrangel's Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, issue 3, pp. 258–285. (In Russ.)
71. Otlivanchik A. V. Dostoevsky in the Unpublished Correspondence of V. F. Putsykovich of 1899–1911. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, issue 19, pp. 429–442. (In Russ.)
72. Otlivanchik A. V. Fedor Dostoevsky's Letters Addressed to Victor Putsykovich: the History not Taking Place in "Russkoe Obozrenie". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 154–175. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741504.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3782 (In Russ.)
73. Panyukova T. V. "Public, Readers... That Is Another Matter: They Always Supported Me". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2015, no. 1, pp. 106–121. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438336456.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.5 (In Russ.)
74. Panyukova T. V. "Life Looks Brighter Since...": Relations Between V. P. Meshchersky and F. M. Dostoevsky as It Follows from Their Correspondence. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2017, no. 1, pp. 18–34. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493209768.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3082 (In Russ.)
75. Panyukova T. V. And the Hidden Became the Evident: Sergey Fedorovich Kalugin, Correspondent of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 94–153. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737911.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621 (In Russ.)
76. Perlina N. Dostoevskij's First Posthumous Biography: An Analysis of Sources. In: *Russian Language Journal / Russkiiy yazyk*, 1975, vol 29, no. 102, pp. 42–56. Available at: https://www.jstor.org/stable/43668350?seq=1#metadata_info_tab_contents (accessed on January 14, 2020). (In Russ.)
77. *Pis'ma F. M. Dostoevskogo k zhene* [F. M. Dostoevsky's Letters to His Wife]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926. 366 p. (In Russ.)
78. Prokhorov I. O. Dostoevsky and the Lyadovs (Letter to the Editors). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 3, pp. 195–203. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737911.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3782 (In Russ.)

- ru/files/redaktor_pdf/1541165523.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3722 (In Russ.)
79. Sosnovskaya O. A. Dostoevsky and Wagner: Biography in the Correspondence. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 5–13. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455212234.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2462 (In Russ.)
80. Sosnovskaya O. A. Memoirist L. F. Panteleev — Publisher and Creditor of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 4, pp. 159–172. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758307.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4321 (In Russ.)
81. Stepanova G. V. P. I. Weinberg's Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, issue 4, pp. 239–253. (In Russ.)
82. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's Addresses in St. Petersburg: Critical Analysis of Sources and Review of Regional Publications. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 1, pp. 38–103. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438253169.pdf (accessed on November 30, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.1 (In Russ.)
83. *F. M. Dostoevskiy. A. G. Dostoevskaya. Perepiska* [*F. M. Dostoevsky. A. G. Dostoevskaya. Correspondence*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 483 p. (In Russ.)
84. *F. M. Dostoevskiy i I. S. Turgenev. Perepiska* [*F. M. Dostoevsky and I. S. Turgenev. Correspondence*]. Leningrad, Academia Publ., 1928. 200 p. (In Russ.)
85. Fridlender G. M. Dostoevsky's Unpublished Letters. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [*Dostoevsky and His Time*]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 250–251. (In Russ.)
86. Fridlender G. M. Editor's Note. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, issue 1, pp. 3–4. (In Russ.)
87. Fridlender G. M. Dostoevsky's Letters. *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 1, pp. 5–26.
88. Khramykh A. V. Dostoevsky's Manuscripts at Foreign Auctions. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 2, pp. 37–43. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754558.pdf (accessed on November 29, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2463 (In Russ.)
89. Shevtsova N. V. Epistolary Heritage. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference book*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 401–410. (Ser. "Dostoevsky and Russian culture")
90. Shilova N. L. Peter Ulovich, Priest from Polesye and F. M. Dostoevsky's Correspondent (with the Published Letter and Commentaries on It). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2017, no. 4, pp. 78–89. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514284558.pdf (accessed on January 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3301 (In Russ.)
91. Mazon A. Quelques lettres de Dostoevskij à Turgenev [Some Dostoevsky's Letters to Turgenev]. In: *Revue des études slaves*, 1921, vol. 1, issue 1–2, pp. 117–137. Available at: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1921_num_1_1_1006 (accessed on November 29, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2463 (In French)
92. Simmons J. S. G. F. M. Dostoevsky and A. K. Tolstoy: Two Letters. In: *Oxford Slavonic Papers*. Oxford, 1959, vol. 9, pp. 64–71. (In English)

В оформлении обложки использовано фото Великого князя
Александра Александровича (середина 1870-х гг., фотограф Бергамаско К. И.).
Источник <http://nlr.ru/res/refer/romanov/article.php?num=103>

For the design of the cover page there was used the image of Grand Duke
Alexander Alexandrovich (mid-1870s, photographer K. I. Bergamasco).
URL: <http://nlr.ru/res/refer/romanov/article.php?num=103>

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина,

Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль

Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль

Перевод: О. А. Устюгова, Я. И. Соломинская

Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:

185910, Российская Федерация, Петрозаводск,

пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:

185910, Russian Federation,
Petrozavodsk, 33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com

<http://unknown-dostoevsky.ru>